

РУССКАЯ РЕЧЬ

№ 3 • 1970 • май • июнь

Научно-популярный журнал

Института русского языка

Академии наук СССР

Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год

Издательство «Наука» • Москва

В номере

М. И. Исаев. Ленинская национальная политика в
языковом строительстве 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В. В. Лопатин. «Синь, упавшая в реку» 8
И. Б. Голуб. Песенное слово Сергея Есенина 14
Н. В. Романова. «Звоном звезд...» 19
В. Г. Гомазков. Звуковые повторы у Л. Н. Толстого 23
Н. С. Авилова. «Петухи опевают ночь» 27

ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ

Н. Ю. Шведова. Виктор Владимирович Виноградов 29
В. В. Виноградов. О культуре русской речи 33

СЛОВО ПИСАТЕЛЮ

М. Исаковский. Как я изучал родной язык 40
И. Кобзев. О любви и нелюбви 45

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Е. А. Левашов. Темная лошадка 52
В. П. Даниленко, В. Н. Хохлачева. Варианты
слова 53
Н. Кузьмин. Снова о русском шрифте 55
В. И. Савина. Еще раз о транскрипции иноязычных
географических названий 57

ГРАММАТИКА

Н. Н. Холодов. Союз *да* в сложносочиненных пред-
ложениях 59

ШКОЛА

И. И. Кулибаба. Четвертый класс делает шаг вперед	62
Письма из школ	67
А. А. Брагина. Запятая	70

ИСТОРИЯ ПИСЬМА И КНИГИ

В. В. Анниченко. Франциск (Георгий) Скорина	77
В. Н. Сергеев. Живопись стремится заговорить	83

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

К. М. Браславец. Русские говоры Камчатки	90
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Н. В. Попова. Утро	9
Г. Н. Лукина. Русские шапки и шлемы	100
Г. Н. Снетова. Названия налогов и пошлин в Московской Руси	103

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

А. Б. Аникина. Морфологический разбор	108
---	-----

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Стихи	115
-----------------	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь начинающего филолога	117
Словарь эпитетов	120

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»122

На обложке: «Сергей Есенин»
Гравюра Ю. И. Космынина

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

ЛЕНИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ЯЗЫКОВОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

В трудах В. И. Ленина заложены прочные основы национальной политики Коммунистической партии. В. И. Ленин подчеркивал: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!» (В. И. Ленин. Рабочий класс и национальный вопрос). Ленин вел непримиримую борьбу с политикой царизма и его апологетов по отношению к народам России, состоящую «в том, чтобы убить среди них зачатки всякой государственности, калечить их культуру, стеснять язык, держать их в невежестве и, наконец, по возможности, русифицировать их. Результат такой политики — неразвитость и политическая отсталость этих народов» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. М., 1953, стр. 558—559).

После победы Великой Октябрьской социалистической революции Коммунистическая партия приступила к проведению в жизнь ленинского принципа равноправия всех народов нашей страны. Была разработана детальная программа борьбы за уничтожение фактического национального неравенства народов, в которой были предусмотрены: а) развитие и укрепление советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям каждого народа; б) развитие и укрепление действующих на родном языке различных государственных органов (суд, администрация, органы власти и хозяйственного руководства), в которых бы работали люди коренной национальности, знающие быт, обычаи и психологию местного населения; в) создание на местах школ, театров, организация книгопечатания на родных языках; г) подготовка национальных кадров для самых различных областей экономической и культурной жизни народов («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Ч. I. М., 1953, стр. 559).

Для осуществления этих важных мероприятий требовалась громадная работа. Демократизация культуры как основной принцип пролетарской революции должна была послужить созданию национальных кадров в ранее отсталых республиках, областях и районах. Прежде всего нужно было создать общедоступную письменность на родных языках.

Советская власть унаследовала от царизма запущенное и чрезвычайно запутанное «языковое хозяйство». Из 130 народов нашей страны более или менее развитая письменность была лишь у 20. Свою оригинальную графику письма имели только русские и украинцы, грузины и армяне, которые создали довольно развитые литературные языки.

Русским алфавитом в той или иной степени пользовались также мордва, осетины, коми, удмурты, чуваша, якуты, исповедовавшие христианскую религию. Эстонцы, латыши и литовцы применяли латинскую графику. Буряты и калмыки исповедовали ламаистскую веру и строили свое письмо на основе разновидности древнеуйгурско-монгольской письменности. Караимы, крымские, горские, среднеазиатские и восточноевропейские евреи (исповедовавшие иудейство разного типа) пользовались древнееврейской письменностью. У многочисленных мусульманских народностей Средней Азии и Кавказа появилась письменность на арабском алфавите. В разной степени арабскую графику приспособляли к своим языкам представители 16 различных народностей (узбеки, казахи, азербайджанцы, татары, некоторые народности Дагестана и др.). Однако следует отметить, что эта письменность была недоступна широкому народным массам. Как правило, ею пользовалось в основном духовенство (подробнее см.: Л. М. Зак, М. И. Исаев. Проблемы письменности народов СССР в культурной революции.— «Вопросы истории», 1966, № 2).

Таким образом, письменность на многих языках ограничивалась в основном сферой религии, а вся книжная продукция состояла нередко из букваря да нескольких церковных книжек. Поэтому неудивительно, что как у бесписьменных, так и у «письменных» народов процент неграмотности был огромен. В Азербайджане, например, до революции 95,5 процента населения оставалось неграмотным; количество грамотных среди народов Кавказа, Поволжья и Средней Азии составляло 1—2 процента; сплошная неграмотность царилла среди народов Крайнего Севера. Весьма различными были и общественные функции языков в соответствии со степенью развитости самих народов, их численностью, наличием и давностью традиций письма. Все это создавало значительные трудности для осуществления культурной революции в целом и для языкового строительства в частности.

В то же время почти все письменности страдали существенными недостатками, что в известной мере тормозило дело культурного строительства и просвещения. В особенности это относится к уйгурско-монгольской, древнееврейской и арабской письменности.

Как основа письменности ислама, арабская графика вполне устраивала мусульманское духовенство, но она не отвечала задачам борьбы за всеобщую грамотность, так как плохо была приспособлена к фонетической системе языков. Графика арабского письма складывалась в период, когда писали от руки. Однако в эпоху

интенсивного развития книгопечатания и массового обучения грамоте все недостатки этой графики резко обнажились и стали тормозом в распространении просвещения. На сложность изучения арабского письма в свое время обратил внимание Ф. Энгельс в письме к К. Марксу (6 июня 1853).

В первые годы Советской власти основные силы языковедов были направлены на изучение вопросов письменности и создания литературных языков. Глубокому исследованию подверглись фONOлогические системы языков и их диалектов. В этой работе принимали участие широкие круги национальной интеллигенции, а также местные руководящие органы.

В результате проведения исключительно большой исследовательской и организаторской работы у многих народов нашей страны в 20-е годы осуществился переход на латинизированный алфавит. Инициатором здесь выступил Азербайджан, где в 1922 году был учрежден специальный комитет для подготовки перехода на новую графику. Новый алфавит способствовал приобщению масс к культуре, к знаниям. На основе латинской графики была создана письменность и для многих народов, которые ее никогда ранее не имели.

В общей сложности за весьма короткий исторический срок новые литературные языки получили более чем 50 народов! Это явилось крупным достижением в области культурного строительства и социального прогресса народов СССР. Подобного предприятия — по грандиозным размахам и благотворным последствиям — не знала еще история культуры.

Позднее (1936—1940) абсолютное большинство народов Советского Союза по собственной инициативе перевели свои письменности на русскую графическую базу. Это полностью соответствовало процессам расцвета и сближения всех народов нашей страны, укреплению между ними интернациональных связей, а также облегчило школьное обучение и помогло решить многие технические вопросы книгопечатания. Ныне, кроме русской графики, народы Советского Союза пользуются также латинской (латыши, литовцы, эстонцы). Грузины, армяне и часть еврейского населения сохранили древние алфавиты.

Создание и усовершенствование письменностей несомненно составляют в первые десятилетия Советской власти основное содержание языкового строительства. Наряду с этим важную роль сыграла в развитии литературных языков народов СССР деятельность ученых по созданию терминологии. Проблема терминологии в многочисленных литературных языках нашей страны сложна, при ее решении приходится учитывать много различных факторов: периоды развития нашего социалистического государства, наличие и давность литературных традиций того или иного языка, широту общественных функций языка и т. д.

В зависимости от этих причин развитие терминологии каждого литературного языка имеет свои особенности. Тем не менее уче-

ные справедливо указывают на некоторые общие закономерности по историческим периодам или группам языков. Так, Н. А. Баскаков выделяет три периода «развития большинства языков народов СССР и их терминологии» (Современное состояние терминологии в языках народов СССР.— Сб. «Вопросы терминологии». М., 1960, стр. 59).

Первый период (1927—1929) — критика старой терминологии, замена ее терминологией искусственной национальной, пуристской. Нередко это приводило к досадным искажениям соответствующих понятий. Некоторые термины позднее были вытеснены русскими словами, уже усвоенными народной разговорной речью.

Второй период (1929—1945) — все большее внедрение русской и интернациональной терминологии, связанное с бурным развитием социалистической экономики и культуры. Вместе с тем при помощи словообразовательных средств родного языка и его диалектов создается значительное количество удачных терминов.

Третий период (начинается после Великой Отечественной войны) — усиление работы ученых по дальнейшему упорядочению терминологии национальных языков. К этому времени уже реально очерчиваются контуры общего словарного фонда литературных языков народов СССР. Наряду со средствами родного языка этот общий фонд становится важнейшим источником для новой терминологии.

На развитие терминологии влияли и другие объективные причины, например традиции письма и культурных связей с другими народами. Нельзя, в частности, не учитывать того обстоятельства, что старописьменные грузинский и армянский языки в прошлом претерпели влияние греческой и иранской культур. Воздействию ислама подверглись в значительной степени такие языки, как азербайджанский, узбекский, татарский, туркменский, каракалпакский, казахский, киргизский, уйгурский, таджикский и некоторые другие. Многие младописьменные финно-угорские и кавказские языки издавна развивались под влиянием русской культуры. Еще более тесными были контакты с русским языком у белорусского и украинского. Со всем этим приходилось считаться при разработке терминологии того или иного языка.

На развитие терминологий конкретных языков влияют, разумеется, и особенности их функционирования в обществе. Активное языковое строительство, проводимое на фоне бурного культурного и национального развития, вдохнуло новые силы в литературные языки, которые за годы Советской власти прошли путь, превосходящий их вековое развитие в дореволюционный период. Стремительное расширение общественных функций старописьменных и в особенности младописьменных языков — основной итог их развития за последние десятилетия (подробнее см.: Ю. Д. Дешериев. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе. М., 1966; Ю. Д. Дешериев, И. Ф. Протченко. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968).

Одной из наиболее характерных особенностей развития старописьменных языков в советский период следует считать демократизацию литературного языка, который стал достоянием широких народных масс. За годы Советской власти старописьменные языки начали употребляться в новых сферах государственной и политической жизни, народного образования, в науке и технике, на радио, в кино, театре, на телевидении и т. д. В соответствии с расширением общественных функций появились и развились различные стили.

Расцвет литературных языков, сближение с устной народной речью неизмеримо подняли их значение в общественной жизни народов. Литературные языки обогатились за счет диалектов. Одновременно начали быстро стираться грани между диалектами и общенародным языком. Это в свою очередь способствовало сплочению советских социалистических наций.

Еще более разительные перемены произошли за последние полвека в младописьменных языках. Ныне общественные функции большинства из них выражаются в том, что на этих языках создана значительная художественная литература, выходят периодические издания (газеты, журналы, альманахи), ведется обучение в школе, работают национальные театры и театральные труппы, осуществляется радиовещание, телевидение, проводится хозяйственная, государственная и общественно-политическая деятельность, нередко младописьменные языки используются в деловой и частной переписке.

Определенные сдвиги произошли и в бесписьменных языках. Особенно это сказывается на их словарном составе, куда проникают слова, обозначающие изменения в жизни самих народов. Однако крайняя малочисленность носителей этих языков (нередко всего несколько сотен) и потребность все более интенсивного общения разных народов привели малые народности к сплошному двуязычию (и многоязычию). Как правило, они наряду со своим хорошо владеют также языком (а иногда и не одним) какого-нибудь более многочисленного соседа. Этим языком они пользуются уже как литературным (например, народности Памира — таджикским, бацбийцы, сваны и некоторые другие — грузинским, малые народы Севера — русским).

Двуязычие — это, несомненно, одна из характернейших особенностей жизни народов СССР. Причем важнейшим видом двуязычия является тот, где вторым языком выступает русский, ставший общим языком межнационального общения всех народов СССР.

Однако в полном соответствии с ленинской языковой политикой у нас обеспечено свободное развитие языков народов СССР, свобода для каждого гражданина нашей страны говорить, а также воспитывать и обучать своих детей на любом языке.

М. И. ИСАЕВ

«СИНЬ, УПАВШАЯ В РЕКУ»

Об одном слово-
образовательном приеме
С. А. Есенина

У каждого хорошего поэта есть излюбленные приемы словоупотребления и словообразования. Читая произведения Сергея Есенина, нельзя не заметить его особого «пристрастия» к таким существительным женского рода, как *синь*, *рань*, *ширь*. Это неотъемлемая и органичная примета неповторимого есенинского лиризма. Вот несколько примеров:

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку, —
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только новью мой брызжет шаг...

Пой, мой друг. Навей мне снова
Нашу прежнюю буйную рань.

Буераки... пеньки... косогоры
Обещалили русскую ширь.

Заря окликает другую,
Дымится овсяная гладь...

Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую воду.

Не жаль мне лет, растраченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь,

Подобные слова нередко встречаются и у других поэтов, но Есенин использует их особенно широко и, как мы покажем дальше, разнообразно, с исключительной эмоциональностью. Но прежде надо вкратце охарактеризовать их место в русском языке.

Образуются такие существительные «безаффиксным» способом (некоторые лингвисты называют его нулевой суффиксацией) обычно от имен прилагательных, реже от глаголов и совсем редко от существительных. Основное их значение — отвлеченный признак или отвлеченное действие: синий — синь, глубокий — глубь, дрожать — дрожь.

Большая часть их имеет синонимы — суффиксальные образования с тем же значением: синь и синева, глубь и глубина, дрожь и дрожание и т. п. Другое значение — собирательное. Например, слово *зелень* обозначает не только определенный цвет, но и растительность; *гниль* — это не только «гнилость», но и «гнилые предметы»; *сушь* — не только «сухость», но и «сухие ветки», «сухая земля».

При образовании таких слов конечный твердый согласный основы производящего слова смягчается, а заднеязычные согласные *к*, *г*, *х* чередуются с шипящими *ч*, *ж*, *ш*: *пре-лый* — *прель*, *нов-ый* — *новь*, *ре-зать* — *режь*, *дик-ий* — *дичь*, *тих-ий* — *тишь*. Если основа производящего прилагательного оканчивается на *-к-*, *-н-* (после согласного) или на *-ок-*, эти звуки в производном слове обычно отсутствуют: *прыт-кий* — *прыть*, *гну-сный* — *гнусь*, *высо-кий* —

вись. Ударение в этих словах всегда на первом слоге: зелёный — зéлень, удалой — уда́ль, погáнный — погáнь, оторопеть — óторопь.

Безаффиксные существительные третьего склонения — один из древнейших словообразовательных типов русского языка, восходящий еще к праславянской эпохе. Продуктивен ли он в современном языке? И да, и нет. Подобные существительные сохранились до нашего времени как одна из наиболее развитых словообразовательных особенностей диалектной лексики. В говорах, особенно северновеликорусских, они распространены очень широко. Литературный язык почти не пополняется новыми словами типа *силь*. Это и понятно: ведь в литературном языке есть другие, очень продуктивные типы суффиксального образования существительных с тем же значением: слова с суффиксом *-ость*, образуемые от прилагательных, отлагательные существительные с суффиксами *-ние*, *-к* (*а*) и др.

Исследователи отмечают, что с начала XX века в литературном языке закрепились лишь два неологизма, относящихся к существительным типа *силь*. Это *бездárь* и *зау́мь*; оба они первоначально возникли как окказиональные образования художественной речи. Первое из них «изобрел» Игорь Северянин, употребивший его в таком четверостишии:

Вокруг — талантливые трусy
И обнаглевшая бездárь,
И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь.

Второе «изобрели» футуристы как обозначение своего «заумного языка». Кстати, оба слова вначале употреблялись с ударением на втором слоге (*бездárь*, *зау́мь*), но со временем «подравнялись» под общее правило ударения в этих существительных, получив ударение на первом слоге.

И тем не менее безаффиксные существительные третьего склонения имеют в общелитературном языке очень четкую и определенную сферу применения; эта сфера — художественная речь, и здесь они обычно образуются как окказиональные

слова, употребленные в определенном контексте и не претендующие на то, чтобы войти в общенародный литературный язык. «В сущности, этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы», — писал о таких словах академик В. В. Виноградов (Русский язык. М., 1947). Показательно и другое: в поэзии такие существительные используются гораздо чаще, чем в прозе. Сравнивая слова *вьсь* и *вьсота*, *тишь* и *тишина*, нетрудно заметить, что первые из них экспрессивно-стилистически окрашены как поэтизмы, а вторые стилистически нейтральны. Некоторые из слов типа *силь*, наиболее употребительные в поэтической речи, становятся даже поэтическими штампами. Несомненно, что Маяковский в поэме «Во весь голос» протестует не только против «мещанской» поэзии, воспевающей «дочку, дачку, *водь* и *гладь*», но и против штампованной поэтической лексики (что, впрочем, не мешало Маяковскому довольно широко пользоваться в своей поэтической практике новообразованиями этого типа).

Чем привлекают поэтов слова *силь*, *ширь* и т. п.? Во-первых, несомненно, тем, что они являются характерной приметой народной речи. Русские писатели XIX века, ориентировавшиеся на народную речь, не раз говорили о необходимости употребления таких слов в языке литературы (речь идет о безаффиксных существительных не только III склонения, но и мужского рода II склонения типа *ход*). Напомним, что еще Пушкин отстаивал свое право употреблять народные слова, известные по фольклорным источникам: *мольв*, *топ*, *хлоп*, *шип* (статья «Опровержение на критики»); он же пользовался словами *щёлк*, *розь* (в «Сказке о попе и работнике его Балде»), *скачь* (в вариантах к «Капитанской дочке»). Владимир Даль в предисловии к «Толковому словарю» специально подчеркивал народный, истинно русский характер кратких производных существительных: *собь*, *помеха*, *посев*, *наступ* и т. п. Употребление безаффиксных существительных придает художественному про-

пзведению черты разговорности, народности. Именно эту функцию несут безаффиксные образования, например в произведениях Лескова, Мельникова-Печерского, некоторых современных прозаиков (Нагибина, Солоухина, Чивилихина), таких поэтов, как Николай Клюев и другие «крестьянские» поэты с их особенным интересом к народному творчеству, как наши современники Александр Прокофьев, Виктор Бокков и др. У писателей, хорошо знакомых с диалектной речью, иногда трудно отделить авторские новообразования «в народном духе» от подлинных диалектных слов; и те и другие выполняют одну художественно-образную функцию.

Второе свойство безаффиксных существительных, особенно ценное в поэзии,— краткость, энергичность, выгодно отличающая их от слов суффиксальных. Для поэзии с ее сгущенной образностью это немаловажное свойство слова. «У Северянина мне... понравилось прехлесткое слово *бездарь*,— писал Корней Чуковский в 1914 году в статье „Футуристы“.— Оно такое бьющее, звучит как затрещина и куда энергичнее вялого речения *без-дар-ность*... Оно все насыщено эмоцией, в нем бьется живая кровь».

Несомненно, что Есенина привлекали оба названные свойства безаффиксных существительных. Увлеченный уже в ранний период творчества русским фольклором, народными поверьями и обрядами, поэт сохранил особый интерес к русской народной речи до конца своих дней, постоянно ища и находя все новые образования, близкие к народной речи, свежие, энергичные и эмоциональные. Отсюда и необычайное многообразие излюбленных им существительных: наряду с известными общелитературному языку словами (синь, рань, рябь, гниль, даль, высь, ширь, гладь, тишь, зыбь, муть, темь, гнусь, дрожь, вязь и др.) в произведениях Есенина мы находим более четырех десятков индивидуальных авторских образований этого типа с отвлеченным или собирательным значением.

Вот, например, есенинские новообразования от основ прилагательных (некоторые из них присущи

народным говорам): быстрый — быстрь, ржавый — ржавь, сырой — сырь, ярый — ярь, крепкий — крепь, привольный — приволь.

Пограничник не боится
Быстри,
Не уйдет подмеченный им
Враг...

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти
ивовая ржавь.

А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный сырю хомут.

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью ярь мужиков
Перехаркана.

Конь мой — мощь моя и крепь.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех...

Обращает на себя внимание тот факт, что в случаях, когда эти слова употребляются в общелитературном русском языке лишь в более узких, специальных сферах и в более конкретных значениях (собирательных, предметных), Есенин употребляет их в значении отвлеченного признака, основном для данного типа, как бы заново образуя такие слова. Например, *чернь* употребляется в литературном языке преимущественно в значении ‘художественная обработка, гравировка металла’ и в устаревшем ‘простонародье, низы общества’, *крепь* — в значении ‘устройство для предохранения горных выработок от обвала’, *новь* — преимущественно в значениях ‘непаханная земля, целина’ и ‘зерно нового урожая’, а у Есенина эти слова — синонимы отвлеченных существительных *чернота*, *крепость*, *новизна*; то же относится к словам *бель*, *голь*:

Алый мрак в небесной черни
Начертил пожаром грань.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная белью песка...

Оловом светится лужная голь...

Впрочем, некоторые из слов иногда приобретают у Есенина более

специальные значения, например слово *ярь* — значение 'яровой хлеб':

Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то ярь неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

В поэтической речи Есенина больше всего таких слов образовано от глаголов и существительных, и меньше — производных от прилагательных, в то время как для общелитературного языка характерно обратное соотношение. Это также говорит о стремлении поэта использовать заложенные в литературном языке, но наименее развитые в нем возможности словообразования.

От бесприставочных глаголов Есенин создает такие слова: бредить — бредь, звенеть — звень, индеветь — индевь, а также — морщь, падь, стынь, трясь, хлюпь, хмурь, например:

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.

В берег бьет вода
Пенной индевью...

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная
морщь...

Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

В дни осенней хмури в нас
цвела весна.

А вот примеры есенинских образований от приставочных глаголов:

И пускай я на рыхлую *выбель*
Упаду и заруюсь в снегу...

Заходила буйница *выхвали*
старинной...

Скоро *заморозь* известью выбелит
Тот поселок и эти луга.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит *оголь*.

Снежная *замять* крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

(*Замять* — от глагола *замести* — *замету*, с орфографическим *я* под

влиянием устаревшего написания слова *метель*: *мятель*.)

Особенно интересны подобные слова, образованные от существительных: ведь в общелитературном языке таких образований почти нет. Значение этих слов — либо собирательное (*березь*, *цветь*, *отрубь* — это *березы*, *цветы*, *отруби*), либо отвлеченного признака, подобное тому, которое преобладает в образованиях от прилагательных (*сонь*, *морозь*, *сочь* — от *сок*, *омуть* — от *омут*, *солнь* — от *солнце* и др.):

Полубил я седых журавлей
С их курлыканием в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.
Только видели березь да цветь,
Да раkitник, кривой и безлпстый...

Отметим попутно, что слово *цветь* можно рассматривать и как производное от глагола *цветсти* — *цвету* (ср., например, строку: «Не жаль души сиреневую цветь»). Такая двойственность мотивации характерна и для некоторых других существительных.

Богаты мы лесом и *водью*...

В эту серую *морозь* и слпзь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась *омуть* в сердце
мглистом.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и *сочь*...

С бугра высокого в синеющий
залив

Упала *смоль* качающихся грив.

Интересно, что Есенин расширяет употребление слова *смоль*, известного общелитературному языку только в связанном виде: в сочетании *черный как смоль*.

К приведенным поэтическим новообразованиям Есенина нужно добавить слова, употребленные им в прозе, в повести «Яр»: *лунь* (лунный свет), *дремь*, *томь*, *навись*, *обморозь*, *удобь* — «Месяц, выкатившись из-за бугра долины, залил лунью крыльцо и крышу»; «...синее

небо, прилипаясь к глазам, окутало их дремью»; «Летняя томь кружила голову, он открыл губы и стал пить ветер»; «Черная навесь брызнула дождем»; «С пониких берез падали, обкальваясь, сосульки и шуршали по обморози»; «— Мой конец,— сказал старик,— мне от краю [косить].— Ну, а моя околь,— протянул Филипп,— самая удобь».

На общем фоне «чистых» безаффиксных существительных третьего склонения одну с ними художественную функцию в поэтическом языке Есенина выполняют окказиональные слова с суффиксами *-нь*, *-ть*, *-ль*, образованные от глаголов — *звань*, *стыть*, *ныть*, *тужить*:

То слышится звань,
Звань к оружию под каждой
окошницей.

В плече моем ныть и течь.

Оттого-то вросла тужить
В переборы тальянки звонкой.

В том же художественном ключе начинают играть и некоторые производные существительные третьего склонения: медь, хлябь, слизь и др. *Медь*, например, может восприниматься уже не как переносное употребление названия металла, а как вторичное образование от прилагательного *медный* со значением определенного качества. Создается «эффект присутствия» производящего слова:

Трава, поблекшая, в расстеленные
полы
Сбирает медь с обветренных раkit.

Взбурли всю хлябь и водь...

Излюбленный прием Есенина — употребление производных существительных третьего склонения парами, усиливающее эмоциональное впечатление от них. Особенно выразительна перекличка общелитературного и окказионального образований:

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть...

Только я в эту цветь, в эту гладь,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать...

Светит месяц. Сиянь и сонь,
Хорошо копытит конь.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень?

Есенин постоянно экспериментировал. В ранний период творчества стремление найти необычное слово иногда приводило его к созданию слов, не очень понятных по составу. Особенно это сказалось на языке поэмы «Евпатий Коловрат»:

Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной *допоги*...

Впереди сам хан на *выплячи*,
На коне сидит улыбки...

Их поют от белой *вызнаги*
До холодного сермяжника.

От каких именно слов образованы: выделенные в приведенных цитатах слова, сказать затруднительно. Позднее поэт начисто отказался от подобного вычурного словотворчества; все его новообразования предельно ясны по структуре. Особое место, правда, занимают немногие образования от слов диалектного характера. Таково существительное *мреть*, образованное, по-видимому, от диалектного глагола *мретья*, который определен в Словаре Даля как «мельтешить, маячить, брезжить, мерцать»:

Я на всю эту ржавую мреть
Буду щурить глаза и суживать.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.

От распространенных в ряде южных областей России слов *хмара* «туча, мгла, темнота», *хмарный* «пасмурный» Есенин образует существительное *хмарь*:

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.

А от диалектного наречия *склень* «до краев» — существительное *склень*:

Оттого-то в сентябрьскую склень
...Облилась кровью ягод рябина.

Последний пример интересен необычным для общелитературного языка «переводом» неизменяемого слова — наречия — в существитель-

ное. Другую подобную попытку можно встретить в вариантах поэмы «Анна Снегина»:

И сам я ругался немало,
Когда буржуазная брысь
Слюною своей заливала
Пожаром взметенную жисть.

Этот экспериментальный «перевод» междометия в существительное, по-видимому, был признан не вполне удачным самим автором и не вошел в окончательный текст поэмы...

Обратим внимание также на два необычных образования *никч* и *зыкч* от глаголов *никнуть* и *зыкать*:

Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина —
В сотни верст легла
Прямо в никч она.

Расея...
Дуровая зыч она.
Хошь верь, хошь не верь
ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрнул на криушан.

Необычность этих двух слов для русского языка состоит не только в том, что в них нет чередования *к—ч* (по правилам образования слов они должны были бы звучать *ничь* и *зыкч*), но и в том, что русскому языку вообще неизвестны слова с мягким заднеязычным согласным на конце. Такое двойное отступление от языковых норм создает впечатление некоторой нарочитости, искусственности этих образований, тем более что оба они использованы в составной рифме к слову *Деникина*.

Наконец, интересны существительные третьего склонения, в которых безаффиксный способ словообразования сочетается с приставочным. Сюда относятся новообразования *безглядь*, *сугемень*, *пролесь*:

А пыне я в твою безглядь
[обращение к Кавказу]
Пришел, не ведая причины...
Сугемень колдовная счастье
мне пророчит.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь...

В двух последних словах приставки *су-* и *про-* вносят значение неполноты признака; при этом *пролесь* образовано под влиянием слов общелитературного языка типа *проседь*, но не от прилагательного, как эти слова (также встречающиеся в языке Есенина), а от существительного.

В заключение остановимся еще на одном интересном вопросе: откуда у Есенина такое разнообразие подобных слов, где корни этого словесного богатства? Неужели их обилие и особый вкус к ним Есенина объясняются только общими литературными веяниями и интересами — скажем, влиянием Клюева? Думается, что это не так: Есенин, по-видимому, усвоил многие из этих слов из живой народной речи. До недавнего времени в этом сомневались: ведь интересующие нас слова распространены по преимуществу в северновеликорусских говорах, а Есенин — южанин, детские и отроческие годы провел в рязанском селе. Впрочем, оговаривались, что лексика южновеликорусских говоров изучена еще очень слабо по сравнению с северной лексикой.

Но вот совсем недавно вышел из печати «Словарь современного русского народного говора» (М., 1969), содержащий лексику говора деревни Деулино Рязанской области. Это первый исчерпывающий словарь одного говора в нашей науке, к тому же говора рязанского. И замечательно, что в этом словаре мы найдем довольно много любимых есенинских слов или подобных им: *бель* — «белая краска», *голь* — «голая поверхность, редкая растительность», *глушь*, *новь* — «новое, только что появившееся», *низь* — «низкое место, низина», *чисть*, *пьянь*, *чернь* — «черная краска», *стыдь* — «стужа», *сырь*, *склизь*, *плясь*, *валь* — «деревья, поваленные ветром», *осыпь* и др. Уже неполный перечень дает основание с большой степенью уверенности предполагать, что рассмотренная нами часть есенинского словаря — это свое, родное, исконное, не «литературщина», а живая языковая стихия.

В. В. ЛОПАТИН

ПЕСЕННОЕ СЛОВО СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Звуковая организация речи в поэзии — важная черта стиля. Художник слова в своей работе над языком отбирает не только лексический материал, но и фонетический, добываясь соответствия звуковой стороны речи ее эмоциональной окраске, характеру поэтических образов.

Различные приемы усиления фонетической выразительности стиха сводятся в основном к подбору слов определенного звучания, к своеобразной перекличке гласных, согласных. Ассонансы, аллитерации придают речи особую музыкальность, гармоничность. Фонетическая близость слов оказывает влияние на их восприятие: мы невольно объединяем в своем сознании похожие по звучанию слова; повторяющиеся звуки вызывают у нас разнообразную предметно-смысловые ассоциации, усиливая выразительность речи, подкрепляя ее образность. Эстетическая функция звуков речи заключается не в том, что они имеют в поэзии какое-то самодовлеющее, независимое от содержания выразительное значение, а в том, что поэт использует их как средство речевой экспрессии. «Вопрос о самостоятельной значимости, ценности звуков как таковых до сих пор вызывает споры... Но несомненно, те или иные ассоциации, вызываемые у нас отдельными звуками, обусловлены не самостоятельными качествами этих звуков, а их употреблением в языке» (Д. Н. Шмелев. Слово и образ. М., 1964).

Фонетическая сторона речи может получать художественное значение только в поэзии, где каждое слово выполняет важную эстетиче-

скую роль. Действительно, ведь при сравнительно небольшом количестве звуков речи их повторение совершенно естественно. Поэтому в любом тексте не исключено подобие нескольких, а иногда и многих слов. Однако в повседневной речи это не обращает на себя внимания, так как в ней нет сознательной установки на художественное использование фонетических средств языка. И только в художественном произведении звуковая организация речи становится эстетическим принципом.

Художественное использование фонетики не имеет ничего общего с искусственным нализыванием «музыкальных созвучий», за которыми нет ни мыслей, ни чувств. Представители формалистических направлений пытались подменить язык понятий «певучим соединением слов», лишенных значений, но якобы способных своим звучанием подсказать лирические настроения, чувства, невыразимые в словах. Однако звукопись не может существовать как нечто самодовлеющее, независимое от содержания и смысла произведения. Яркого стилистического эффекта звукопись достигает в том случае, когда фонетическое сближение слов подчеркивает их образность, подкрепляет внутренний смысл и содержание фразы. В этом случае нам кажется, что звукопись рождается из самой темы, музыкальные созвучия воспринимаются как вполне естественное и необходимое выражение мысли.

Высокохудожественные произведения всегда заключают в себе гармонию образной и звуковой природы слова, и мы часто не отдаем себе отчета в том, что сильное воздействие текста обусловлено выразительностью его фонетики. Напротив, нарочитость в подборе языковых средств, в том числе и фонетических, губит поэзию.

Изучение фонетики обращает исследователя к анализу благозвучия поэтической речи, к выявлению приемов звуковой инструментальности. Песенный склад, замечательная музыкальность стиха — отличительная черта есенинского стиля. Поэт называл многие свои произведения песнями и любил их петь. В семье

Есенина, как вспоминает С. Виноградская, «постоянно придумывали мотивы к его стихам и пели их его сестры, мать, друзья». Теперь многие из этих стихотворений положены на музыку, некоторые стали народными песнями. Все это убеждает в том, что само звучание поэзии Есенина несет в себе песенное начало. Какие же черты поэтической речи Есенина создают ее замечательную музыкальность?

Звуковой строй есенинских стихов характеризует удивительное благозвучие — приятное для слуха и удобное для произношения сочетание звуков, отражающее эстети-

мом предмете, передают положительные эмоции лирического героя, находящего в своей душе отзвук миру прекрасного. Таковы, например, есенинские строки:

Я навек за туманы и росы
Полубил у березки стан,
И ее золотистые косы,
И холщовый ее сарафан.

Музыкальный рисунок речи, в которой нет стечения труднопроизносимых звуков, легкость артикуляций и песенные интонации словно отражают акварельную прозрачность тонов изображаемых картин русской природы: необъятной шири

ческие нормы русской речи. Для русской фонетической системы характерно чередование гласных и согласных звуков (белая береза, тихий вечер), а также сочетание двух, реже — трех согласных, не затрудняющее произношение (низкий дом с голубыми ставнями). Речь льется свободно, мелодично, если гласные и согласные приведены между собой в гармонию. Именно таков фонетический рисунок песен Есенина.

Гармонические сочетания звуков не только ласкают слух и служат общеэстетическим целям красоты звучания стиха, но и выполняют выразительную функцию. Звонкие, задумчиво-песенные строки отражают красоту и гармонию в описывае-

полей, синей глади озер, хрустальной чистоты воздуха...

В своих лучших произведениях поэт пришел к полному единству мысли, чувства и музыки слова. Не многим авторам удастся достичь такой прозрачности, такой чистоты звучания стиха, какая отличает есенинские строки:

Не жалею, не зову, не плачу.
Все пройдет, как с белых
длблонь дым...

Фоника этого стихотворения дает представление о мастерстве Есенина в звуковой организации речи. Поэт использует выразительные возможности всех фонетических средств языка. Свободно, легко со-

четаются звуки; широко звучит фраза, подчиняясь музыкальному рисунку гласных и согласных; спокойной движется интонация, построенная на перечислении. Мелодика обращений, вопросительных предложений в этом стихотворении отражает волнение, нарастание чувства. Повторение слов, синтаксический параллелизм конструкций придают речи гармоничность, плавность.

В распоряжении поэта много способов придать стиху мелодичность, звуковую выразительность, и Есенин охотно их использовал. Особая музыкальность фоники отличает творчество позднего Есенина. Гармонические сочетания звуков — важнейшая черта стиля его «Персидских мотивов», интимной лирики 20-х годов.

Однако не все художественные образы настраивали звучание есенинского стиха на песенный лад. Иногда стремление к выразительности поэтической речи подсказывало совсем иную фонетическую организацию строк, которая была далека от песенной стихии. Это относится к гражданской и философской лирике Есенина, сильной уже не раздольно-песенным звучанием, а яркой образительностью фоники. В этих произведениях на фоне музыкальных, гармонических созвучий появляются неблагозвучные слова, употребление которых всегда эстетически мотивировано.

Труднопроизносимые сочетания звуков, требующие напряженной артикуляции, подчеркивают драматизм и сложность описываемых явлений. Нестройности речи отражает несовершенство изображаемой действительности, нарушение гармонии в самой жизни. Таково описание драмы есенинского лирического героя в «Письме к женщине». Здесь насыщены сочетаниями согласных выражения: в сплошном дыму; себя растрачивал в скандалах; спустился в корабельный трюм, чтоб не смотреть людскую рвоту. С трудом автор расставляет слова в горьком признании:

Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,

Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.

Фонетическую выразительность этих строк усиливает инструменталка звуков. Есенин охотно использовал этот прием, состоящий в подборе слов близкого звучания. В «Письме к женщине» повторение согласных звуков (аллитерация) — сильное средство эмоционального и смыслового выделения идейно важных слов. Так, в приведенном отрывке аллитерации на *т, б, с* подчеркивают тягостное звучание речи. Его усиливает и повторение гласного *у* (ассонанс). Переключка звуков в строфе создаст сложный рисунок звукописи. Здесь соединяются разнообразные виды звуковой инструментровки: анафоры — повторение начальных звуков слова (тот трюм; склонился над стаканом; себя сгубить), стых — повторение конечного и начального звуков рядом стоящих слов (тот трюм), эпифора — повторение конечных звуков (трюм, русским, кабаком, стаканом, пьяном). Это сгущение звуковых красок в небольшой фразе словно отражает сложность и запутанность событий, сложивших лирического героя.

Наивно было бы думать, что звуковое подобие слов в таких случаях возникает в речи стихийно. Поэт тщательно отбирает речевой материал, добиваясь желаемой звуковой окраски стиха. Так, в «Письме к женщине» очень выразительно звучание глаголов, которые, являясь логическим центром предложений, содержат в себе большой заряд обрванной энергии речи. Есенинского лирического героя характеризуют «вялые», лишённые динамики глаголы, подчеркивающие его подавленность и неспособность противостоять «року событий»: стоял, приблизившись к стене; катиться дальше вниз; спустился в корабельный трюм, чтоб не смотреть людскую рвоту; склонился над стаканом, чтоб не страдая ни о ком, себя сгубить в угаре пьяном. Звуковую окраску этих слов определяет фрикативный, то есть длительный согласный *с*; его произношение не требует напряжения и не вызывает ярких акустических ассоциаций.

Совсем иная звуковая гамма характеризует волевые энергичные действия, рисующие Женщину, бросившую вызов герою: «взволнованно ходили вы по комнате и что-то резко в лицо бросали мне. Вы говорили: нам пора расстаться...»; «Вам пора за дело приниматься...». В этих словах господствует резкий звук *p*, требующий энергичной артикуляции и создающий сильное акустическое впечатление. Резкому звучанию этого согласного обязаны своей выразительностью яркие с точки зрения звукописи слова: прищипоренная; в развороченном; себя растрачивал; паденье с кручи; яростный попутчик. Аллитерация на *p* в сочетании с другими видами звуковой инструментовки создает динамическую и величественную картину в такой строфе:

Земля — корабль!
 Но кто-то вдруг
 За новой жизнью, новой славой
 В прямую гуцу бурь и выюг
 Е направил величаво.

Ассонанс на *a*, организующий звукопись этого отрывка, придает речи торжественность и значительность, как бы подчеркивая важность описываемого. Инструментовка на *y* в четвертой строке выполняет изобразительную функцию — доносит до нашего слуха грозный пикал бури. Но, пожалуй, самое замечательное в фонетической организации приведенной строфы — это редкая стройность и упорядоченность ее звуковой инструментовки. Эта строгость ритмического повторения созвучий усиливает впечатление гениальной направленности и целеустремленности грандиозной ломки в эпоху грозных бурь. Таково эстетическое значение звуковой организации речи в произведении, в высшей степени характерном для зрелого Есенина.

Можно было бы много говорить о художественной выразительности звуковой инструментовки и ее организующей роли в поэтике Есенина. Почти каждое его стихотворение раскрывает интересные приемы создания музыкальности речи и усиления образной значимости слова средствами звукописи. Поэт много работал над звуковой стороной сти-

ха и даже пытался обосновать теоретически необходимость фонетического подобия слов в поэзии. Подчеркивая своеобразие поэтической речи как «определенного вида словесной формы», Есенин писал, что «художник делает некоторое звуковое притяжение одного слова к другому, то есть слова (звучно) (по своему произношению) входят в одну и ту же произносительную орбиту или более или менее близкую» (Д. Благой. Материалы к характеристике Сергея Есенина. (Из архива поэта Ширяевца). — «Красная Новь», 1926, кн. 2). В этом разъяснении, в сущности, — определение звуковой инструментовки. Ее приемами Есенин овладел с самых первых своих шагов в литературе. Даже ранние его стихотворения восхищают изяществом звуковых рисунков. В них музыкальны стройные анафоры:

Задремали звезды золотые,
 Задрожало зеркало затона...

Наш слух улавливает звуковое подобие не только рядом стоящих слов, но и разделенных другими словами текста:

Знаю, выйдешь к вечеру за
 кольцо дорог,
 Сядем в копны свежие под
 соседний стог...

Юноша-поэт знал и рондо, кольцевую инструментовку, при которой пестороятся начальные звуки одного слова и конечные — другого:

Ты сама под ласками сбросишь
 шелк фаты...

И пускай со звонами плачут
 глухари...

С годами звуковая палитра Есенина становилась все богаче. Его звукопись обычно строится на переключке не одного, а нескольких звуков:

Чтоб все время в синих дремах,
 Не стыдясь и не тая,
 В нежном шелесте черемух
 Раздавалось: «Я твоя».

Такое многоголосье звуковой инструментовки приносит высокое удовлетворение нашему эстетическому чувству.

Однако чудесная музыкальность есенинской поэзии рождается не из нагромождения сложных звуковых

узоров в стихе, а из удивительного проникновения поэта в фонетический строй русской речи, со всеми ее особенностями национального колорита звучания. Для русской фонетической системы характерно обилие сонорных — самых звонких согласных звуков: л, р, н, м. Их музыкальность и звуковую выразительность подчеркивали многие поэты, лингвисты и теоретики стиха. Есенин, тонко чувствуя музыкальную природу родного языка, сделал своими излюбленными звучаниями аллитерации на сонорные. Они создают неповторимый тембр его ранних песен:

Матушка в купальницу по лесу
    ходила,
Босая, с подтыками, по росе
    бродила.
Травы ворожбинные ноги ей
    кололи,
Плакала родимая в купырях
    от боли.

Или:

Ты пошла коня из горстей в
    поводу,
Отражаясь, березы ломались
    в пруду.
Я смотрел из окошка на синий
    платок,
Кудри черные змейно трепал
    ветерок.

Эти же созвучия даруют утонченную музыкальность и лучшим стихотворениям позднего Есенина:

Золото холодное луны,
Запах олеандра и левкоя,
Хорошо бродить среди кояя
Голубой и ласковой страны.

Русский язык отличается от многих других языков обилием мягких согласных, которые придают речи особую нежность звучания. Есенин использовал и эту черту русской фонетики, отбирая для своих стихов слова с мягкими, ласкающими слух созвучиями:

По селу тропинкой кривенькой
В летний вечер голубой
Рекрута ходили с ливенкой
Разухабистой гурьбой.
Распевали про любимые
Да последние деньки:
«Ты прощай, село родимое,
Темна роща и пеньки».

Не многим поэтам удавалось достигнуть такой нежности и задушевности, такой чистоты звучания стиха, какая отличает лучшие произведения Есенина:

Вечером синим, вечером лунным
Была я когда-то красивым и юным.
Неудержимо, неповторимо
Все пролетело... далече...
    мимо...

Сердце остыло, и выпцвели очи...
Синее счастье! Лунные ночи!

Все музыкально в этом стихотворении: легко соединяются звуки, образуя утонченный звфонический рисунок; плавно движется интонация, подчиняясь спокойной мелодике перечисления; гармоничны в своем звучании параллельные отрезки речи, сохраняющие единое синтаксическое построение. Эта музыкальность речи не только ласкает слух, но имеет выразительную функцию: помогает поэту «всю душу выплеснуть в слова».

На фоне чудесной звукописи стихотворения наш слух выделяет удивительное созвучие начальных и конечных слов соседних фраз: *вечером синим... далече... мимо...* Их столкновение подчеркивает драматизм содержания, усиливает эмоциональную напряженность речи. Настойчивое повторение в тексте звуков *н, е* и даже сочетания *не*, создавая мягкую, лирическую тональность, рождает грустный звуковой образ, который несет в себе идею отрицания. В печальной музыке последних стихотворений Есенина часто встречается это звучание, связанное с повторением частицы *не* «Не гляди на меня с упреком, я презренья к тебе не таю»; «Ты меня не любишь, не жалдещь»; «Какая ночь! Я не могу. Не спится мне. Такая лунность...» — и, наконец: «В этой жизни умирать не ново, но и жить, конечно, не новей».

Из глубины души поэта шли эти звуковые образы, осмысленные как отрицание поддельных чувств, продажной любви, как эмоциональное выражение протеста и печальное сознание невозможности счастья. Так звукопись для Сергея Есенина стала важным средством поэтической выразительности.

И. Б. ГОЛУБ

«ЗВОНОМ ЗВЕЗД...»

Есенинский стих насыщен звучанием: это и звон, и свист, и плач флейты, и рыданье, и хохот бубенцов, и мелодия тальянки, и рев, лай, вой, ржанье, пение соловья, и крик петуха, и человеческая песня, и шорохи, и шум деревьев.

Один из самых распространенных в лирике Сергея Есенина звуков — звон. Чаще всего в основе этого образа лежит глагольная метафора. Причем при построении его одинаково активны глаголы настоящего и прошедшего времени, формы повелительного наклонения и неопределенная. Передаваемый ими звон разнообразен по источнику звука — звон земли, песка, ветра, воды, веток деревьев, гор, имени, ржи и т. д.:

Ты звени, звени нам,
Мать-земля сырая,
О полях и рощах
Голубого края.

Уж не будут листвою крылатой
Надо мною звенеть тополя.

И больше всех лишь ты, Кавказ,
Звенел загадочным туманом.

Глагол *звенеть* употребляется для передачи разного звука. Особенно это ясно видно в первом случае, где *звени* в значении 'рассказывай' употребляется в форме, близкой к народной:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мешай мне, добру молодцу, думу
думати...

В данном случае связь с фольклором очевидна (повторы, типичное для устного народного поэтического

творчества обращение, ср.: «Мать сыра земля»).

Глагол *звенеть* у Сергея Есенина передает особенно дорогие сердцу поэта звуки.

Встречается у поэта и метафора, основанная на явлении одноименности. То, что колокольчик-цветок и колокольчик-музыкальный инструмент выражаются омонимами, позволяет поэту сказать о цветке:

Ах, колокольчик! Твой ли пыл
Мне в душу песней позвонил...

Особенно ясно различает звоны по их настроению, внутреннему звучанию именная метафора, так как она в отличие от глагольной служит не только для передачи чисто звуковых ощущений в пейзажных зарисовках, но и для выражения внутреннего состояния автора. Она четче, рельефнее глагольной метафоры передает различные оттенки настроения: звон воспоминаний, звон радости, звон-лай и чисто звуковые эффекты, применяющиеся в пейзажных зарисовках.

О, мед воспоминаний!
О, звон далеких лип!

Прилагательное *далеких* здесь передает не пространственную, а временную отдаленность. Стремясь передать веселье, радость, Есенин кладет в основу образа существительное *звень*:

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Однако это слово встречается в стихах Есенина редко, как и само передаваемое им чувство:

Ведь радость бывает редко,
Как вешняя звень поутру...

Это объясняется общей тональностью есенинской поэзии, в которой преобладают мотивы скорби и печали. Интересно, что редко встречающийся мотив радости поэт подчеркивает, выделяет, передавая его словом, не принадлежащим к общепотребительному пласту лексики.

Образ звона-лая, появившись в одном из ранних стихов, не получает дальнейшего развития, оформление его так же грубо, надуманно, как и само звучание и восприятие его автором:

Лай колоколов над Русью грозный —
Это плачут стены древнего Кремля.

Для передачи звуковых ощущений Есенин берет существительное *звон* и строит на нем следующие метафоры: хриплый звон ольхи, звон мерзлые осин, звон копыт, звон шагов. В первых двух случаях звучание конкретизируется эпитетами *мерзлый*, *хриплый*. Звеня, бубенцы и колокольчики исторгают звуки лихие, удалые, вольные, неудержимые, как русская тройка. Эта параллель и родила метафору *катится бубенчик*:

Ветерок веселый робок и застенчив,
По равнине голой катится бубенчик.

Последнюю строку не следует понимать буквально, перед нами звуковой образ: звон бубенца. Этот образ в лирике Есенина выражает настроение, далекое от нейтральности. Поэтому бубенцы и колокольчики у поэта не плачут, а рыдают, не смеются, а хохочут:

Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

В залихватском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.

Метафоры, в которых звон передается именем прилагательным, причастием и особенно наречием, очень редки и, безусловно, родственны рассмотренным выше со словом *звень* в основе:

Ах, и сам я в чаще звонкой
Увидал вчера в тумане...

Я помню праздник,
Звонокий праздник мая.

Встал, а день, что надо,—
Солнечный, звенящий...

Но звуковой образ, построенный на наречии и причастии, обретает и но-

вый оттенок звона — боли, печали, тоски, жути:

Чем больнее, тем звонче,
То здесь, то там.

Так испуганно в снежную выбель
Заметалась звенящая жуть.

В отдельный звуковой образ выделяется у поэта *звездный звон*. Развитие его от поры увлечения имажинизмом к зрелому творчеству очень интересно. Характерной чертой имажинизма было стремление к самоцельной образности. Поэтому нередко стихотворения имажинистов превращались в цепочку метафор. Есенинский «звездный звон» явно восходит к одной из метафор в раннем стихотворении поэта:

Малиновкой журчащею
Слетит в кусты звезда.

Сравнение звезды с птицей можно объяснить характерным для Есенина овеществлением стиха, склонностью поэта к олицетворению природы. Но звук зарождается не в самом сравнении, он передается причастием *журчащею*, относящимся к одному из членов этого сравнения. Пение малиновки определяется здесь словом, обычно употребляющимся в сочетании с существительными *вода*, *ручей* и т. д., так как это скорее не пение птицы, а образ летящей птицы, который раскрывается через сравнение ее с бегущей водой, выраженное определением *журчащею*. Затем образ развивается, вместо *журчащей малиновки* появляется *звездный напев*:

В чарах звездного напева
Обмлели тополя.

Эти образы, как видим, просты и понятны. Понятен и образ на следующем этапе развития:

Молча ухает звездная звонница...

Затем влияние имажинизма становится более заметным, поэт в звучание звона призводит ощущение холода, утраты и тем самым усложняет структуру образа:

Пролей, пролей нам над водой
Твое глухое ржанье
И колокольчиком-звездой
Холодное сиянье.

Образ интересен тем, что свет здесь передается через звук: *холодное сиянье* проливается *колокольчиком-звездой*. И хотя на первый план в структуре образа выдвигается свет, появление звукового образа совершенно очевидно: явственно слышны звуки холодного колокольного звона, переданного приложением. И, наконец, самая сложная, четырехэтажная метафора:

Я хочу под гудок пастуший
Умереть для себя и для всех.
Колокольчики звездные в уши
Насыпает вечерний снег.

Отенок звучания остается тот же, усложняется только структура образа. Затем *колокольчики звездные* исчезают, оставив после себя *звездный звон*, простое двусоставное предложение заменяется деэпричным оборотом:

Скоро мне без листвы холодеть,
Звоном звезд насыпая уши.

И как итог развития этого образа — простая глагольная метафора, понятная сама по себе в отличие от трех предыдущих, которые ясны только при знании всей эволюции образа:

И звенит голубая звезда.

Н. В. РОМАНОВА,
студентка Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко

ИГРЫ ПРОШЛЫХ ЛЕТ

Не так уж стары эти игры, связанные со словом. Особенное распространение они получили в начале XX столетия — в 1910—1914 годах. Играли не только подростки, молодежь, но и взрослые, солидные люди, которым нравилось проявить свои артистические способности во второй из игр.

1. ПРОДОЛЖАЙТЕ!

Игра ставит целью быстро вспомнить слова, начинающиеся с данного слога, и сразу же, без задержки, произнести одно из них.

Игроки садятся в кружок и предвзвешенно решают, какую букву следует выбрать. Обычно останавливаются на той, на которую сравнительно с другими буквами немного слов в русском языке, например *ч*, *ш* и др.

Один из играющих бросает платок тому или другому в кружке и говорит *ча*. Подхвативший платок вспоминает: чадо, чабан, часы и т. д. Скавав, предположим, *часы*, он может бросить платок дальше с тем же слогом *ча*, но может сказать *че* или *чу* и т. д. Все это в быстром темпе. Тот, кто не сумел продолжить начало слова, дает фант — любой мелкий предмет.

В конце игры один из участников, не получивший «штрафного очка»,

спрашивает, держа в руке тот или иной фант, что должен сделать владелец фанта. Присутствующие предлагают: спеть, или прочесть стихи, или станцевать.

2. СЦЕНКИ — ШАРАДЫ

Читатель, конечно, хорошо знаком с тем, что называется шарадой. Шарады помещаются в журналах, причем обычно им придается стихотворная форма. Слово разбивается на части, каждая из которых может быть самостоятельным словом (бор-ода), затем отдельным частям и, наконец, всему слову дается самое общее, часто шутовское определение: лес — стихотворное произведение — модное естественное украшение молодого мужчины.

Несомненно большой интерес представляет разгадывание шарады, когда она получает сценическое воплощение.

Все желающие принять участие в игре разбиваются на две группы: загадывающих и отгадывающих. Первые дают как бы маленькое представление, вторые являются зрителями и внимательными слушателями, старающимися уловить, что главное, основное в каждой сценке.

Вспоминаю один из таких вечеров, когда я был еще гимназистом пятого класса. Я сначала вошел в состав играющей группы (затем группы поменялись местами). Каждый из участников играющей группы настаивал на предложенном им слове для шарады. Слов оказалось много: хоровод, ба-рак, шар-ад-а, по-беда, кап-уста, перс-ик, бор-ода и т. д.

Помню, что одному из «артистов» больше всего нравилась шарада со словом *кап-уста*. Он обладал хорошим голосом и предлагал во второй сценке спеть с чувством романс

Глинка «Сомнение», сделав особое ударение на последних словах автора текста — Н. Кукольника: «...с устамы сольются уста».

Остановила участников трудность обыгрывания первой части — *кап*. Выбрали слово *бор-ода*.

Надо отметить, что заранее намечается лишь общая канва в сценках, что участникам предоставляется широкая возможность импровизации в пределах этой канвы.

В первой сцене *бор-«артисты»*, сидя за столом, говорили о различных лесах, об их изображении у тех или иных писателей, причем называлось слово *бор*, но не слишком подчеркивалось в разговоре. Во второй сценке *-ода* вспоминали писателей, создавших классические образцы оды (преимущественно Ломоносова и Державина), читали отдельные стихотворения, в том числе и отрывок из оды.

И, наконец, последняя сценка, самая главная, в которой должно быть обыграно все слово *борода*. Решено было посвятить сценку Ф. И. Шаляпину, кумиру учащейся молодежи и всех ценителей искусства. В беседе-сценке отмечалось огромное мастерство Ф. И. Шаляпина в исполнении роли Бориса Годунова в опере М. П. Мусоргского, внимание артиста к внешнему облику, в частности к гриму (бороде).

Как видим, игра дает много и для ума и для сердца, учит импровизировать, внимательно слушать, делать выводы. К сожалению, она забыта, возможно, потому, что с чьей-то легкой руки ее по непонятным причинам отнесли к числу «салонных игр». А не стоит ли возродить ее?

ФИЛОЛОГ

ЗВУКОВЫЕ ПОВТОРЫ У Л. Н. ТОЛСТОГО

Все это до такой степени не случайно, во всех этих чертах чувствуется такая сознательная сила художника!

Л. Толстой

Однажды, в который раз перечитывая сцену охоты в романе «Война и мир», я был поражен теми строчками, где показано, как Николай Ростов с охотниками отправляется со двора, «подсвистывая собак своей своры». Да это же явная аллитерация!

Вспомнилась еще одна сцена охоты, но уже из другого романа: Левин и Облонский на тяге. И здесь есть аллитерация, и какая богатая! Перелистал страницы «Анны Карениной» и опять нашел то же в описании косьбы на Калиновом лугу.

А как же все-таки доказать, что Лев Толстой сознательно создавал такие обороты речи? Быть может, они складывались нечаянно, сами собой? Впрочем, подобное сомнение вероятно лишь у человека, не знающего о том, как дорожил Толстой всеми свойствами своего стиля и как упорно защищал каждую фразу. В подтверждение сошлюсь на одно авторитетное свидетельство. В 1880 году Н. Н. Страхов дал объяснение о совместной работе с Л. Н. Толстым по подготовке отдельного издания «Анны Карениной» 1878 года: «По поводу моих поправок, касавшихся почти только языка, я заметил еще особенность, которая хотя и была для меня неожиданностью, но выступала очень ярко. Лев Николаевич твердо отстаивал малейшее свое выражение и не соглашался на самые, по-видимому, невинные перемены. Из его объяснений я убедился, что он необыкновенно дорожит своим языком...» (Л. Н. Толстой. Анна Каренина. Т. I. М., изд. т-ва И. Д. Сытина, 1914, стр. 333).

Первоначально выезд Ростовых на охоту был описан несколько иначе:

Через час вся охота была у крыльца. Nicolas, не дожидаясь никого, с строгим и серьезным видом, показывавшим, что некогда теперь заниматься пустяками, прошел мимо Наташи, с помощью своего стрелянного Саши сядившей на лошадь, осмотрел все части охоты, послал вперед стаю и охотников в заезд, сел на своего рыжего донца и, подсвистывая собак своей своры, тронулся через гумно в поле, ведущее к Отраденскому заказу.

Потом Л. Толстой сократил это место романа, и в окончательном виде оно стало таким:

Через час вся охота была у крыльца. Николай с строгим и серьезным видом, показывавшим, что некогда теперь заниматься пустяками, прошел мимо Наташи и Пети, которые что-то рассказывали ему. Он осмотрел все части охоты, послал вперед стаю и охотников в заезд, сел на своего рыжего дощца и, подсвистывая собак своей своры, тронулся через гумно в поле, везущее к Отрадненскому заказу.

Заметим, что сокращение сделало более выпуклым и звукопись всей фразы, к тому же именно та часть ее, которая содержит звуковой повтор, превратилась в самостоятельное предложение.

В эпизоде святочного катанья ряженных Ростовых на тройках снова попадает несколько выражений со словами однородного звукового ряда, передающими скрип саней: «визжа и свистя подрезами по морозному снегу»; «визжа полозьями, как будто примерзая к снегу», и, наконец, целое предложение, в каждом слове которого есть свистящие опять-таки в сочетании с пронзительным *и*: «Свист полозьев по снегу и женские взвизги слышались с разных сторон».

А вот как Наташа Ростова проявляет свою радость по поводу удачной охоты:

Наташа визжала в одно и то же время, не переводя духа, так что в ушах звенело. Она не могла не визжать всякий раз, как при ней затравливали зайца. Она как какой-то обряд совершала этим визгом. Она этим визгом выражала все то, что выражали и другие охотники своими одновременными разговорами.

Это одна из предварительных записей. Уже и в ней можно выделить несколько слов одинакового звучания. Впоследствии звуковой лад был еще более усилен: *ж, з, с*, совместно с *и*, целые слоги — *зи, ви, ди*, многократное повторение слова *визг* дают яркое слуховое впечатление:

В то же время Наташа, не переводя духа, радостно и *восторженно визжала так пронзительно*, что в ушах звенело. Она этим *визгом* выражала все то, что выражали и другие охотники своим одновременным разговором. И *визг* этот был так страшен, что она сама должна бы была *стыдиться этого дикого визга...*

И вправду звенит в ушах! Тут вновь мы видим, что поведение героини, ее характер раскрыты не только значением всех этих слов, но и звучанием тоже.

Значение толстовских аллитераций трудно оценить, вырывая из контекста отдельные строчки. С его произведениями так поступать невозможно, потому что автор, создавая определенный мелодичный настрой фразы, имел в виду не просто стиховую эвфонию. Задача писателя — усугубить объективность и конкретиза-

цию художественного образа. Звукопись Л. Толстого целесообразна: она — необходимый штрих его реалистического пейзажа и необычайно крепко связана со всей картиной.

Интересна звукопись в сцене охоты Облоцкого и Левина. «В первой редакции говорилось только о голосах птиц. В одном месте: мелкие птицы, малиновки щебетали; в другом: птицы все лепетали, завывающе закричал филин... В следующей редакции имеются новые подробности и слышны не только птицы: из леса чуть слышно текла ручейками вода, слышен шорох шевелящихся от таяния земли и от роста трав прошлогодних сдвигаемых мокрых листьев. Птицы все громче и хлопотливее щебетали, филин заревел...» (В. Жданов. Творческая история «Анны Карениной». Материалы и наблюдения. М., 1957).

Наконец, мы знаем последнюю редакцию. Наряду с увеличением в лесу разнообразных звуков (во втором варианте) автор романа отмечает также, что и охотники были во власти звуков, тогда как в первом варианте ничего об этом не сказано. Действительно, теперь и старая Ласка прислушивается, насторожив уши, и Левин стоял, слушал и глядел...

Внося различные изменения в рисуемый пейзаж, Л. Толстой одновременно усиливает звукописный тон изображения. Возьмем для доказательства один лишь отрывок: «Слышен шорох шевелящихся от таяния земли и от роста трав прошлогодних сдвигаемых мокрых листьев». Обращает внимание обилие в нем шипящих и свистящих звуков. Прочтите вслух — и вы явственно услышите как бы шелест листьев. В первом варианте этой детали вовсе нет. Но писатель продолжает «озвучивать» картину вечернего, постепенно успокаивающегося леса. Появляются новые слова с той же звуковой окраской (*совершенной тишины*), слово *сдвигаемых* убрано совсем. Ведь первая буква в нем произносится как звонкое *з*, а не как глухое *с*, да к тому же это и другое слово фразы — *шевелиющихся* (оно оставлено в слегка измененном виде) — означают движение того же самого предмета — листьев. Еще некоторые слова переименованы местами, иные перешли отсюда в другое предложение, например *мокрых*. И в результате таких переделок рядом оказались семь слов, в которых одиннадцать глухих свистящих и шипящих! Вот окончательный вариант:

В промежутках совершенной тишины слышен был шорох прошлогодних листьев, шевелившихся от таяния земли и от роста трав.

Не зря Толстой заставляет Левина именно тут сказать самому себе: «Каково! Слышно и видно, как трава растет!».

И еще в романе «Анна Каренина» имеются места, когда опять-таки звуковыми средствами достигается большее правдоподобие события. Сенокос на Калиновом лугу. Левин удивлен, как легко и свободно, будто без напряжения косит идущий впереди него старик, откладывая одинаково ровные ряды: «Точно не он,

а одна острая коса сама вжикала по сочной траве». В этой короткой фразе четыре *с*, стоящих в соседствующих словах; кроме того, начало и конец ее перекликаются, словно рифмующимися сочетаниями *точ — соч*. А *вжикала*? Каково слово! Его нет даже у Даля. Простонародное, ничем не заменяемое, как вообще областные слова, употребляемые Толстым (обидной лес, заимки, волоть, уклочились), оно еще более подчеркивает звуки косьбы.

Показывая в разгаре покос, писатель снова нагнетает свистящие и шипящие, давая тем самым читателю возможность услышать многозвучный шум косовицы. Что-либо похожее возможно встретить лишь в стихотворных произведениях. И опять этот прием художественно оправдан: создан слуховой образ толпы косарей, работающих споро и дружно.

Подрезаемая с сочным звуком и пряно пахнущая трава ложилась высокими рядами. Теснившиеся по коротким рядам косцы со всех сторон, побрякивая брусницами и звуча то столкнувшимися косами, то свистом бруска по оттачиваемой косе, то веселыми криками, подгоняли друг друга.

Лишенная звучности, эта картина много потеряла бы в своей жизненности и яркости.

Не напрасно Н. Н. Страхов в уже цитированном документе упоминает слово *стихотворец*, говоря о Л. Толстом.

Описание молотьбы в повествовании о Хаджи-Мурате, данное в простонародном духе, тоже подтверждает, что чисто звуковое воспроизведение явлений у Толстого встречается очень часто. Вот как он показывает работу крестьянской семьи Авдеевых на току:

Сын молча взял цеп, и работа пошла в четыре цепа: трап, та-па-тап, трап, та-па-тап... Трап,— ударял после трех раз тяжелый цеп старика.

Одновременно с наличием во многих словах звуков *т*, *п*, *р* введено и прямое звукоподражание. Получается ясный слуховой образ. Невольно вспоминается старинная русская загадка, тоже звукоподражательно изображающая молотьбу вручную:

Летят гуски, дубовые носки,

Летят и говорят:

«То-то — мы, то-то — мы!».

Русский народ любит складную речь. Он, языковорец, сам обеспечил, чтобы звуки слова соответствовали сущности слова. Отсюда — *гром гремит, кукушка, жужжать*... Ничем иным не объяснишь также, что наши пословицы и поговорки, скороговорки и прибаутки построены как всевозможные разновидности звуковых повторов. А каков по этому поводу взгляд Л. Н. Толстого? Привожу его мнение, изложенное в письме к Н. Н. Страхову (25 марта 1872): «...а язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил».

Заметьте, писатель тут говорит именно о звуках русского языка.

Изображение Бородинской битвы («Война и мир») Толстой сперва дал конспективно и лишь позже распространил на несколько глав. Вначале, изображая первые минуты боя, он написал:

«Бумм», продолжительно раздался один выстрел с правой батареи.

..Кроме гула орудий слышалась трррррр.. веселая, сливающаяся трескотня ружей, и дымы от ружейной и орудийной пальбы, слившись вместе, застелили всю местность...

В окончательном тексте эти строки исчезли, зато появилась такая увертюра сражения:

Эти дымы выстрелов и, странно сказать, звуки их производили главную красоту зрелища. «Пуфф!» — вдруг виднелся круглый, плотный, играющий лиловым, серым и молочно-белым цветами — дым, и «бумм!» — раздавался через секунду звук этого дыма.

«Пуф-пуф», поднимались два дыма, толкаясь и сливаясь, и «бум-бум» подтверждали звуки то, что видел глаз.

«Трах-та-та-тах», — трещали ружья, хотя и часто, но неправильно и бедно в сравнении с орудийными выстрелами.

В этой выдержке, густо насыщенной звукоподражательными междометиями, автор сам объясняет причину потребности в звукописи. Обратите внимание: звуки подтверждают то, что видит глаз. Вот в чем суть! У Льва Толстого аллитерации выполняют реалистическую функцию: сделать изображение более правдивым, всесторонним, чтобы оно воспринималось всеми органами чувств так же, как постигается нами любое явление в природе.

В. Г. ГОМАЗКОВ, учитель
Волгоград

«ПЕТУХИ ОПЕВАЮТ НОЧЬ»

В книге «Проблема авторства и теория стилей» (1961) Виктор Владимирович Виноградов приводит рассказ-картину И. А. Бунина «Петухи» в качестве примера того, как языковые средства, примененные художником, могут выражать, отображать отдельные стороны пародной психологии. В. В. Виноградов приводит полностью эту миниатюру Бунина, никак не комментируя ее:

На охотничьем ночлеге, с папиросой на пороге избы, после ужина. Тихо, темно, на деревне поют петухи. Выглянула из окошечка сидевшая под ним, в темной избе, хозяйка, послушала, помолчала. Потом негромко, подавляя приятный зевок: — Что ж это вы, барин, не спите? Ишь уж не рано, *петухи опевают ночь* (курсив И. А. Бунина).

Что же это значит: «Петухи опевают ночь»? В миниатюре Бунина это прежде всего стилистическое средство. В структуре миниатюры четко соотносятся нейтральное авторское «На деревне поют петухи» и образное, народное «Петухи опевают ночь». Само это противопоставление нейтрального и образного под-

черкивает образность последнего, его стилистическую окрашенность.

В толковых словарях глагол *опевать* связывается с различными народными обрядами.

Опевать — *опеть* кого, свадебный обряд. Девки в песнях корят, бранят жениха и друзей, вымогая этим подарки. // От этого и вообще корить, бранить, хаять, осуждать, признавать негодным (Даль).

Опевать. Петь песни в честь кого-либо из слушателей на субботках... девушки [слушателей] опевают, то есть в честь каждого посетителя поют одну или несколько песен... (Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852).

Опевать несовершенный; *опеть* совершенный, переходный. Пением стараться воздействовать на кого-либо; петь для кого-либо... «Самцы самочек опевают». М. Горький (17-томный Словарь).

Таким образом, словари, которые отмечают глагол *опевать*, толкуют его значение в положительном или отрицательном смысле, но всегда в отношении воздействия пением на кого-либо.

Однако в романе Мельникова-Печерского «В лесах» находим такой эпизод: после смерти героини — молодой девушки — ее нянюшка «постель Настину в курятник вынесла, чтоб там ее по три ночи петухи опе-ли...». Очевидно, обряд опевания петухами постели умершего связан с народным поверьем, с народной приметой. Тот же обычай приводится В. И. Далем: постель покойника на три дня выносят в курятник на опеванье петухам, чтоб петухи опели (Пословицы русского народа). Бытовавший в народе обычай опевания чего-то как мистический обряд тесно смыкался с другими обычаями, когда действие над предметом или вокруг предмета, охват его действием, приобретал магическое свойство воздействия, достижения желаемого

результата. Так, бытовали обычай двор, село *опахивать* от падежа скота, от болезней людей; пожар *облодить* с иконой; двор *обносить* целовеческим черепом от вора; и совсем уже мистически: сонного человека воры *обводили* мертвой рукой «на мертвый сон». В таком же воздействии на ложе умершего состоял и обряд опевания его петухами.

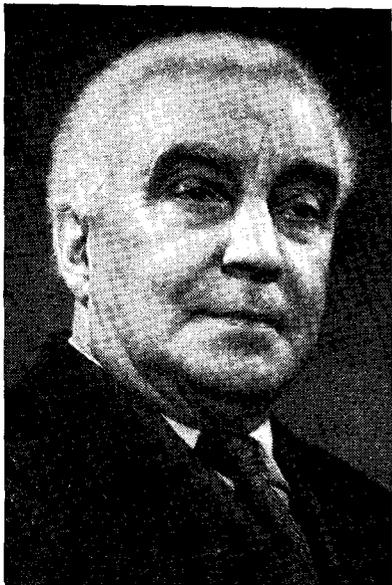
Петух — один из самых близких народу и к тому же наделенный магической силой персонаж народных поверий. Петуха и кошку на счастье, «на благополучное житье» поселяли в новом доме; если петухи поют всю ночь, считалось, что это не к добру; петухи распелись не во-время — к покойнику; крик петуха в соответствии с этими же поверьями изгонял нечистую силу. Недаром Пушкин сделал Золотого петушка главным действующим лицом одной из сказок.

Бунин устами крестьянки, хозяйки избы, употребил глагол *опевать* в необычном сочетании «Петухи опевают ночь». Перед нашими глазами встает тихая, темная ночь, когда по деревне перекликаются петухи, как бы торопя восход солнца, как бы опевая ночь, магически воздействуя на нее, заставляя ее покинуть землю, сдать наступающему дню.

В литературоведении получило признание присущее Бунину чувство великой ценности родной речи, его способность отбирать единственно нужные слова для достижения наибольшей выразительности. Виктор Владимирович Виноградов подчеркнул знание Буниным психологии народа, умение выразить эту психологию. Примером такого умения может явиться образное, почерпнутое у народа употребление глагола *опевать* в выражении «Петухи опевают ночь».

Н. С. АВИЛОВА

*Выдающиеся
советские
лингвисты*

**Виктор Владимирович
ВИНОГРАДОВ**

[1895—1969]

Академик Виктор Владимирович Виноградов был одним из крупнейших филологов нашего времени. Его имя и его труды принадлежат не только отечественному языкознанию и литературоведению, но всей мировой науке. Это был ученый, продолжавший и развивавший лучшие традиции русской филологии и в то же время прокладывавший новые пути в науке о языке и в смежных с ней областях литературоведения. Перу В. В. Виноградова принадлежит более 300 работ, среди них — большое количество монографических исследований, капитальных трудов по грамматике, лекси-

кологии, лексикографии, истории языка, стилистике художественной литературы, текстологии.

Труды В. В. Виноградова известны читателям самых разных кругов. Он писал не только для ученых-лингвистов. Такие его книги, как «Великий русский язык», работы о языке русских классиков, многие статьи по вопросам общего языкознания, лексикографические труды обращены к самому широкому читателю, ко всему русскому народу.

В. В. Виноградов знал и любил русский язык, его историю так, как мало кто их знает и любит. И эти свои знания и любовь он направлял на службу просвещения, активно борясь за высокую культуру русской речи, за то, чтобы ее богатства и ее законы стали всенародным достоянием.

Виктор Владимирович Виноградов родился 12 января 1895 года в г. Зарайске, под Рязанью. Лингвистическое образование он получил в богатых традициями высших учебных заведениях Петрограда. Окончив в 1918 году Историко-филологический институт и одновременно Археологический институт, он был оставлен при Петроградском университете для подготовки к профессорскому званию. Его учителями были крупнейшие русские лингвисты А. А. Шахматов и Л. В. Щерба — создатели собственных школ и направлений в языкознании, чьи языковедческие концепции, — очень разные, но по-своему дополнявшие друг друга, — в значительной степени определили основные направления в последующем развитии науки о языке.

С 1919 года началась научная и педагогическая деятельность В. В. Виноградова. С этого времени в течение полувека он находился на переднем крае науки, обогащая ее трудами непреходящего значения, неся знания целым поколениям студентов, воспитывая будущих ученых, возглавляя большие исследовательские коллективы.

В. В. Виноградов был ученым широчайшего научного диапазона, огромной эрудиции, блестящего исследовательского таланта. Его самая ранняя работа посвящена вопросам русской исторической фонетики. Однако уже с начала 20-х годов он обратился к той проблематике, которую не

оставлял затем в течение всей своей жизни: к вопросам индивидуального стиля писателей и к проблемам стилистики, смежным с литературоведением. К этому времени относятся его исследования о сказовой речи, о языке современных поэтов, о стиле Гоголя и Достоевского. Эти работы ярко иллюстрируют то направление в литературоведении, которое опиралось на методы анализа самой «материи» литературных текстов, помогающего раскрыть далеко не всегда доступные непосредственному восприятию глубины писательского мастерства.

Позднее от вопросов индивидуальной стилистики В. В. Виноградов обратился к общезыковедческим проблемам, связанным с теорией поэтической речи, с изучением общезыковой стилистики и стилей русской художественной прозы. Вершиной этих изучений явились его книги «Язык Пушкина» (1935), «Стиль Пушкина» (1941), «О языке художественной литературы» (1959).

Все работы В. В. Виноградова, посвященные проблемам художественной речи, стилистике, языку отдельных писателей, отличается не только тонкостью и глубиной анализа, проникновение в самые сокровенные уголки писательской художественной «лаборатории», но и прекрасное знание эпохи, всего окружения — культурно-исторического, литературного, социально-бытового, в котором создавалось произведение, которое так или иначе влияло на творческий метод писателя. Эта необыкновенная эрудиция позволила В. В. Виноградову первым определить основные принципы эвристики — науки об установлении авторства по безымянному тексту. Методы эвристического анализа на большом материале были проиллюстрированы исследователем в книге «Проблема авторства и теории стилей» (1961). Эти работы имели огромное значение для науки. Достаточно сказать, что благодаря эвристическим исследованиям В. В. Виноградова был установлен ранее не известный автор большого количества анонимных статей и рассказов: этим автором оказался Ф. М. Достоевский.

В. В. Виноградов известен своими трудами в области текстологии. С его

непосредственным участием готовилось академическое издание полного собрания сочинений А. С. Пушкина; многие варианты произведений, иногда целые творения поэта стали общенародным достоянием благодаря текстологическим исследованиям ученого.

Один из крупнейших историков русского языка, В. В. Виноградов создал и разработал новую отрасль русского исторического языкознания — историю русского литературного языка. В своей книге «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.» (1938) он показал основные процессы развития русского литературного языка нового времени, взаимодействие его с народными говорами и просторечием, с языками Западной Европы. В работах В. В. Виноградова по истории русского литературного языка показана неразрывная связь развития литературного языка с языком художественной литературы, блестяще доказан тезис об огромном вкладе лучших писателей в общелитературный язык.

Целый ряд работ В. В. Виноградова посвящен проблемам истории русского языка донационального периода. Он много занимался вопросами образования и развития письменного языка Древней Руси, установил языковую типологию нашей древней письменности и разработал новую периодизацию развития древнерусской языковой системы. В последние годы жизни ученый обратился к изучению закономерностей развития славянских литературных языков в донациональную и национальную эпохи.

Перу В. В. Виноградова принадлежит ряд блестящих работ по русской лексикологии. Его вклад в изучение русского слова, его строения, смысловой структуры, места в словарной системе языка — огромен. Достаточно назвать здесь лишь два цикла работ этого направления. Это, с одной стороны, многочисленные excursus в историю, устанавливающие первоначальное существование и пути развития большого количества отдельных русских слов, причем, как правило, наименее ясных с точки зрения своего происхождения, связанных с исчезнувшими или инород-

ными по отношению к русскому быту реалиями. Сейчас, после смерти ученого, из этих экскурсов составляется большая книга, которая обогатит нас интереснейшими сведениями о жизни более чем двухсот слов. С другой стороны, к лексикологическим трудам относится работа В. В. Виноградова по составлению словарей. Он был одним из основных составителей «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, членом редколлегии семнадцатитомного академического Словаря, «Словаря языка Пушкина». Его перу принадлежат также широко известные работы о русской фразеологии, об основных типах лексических значений слов, о задачах лексикологии как науки.

В золотой фонд русского и мирового языкознания вошли грамматические труды В. В. Виноградова. Он — создатель оригинальной грамматической теории, сказавший новое слово во всех областях науки о строе современного русского языка — в морфологии, словообразовании, синтаксисе. Среди этих многочисленных трудов прежде всего должны быть названы: «Современный русский язык» (1938), «Русский язык. Грамматическое учение о слове» (1947), «О категории модальности и модальных словах в русском языке» (1950), вводимые главы к I и II томам академической «Грамматики русского языка» (1952), «Вопросы изучения словосочетаний» (1954). В этом ряду книга «Русский язык. Грамматическое учение о слове» занимает особое место: из всех существующих полных описаний русской морфологической системы это единственный курс, в котором изложены новые идеи и целостные самостоятельные концепции по всем узловым проблемам грамматики. Эта книга оказала большое влияние на все дальнейшее развитие грамматической науки и на изучение строя не только русского, но и других языков.

В трудах В. В. Виноградова получили новое освещение важнейшие вопросы грамматической теории: общая иерархия грамматической системы и взаимосвязанность ее звеньев; объект грамматики; слово как грамматическая единица; принципы классификации частей речи; взаимоотно-

шение морфологии и синтаксиса, морфологии и словообразования, словообразования и лексики; строение слова; основные категории синтаксиса и их взаимодействие. По всем этим вопросам В. В. Виноградов предложил свои, оригинальные и конструктивные решения, с которыми можно соглашаться или не соглашаться, но которые обладают тем драгоценным свойством, что они входят как новая и необходимая ступень в общее здание науки, являются важным шагом вперед в ее поступательном движении.

Центральными понятиями и центральными единицами грамматики В. В. Виноградов считал слово и предложение. Он делил грамматику на 1) грамматическое учение о слове, 2) учение о словосочетании, 3) учение о предложении и 4) учение о сложном синтаксическом целом и о синтагмах как составных частях этого целого. Предложенная им классификация частей речи строится с учетом разграничения слов на основе степени номинативной самостоятельности, системы грамматических форм и синтаксических функций. Эта система частей речи, учитывающая всю многогранность и сложность русского слова, заняла прочное место в науке и оказала заметное влияние на многие грамматические построения.

Учение В. В. Виноградова об основном объекте морфологии — слове как единстве грамматических и лексических значений было полемически направлено против сугубо формальных построений, сводивших морфологию к науке о «чистых формах». Это учение обращено к грамматической семантике, то есть к содержательной стороне грамматики, к действующим в языке законам взаимодействия формы слова и его значения. Сила этого учения — в том, что оно направлено против всяческих упрощений и опирается на метод объективного изучения языка во всей его сложности, а иногда и противоречивости.

Велик вклад В. В. Виноградова в изучение русского словообразования. Он впервые дал полный перечень и характеристику аффиксальных типов именного словообразования, показав непосредственную связь

строения слова с его морфологическим классом. Выдвинутый им конструктивный тезис об особом месте словообразования в кругу лингвистических дисциплин нашел убедительное подтверждение в позднейших исследованиях.

Синтаксическая концепция В. В. Виноградова базируется на противопоставлении словосочетания и предложения как единиц разной структуры, разных форм, значений и функций. Его учение о предикативности и модальности как центральных категориях синтаксиса предложения открыло новые перспективы научных исследований. В. В. Виноградов выдвинул важнейшую проблему соотношения лексики и грамматики в сфере синтаксиса.

Грамматическая концепция В. В. Виноградова нашла отражение во вводных главах к академической «Грамматике русского языка» (1952—1954), которая создавалась под его непосредственным руководством. Эта книга, главы которой написаны разными авторами и в разное время, не лишена недостатков, а иногда и противоречий; однако она сыграла важную роль как нормализующее пособие, во многих случаях содержащее весьма полное описание фактов.

В. В. Виноградов — крупнейший историограф русского языкознания. Не только его собственные исследования насыщены сведениями о взглядах и концепциях других ученых, но им написано много специальных работ по истории русского языкознания. Таковы, прежде всего, его книга «Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потебни и Фортунатова)» (1958), большое исследование «Русская наука о русском языке» (1946), статьи о грамматических концепциях Ломоносова, Востокова, Шахматова, Щербы, Пешковского, Обнорского и др. В. В. Виноградов с большой бережностью и вниманием относился ко всему тому, что было сделано в науке другими исследователями. Благодаря его стараниям и трудам науке о русском языке были возвращены многие несправедливо забытые имена.

В. В. Виноградов был филологом в старом, уже уходящем сейчас значении этого слова: в его лице, счастли-

во сочетаясь и обогащая друг друга, соединились лингвист и литературовед. Этим сочетанием объясняется, с одной стороны, строгость литературоведческих работ В. В. Виноградова, точность и «материальность» его исследовательского метода, и, с другой стороны, то прекрасное знание литературной истории народа и владение богатейшими литературными материалами, которое отличает его языковедческие труды.

В. В. Виноградов был строгим учителем, столь же требовательным к другим, как и к себе. Он воспитал не одно поколение ученых, работников высшей школы, учителей. Вряд ли будет преувеличением сказать, что в нашей стране нет такого филологического вуза, где не трудились бы его ученики или ученики его учеников. Он придавал огромное значение воспитанию научной молодежи. В Московском университете, где он в течение многих лет, до конца жизни заведовал кафедрой русского языка, В. В. Виноградов читал разнообразные, из года в год новые спецкурсы, вводил в курс и аспирантов не только в круг соответствующей научной проблематики, но и в исследовательскую лабораторию их учителя.

В. В. Виноградов пользовался огромным авторитетом и всеобщим признанием не только в своей стране, но и за рубежом. Академик, лауреат Государственной премии, орденносец, он вел огромную научно-организационную работу в языковедческих коллективах Москвы и Ленинграда. Он был членом многих зарубежных научных обществ и академий, почетным доктором нескольких европейских университетов. В 1968 году на съезде славистов в Праге ему была вручена высокая награда — медаль «За заслуги перед человечеством». Это были заслуги не только научные, но и общественные, заслуги просветителя, патриота, борца за высокую национальную культуру своего народа.

Доктор филологических наук
Н. Ю. ШВЕДОВА

О КУЛЬТУРЕ РУССКОЙ РЕЧИ

Русский язык — язык великого народа, язык великой литературы. Русский язык нашего времени — это язык социалистической культуры и советской государственности. Величие и мощь русского языка общепризнанны. Русский язык, как говорил еще Фридрих Энгельс, считается «одним из самых сильных и самых богатых языков» мира. Гимны русскому языку, его богатству и выразительности можно найти в сочинениях и размышлениях почти всех крупнейших русских писателей. Для Тургенева, например, раздумья о судьбах Родины были неотделимы, неотрывны от мысли о «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке».

В настоящее время в сознании всего человечества именно русский язык становится действенным средством для всестороннего, углубленного понимания достижений в области развития социалистических идей и социалистического преобразования общества, оказывающих могущественное влияние на весь ход мировой истории. Русский язык стал интернациональным языком, языком межгосударственного общения и культурно-идеологического взаимодействия между всеми народами Советского Союза. Русский язык распространяется везде, в странах Запада и Востока. Интерес к его изучению возрастает на всех материках нашей планеты.

В этих условиях неизмеримо усиливается, увеличивается ответственность всех нас, тех, для кого русский язык является родным, за его чистоту и правильность, за его точность и выразительность. «Надо вдумываться в речь, в слова», — говорил Чехов. — «Надо воспитывать в себе вкус к хорошему языку, как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке». «Внимательнейше, неутомимо, упрямо изучайте язык», — убеждал А. М. Горький молодое поколение советских писателей. Изучение языка помогает открыть законы его развития, правила его употребления и способы обогащения.

Народ — не только творец языка, но и двигатель его истории. Народ вместе с тем стоит на страже сокровищ своего родного слова, пользуясь ими и умножая их в своей речи и словесно-поэтическом творчестве. Характер и степень такого осознанного от-

ношения народа к языку как своему высочайшему национальному достоянию резко изменяются с подъемом народа на ступень социалистической нации. В социалистическом обществе самые широкие народные массы вступают в активное владение национальным литературным языком. Литературный язык становится, по образному выражению М. Горького, «оружием» всего народа. Дробление языка на областные наречия и говоры затихает, ослабевает. Местные особенности речи в силу приобщения самых разнообразных слоев социалистического общества к богатствам литературного слова постепенно стираются. Ведь в социалистической культуре нет пропасти между городом и деревней. Новые формы общественной организации, новый социалистический быт, новое миропонимание, более глубокая и непосредственная связь жизни с наукой и техникой — все это находит отражение и выражение в языке, в образовании новых слов, фраз, оборотов речи, комбинаций фраз и так далее.

Известный наш языковед академик Л. В. Щерба тонко охарактеризовал своеобразие развития русского языка в советскую эпоху. «Нетрудовые элементы потеряли вес в обществе, — говорил он, — и вопросы производства и его организации стали в центре внимания, элементы политического образования стали внедряться в общественное сознание вместе с стремлением в том или другом отношении заполнить пропасть между умственным и физическим трудом. Все это привело к тому, что производственная терминология стала вливаться широкой струей в наш литературный язык, расширяя знакомство с элементами разнообразных производственных процессов».

После революции русский язык обогащается такими выразительными средствами народной речи, которые существенно изменяют систему его стилистики, способы отбора и подбора слов и оборотов речи, связанные с разными условиями и задачами общения. Эти изменения обусловлены коренными изменениями в социальном составе нашего общества. Восприняв все лучшее из тех речевых средств, которые и в прошлом служили целям культурного единения и развития («от Пушкина до Горького», по словам Ленина), современный русский язык «все обогащается с быстротой поражающей», как говорил М. Горький.

В быстром и сложном процессе развития современного русского языка закономерно и естественно возникают колебания, а также болезненные, отрицательные явления в приемах его употребления, в способах применения разных его стилистических средств, в практике словопроизводства и словоупотребления, в отношении к литературно-языковым нормам.

Причин такого рода отклонений от чистоты и правильности речи очень много: и неполное усвоение норм литературного выражения, и недостаточно бережное отношение к языковой традиции, и неумение, а иногда и нежелание разобраться в смысловых качествах разных слов, и влияние «дурной моды», разных жаргонов,

и желание щегольнуть словом или фразой, которые кажутся острыми и выразительными, и многое другое, что свидетельствует о слабой культуре речи, о незрелости «чутья языка».

Эти нарушения чистоты и правильности литературной речи обычно расцениваются как «порча» языка и вызывают у ревнителей чистоты родного языка огорчение и справедливое возмущение, побуждают их к активной борьбе с отклонениями от литературных норм, от правильного употребления такого богатого, живописного и могучего языка, как русский классический язык. Потому что действительно, как убеждал Горький, «борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры».

Как же нужно бороться за чистоту, точность и правильность языка? Необходимо широкое, общенародное распространение научных сведений о законах и правилах русского языка, о его стилистических богатствах, о путях его развития, о способах образования новых слов, об огромной роли языка как «орудия культуры», как средстве познания, и о многом другом, относящемся к вопросам и задачам культуры русской речи. Необходимо воспитание эстетического чутья языка и глубокого сознания ответственности за честное и чистое обращение с ним.

Каждый из нас, из тех, кто относится к русскому языку как к родному и свободно пользуется им в своей общественно-речевой практике, является вместе с тем и участником грандиозного процесса народного «языкотворчества», по выражению Маяковского, и все мы должны внимательно наблюдать и соблюдать законы и правила своего родного языка.

Вот один пример пренебрежительного отношения к правилам языка. В одном из номеров журнала «Октябрь» за 1959 год помещена статья Денисовой о книге А. Колоскова, посвященной Маяковскому. Там было употреблено слово *маяковедение* для обозначения науки о творчестве Маяковского. Это слово сочинено с явным нарушением норм современного словотворчества. Действительно, маяковедение — это скорее наука о маяке или маяках. Следуя этому примеру, мы должны были бы говорить об *исаковедении* (изучение поэзии Исаковского), *помяловедении* (изучение сочинений Помяловского), *жуковедении* (изучение творчества Жуковского) и тому подобное. Здесь очевидная неправильность с точки зрения законов современного литературного словообразования.

Чтобы воспитательная работа в области культуры русской речи была действенной и плодотворной, надо определить, с чем бороться, что признать языковыми ошибками и неправильностями, типичными для современности. И главное: надо выделить именно ходовое, типичное, а не развлекаться анекдотами, уродствами индивидуального словоупотребления. Между тем многочисленные статьи о культуре речи, о том, как говорить или как научиться говорить правильно и красиво, появляющиеся в наших журналах

и газетах, нередко направляют свое внимание именно в сторону анекдотических случаев и сцен.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, можно распределить трудности и неправильности, широко распространенные в современной русской речи, по нескольким группам или категориям.

1. Самая сложная и разнообразная по составу — это группа небрежностей и «неправильностей» в речи, вызванная недостаточным знанием стилистических своеобразий или смысловых оттенков разных выражений и конструкций, а также правил сочетаемости слов. Это результат неполного овладения или во всяком случае еще очень неточного, нетвердого владения системой современного русского литературного языка, его словарем и синтаксисом, его стилистическими средствами. Тут прежде всего выделяются случаи нарушения или неоправданного разрушения старых устойчивых словосочетаний и неудачного образования новых. Например в разговорной речи:

гулять по большичному листку; убирать помещенне в доме; переживать за сестру; дать характеристику на кого-нибудь; утрясти вопрос; львиная часть — вместо: львиная доля; играть значение — вместо: играть роль или иметь значение; одержать успехи — вместо: добиваться успехов или одержать победу; носить значение — вместо: носить характер, иметь значение; разделить на две неравные половины; тратить нервы — вместо: портить нервы; играть главную скрипку — вместо: первую скрипку; заварился сыр-бор — вместо: загорелся сыр-бор; криминальное преступление; мемориальный памятник и т. п.

Такого рода примеров скрещения, контаминации (как говорят языковеды) разных выражений, имеющих близкое или сходное значение, неоправданных стилистических и словесных сближений, смешений и т. д. больше всего встречается в небрежной речи. Сюда же примыкают и такие неправильности словоупотребления, как например: взад-назад — вместо: взад и вперед; дожидать — вместо: дожидаться (но сравните — ожидать); подружить — вместо: подружиться (и сравните — дружить с кем-нибудь) и др.

2. К границам разговорно-литературной речи приблизились и иногда беспорядочно врываются в сферу литературного выражения слова и обороты областного или грубого просторечия — ложить — вместо: класть; обратно — вместо: опять (обратно дождь пошел); крайний — вместо: последний; взади — вместо: сзади; заместо — там, где нужно: вместо.

Естественно, что широкий поток этого просторечия несет в разговорную речь слова и выражения, характеризующиеся разной яркостью областной окраски и разной степенью близости к литературному языку. Ведь с просторечием связаны и специфические выражения и обороты речи вульгарного или фамильярного характера. Например: дать по мозге; устройте пару билетиков; по-страшному — вместо: страшно; по-тихому — вместо: тихо; толкнуть речугу; всю дорогу — в значении 'все время'.

Эти явления в разных стилях и разновидностях современной разговорной речи выступают настолько ощутимо, что они больше всего вызывают протестов со стороны отстаивающих чистоту и правильность русского литературного языка и чаще всего осуждаются и осуждаются в нашей печати.

3. Еще одно явление в жизни современного русского языка, особенно в разговорной речи, вызывающее у многих тревогу и беспокойство, — это широкое и усиленное употребление своеобразных бульгарных, а иногда и подчеркнуто манерных жаргонизмов. От них веет и специфическим духом пошлого мещанства, и налетом буржуазной безвкусицы. Таковы выражения:

оторвать — в смысле 'достать, приобрести' (оторвать тупфли с модерными каблуками); что надо, сила — в смысле 'замечательный'; звякнуть (по телефону); законно, законный — для обозначения положительной оценки; газует — 'бежит'; категорический привет — и даже: приветствую вас категорически — вместо: здравствуйте; дико — в значении 'очень' (дико интересно); хата — в смысле 'квартира' и тому подобное.

Всех, кто ратует за чистоту русского языка, особенно смущает и возмущает распространение этого вульгарно-жаргонного речевого стиля. Многие готовы квалифицировать его, и вполне справедливо, как «осквернение языка Пушкина, Толстого, Горького и Маяковского». Вот характерные газетные заявления:

...За последние годы среди молодежи появились тенденции к созданию какого-то особого, так называемого «стильного» языка, который, как это ни прискорбно, «обогащает» свою лексику из запасов воровского жаргона («Актубинская правда»).

Употребление... слов, зачастую заимствованных из дореволюционных воровских жаргонов, можно объяснить лишь одним — низкой культурой и духовным уродством тех, кто «украшает» ими свою речь, стремясь обратить на себя внимание, — пишут в газете преподаватели из города Ленинабада.

В этой очень пестрой, но всегда мутной струе вульгарной и фамильярной бытовой речи можно при более внимательном рассмотрении и изучении разграничить несколько жаргонных слоев или пластов и даже несколько социально-речевых жаргонных стилей вульгарного и фамильярного характера.

Печальнее всего то, что подобное жаргонное словообразование в зарубежных работах, посвященных русскому языку, иногда относится к характерным качествам культуры нашей студенческой молодежи. Так, в статье доцента Стокгольмского университета Нильса-Оке-Нильссона, напечатанной в шестом томе датского журнала «Скандо-Славика» (Scando-slavica) — «Советский студенческий слэнг» (то есть жаргон) помещается словарик такой речи советских студентов: блеск — в значении 'превосходный'; железно; мешок времени; предки — в значении 'родители'; спихнуть экзамен; старик, старикан — в значении 'профессор', шпаргалитэ; удочка — 'удовлетворительно' и тому подобное.

4. Не менее тяжелым препятствием для свободного развития выразительных стилей современного русского языка является чрезмерное разрастание у нас употребления шаблонной, канцелярской речи, ее штампованных формул и конструкций. Об этом так писал К. Паустовский: «Язык обюрочрачивается сверху донизу, начиная с газет, радио и кончая нашей ежеминутной житейской, бытовой речью». «Нам угрожает опасность замены чистейшего русского языка скудоумным и мертвым языком бюрократическим. Почему мы позволили этому тошнотворному языку проникнуть в литературу?» Оценочные эпитеты, излишества экспрессии — это индивидуальные свойства стиля Паустовского, но основная мысль ясна.

В этой связи нельзя не вспомнить об ироническом отношении Владимира Ильича Ленина «к канцелярскому стилю с периодами в тридцать шесть строк и с „речениями“, от которых больно становится за родную русскую речь».

Жалобы на засилие штампов канцелярско-ведомственной речи в разных сферах общественной жизни раздаются со всех сторон. Так, в письме Чуракова в редакцию «Известий» — «О родном нашем языке» — сказано:

На наш повседневный разговорный язык, язык газеты, радио, плаката все сильнее наступает неповоротливый язык канцелярии. Он проникает даже в литературу.

В «Актюбинской правде» читаем:

Широко распространенным недостатком, который в первую очередь относится к лекторам и докладчикам, является безличный язык с канцелярски приглаженными и обкатанными формулировками.

Писатель Л. Раковский свою статью «Чувство языка», опубликованную в «Литературной газете», начинает так:

Федор Гладков считал канцеляристов сомнительными учителями русского языка. К сожалению, канцеляристы не только учителя, но и — прежде всего — «творцы» того серого, мертвого языка, который так засоряет нашу речь... Это им принадлежит словесный мусор, рожденный в недрах протоколов и отчетов: зачитать и вырешить, использовать и приплюсовать, свиноматка или рыбопродукт (вместо доброго, живого слова *рыба*).

Неуместное употребление казенно-канцелярских трафаретов высмеял Павел Нилин в своих «Заметках о языке» («Новый мир»):

В дверь кабинета председателя районного Исполкома просовывается испуганное лицо.

— Вам что? — спрашивает председатель.

— Я к вам в отношении налога...

Через некоторое время в кабинет заглядывает другая голова.

— А у вас что? — отрывается от всех бумаг председатель.

— Я хотел поговорить в части сена...

— А вы по какому вопросу? — спрашивает председатель третьего посетителя.

— Я по вопросу собаки. В отношении штрафа за собаку. И тоже в части сена, как они...

Комические эффе́кты вызывает также пристрастие к ученым и изысканно-книжным словам и выражениям, которые употребляются без всякой нужды и нередко в совершенно неподходящей обстановке, например: лимитировать количество, фактор времени и др.

5. Естественно, что отсутствие прочных и точных литературных языковых навыков, влияние областного говора и просторечия особенно часто обнаруживаются в произношении, в воспроизведении звуковой формы слов. Сюда относятся и колебания в ударении, а часто — просто нелитературные ударения в отдельных словах как разговорного, так и книжного происхождения, и в их формах. Например:

средства́ — вместо: средства; общества́ — вместо: общества; облёгчить — вместо: облегчи́ть; докúмент — вместо: докумéнт; ходата́йствовать — вместо: ходата́йствовать; ненави́сть — вместо: ненави́сть; жестоко́ — вместо: жесто́ко; по́няла — вместо: поняла́; обеспéчение — вместо: обеспéчение; дермантин — вместо: дерматин; произношение: фанэра, музэй, кофэ и так далее.

Этот очерк или перечень отклонений, отступлений от стилистических норм современной русской речи очень неполон. Он совсем не касается проблем языка советской художественной литературы. Между тем это особая, важная и большая тема.

Но вопросы стилистики художественной литературы не могут быть разрешены в общем плане культуры речи. Они нуждаются в освещении истории и теории литературно-художественной речи. Тут, между прочим, открывается новая сфера наблюдений над приемами построения словесных образов и над речевой структурой образов персонажей.

Мне хотелось бы еще раз подчеркнуть огромное значение вопросов культуры речи, значение стилистических навыков и лингвистических знаний.

Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и развитое чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием — лучшая опора, верное подспорье и очень важная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности.

Можно закончить эту краткую беседу о русском языке и о некоторых непорядках в его современном употреблении теми же словами, которыми закончил свою статью о любви к русскому языку покойный советский поэт Владимир Луговской: «Относитесь к родному языку бережно и любовно. Думайте о нем, изучайте его, страстно любите его, и Вам откроется мир безграничных радостей, ибо безграничны сокровища русского языка».

Текст беседы академика В. В. Виноградова «О культуре русской речи» записан в студии Всесоюзного радио в 1961 году

Слово писателю

КАК Я ИЗУЧАЛ РОДНОЙ ЯЗЫК

М. ИСАКОВСКИЙ

В 1952 году
«Пионерская правда»
опубликовала эту статью
М. В. Исаковского,
обращенную к школьникам.
Редакция «Русской речи»
считает,
что она будет интересна
и нашим читателям.
С согласия автора
мы перепечатываем
сокращенный текст статьи.

«Пионерская правда» просила меня рассказать ребятам о том, как я изучал свой родной язык в школьные годы, а также в последующее время.

Я родился и вырос в деревне, в крестьянской семье. В начальную школу я смог попасть только тогда, когда мне исполнилось 11 лет. К этому времени я был уже немного грамотным (выучился самоучкой), то есть умел читать, писать и считать.

И вот в школе, когда в моем распоряжении оказались некоторые учебники по русскому языку (грамматика, хрестоматия), я довольно быстро понял, что в нашей местности многие слова произносятся неправильно, что их коверкают и что у нас существует целый ряд слов, которые хоть и известны мне, но в книгах почему-то не встречаются, и вместо них употребляются другие слова. Так, например, вместо *окно* у нас говорили *вакно*, вместо *роза* — *рошша*, вместо *квитанция* — *хвитанция*, вместо *стекло* (в оконной раме) — *болонка* и т. п.

Установив этот факт, я решил в первую очередь избавиться от тех неправильностей в произношении, которые были свойственны жителям нашей местности. При этом, разумеется, «правильным» языком я считал тот язык, на котором

написаны книги. Этому последнему я и стал подражать как в разговорной, так и в письменной речи. Если я читал какую-либо книгу, то меня интересовало не только ее содержание, но и то, как пишется отдельные слова, в какой связи находятся они с другими словами и т. п. Я любил заучивать наизусть стихи и заучивал так, что не только мог прочесть их, но и представлял зрительно, как они напечатаны, как стоят отдельные слова и фразы, какие и где имеются знаки препинания.

Будучи школьником (да и после школы), я уже не безразлично слушал разговоры своих одноклассников и одноклассниц, а все время как бы анализировал их речь, подмечая, какое слово произнесено правильно, какое неправильно и т. д. Этим самым я как бы контролировал свои занятия по языку.

Учась в школе, я обнаружил, что есть много русских слов, которых я раньше никогда не слышал и даже не подозревал об их существовании. Например, на уроке первоначальной географии я впервые услышал слово *исток*. Этому слову не было в обиходе жителей нашей местности. Учительница объяснила:

— То место, откуда река берет свое начало, называется ее «исток».

Хорошо, что учительница не просто предложила нам запомнить это незнакомое слово, то есть, проще говоря, «зазубрить» его, но она объяснила его внутренний смысл. Мол, «исток» происходит от слова *истекать* (вытекать): река откуда-то берет свое начало, она «истекает» (вытекает) из определенного места. Поэтому-то начало ее и называется истоком.

Благодаря такому объяснению слово *исток*, до того неизвестное мне,

сразу стало своим, понятным, живым. Я не только мог правильно сказать или написать его, но и зрительно представлял ту картину, которая заключена в его внутреннем содержании. Иначе говоря, я не только понимал это слово, но и как бы ощущал его.

И уж, конечно, после этого мне стало совершенно понятным и другое слово, происходящее от того же корня, а именно: слово *источник* (то есть струя воды, вытекающая на поверхность земли). Этому слову также не было в обиходе жителей нашей местности. Его обычно заменяли словом *ключ* и реке — *родник*.

Таким образом, в школе я постепенно начал расширять свой словарь, усваивая все новые и новые слова. Но это не все. Объясняя ученикам происхождение и значение отдельных слов, учительница привила мне охоту и к самостоятельному анализу. И поэтому вскоре я уже сам, без посторонней помощи, мог кое в чем разбираться.

С раннего детства я, конечно, знал слово *метель* и, безусловно, пользовался им. Но до школы я употреблял это слово, так сказать, механически и не думал о том, откуда оно взялось. В школе же я «разгадал», что слово *метель* происходит от слова *метет*, заметает землю — отсюда и *метель*. Таким образом, это слово как бы заново открылось мне, по-новому зазвучало, заиграло новыми красками, приобрело как бы ощутимый смысл. Кстати сказать, я тогда же сделал для себя и такой вывод, что писать это слово следует только через *е* (метель, а не мятель, как некоторые писали в то время).

Конечно, все эти мои «открытия» были, прямо скажем, довольно примитивными. Но в то время, особенно если принять во внимание мой возраст, они имели для меня очень

большое значение. Во-первых, я самостоятельно приучался к работе над языком. И, во-вторых, «раскрытые» мною слова переставали быть для меня просто звуковыми или письменными знаками, придуманными для обозначения тех или иных явлений,— они становились живыми, разумными, ощутимыми, полными движения и внутреннего смысла. Каждое слово как бы превращалось в своеобразную картину. Все это, в конечном счете, расширяло мои представления не только о языке как таковом, но и об окружающей меня действительности.

Однако те знания по русскому языку, которые я получил сначала в сельской школе, а затем в гимназии, где мне удалось проучиться всего два года, были далеко не полными и, конечно, не давали мне права сказать, что я отлично знаю родной язык. Полное и глубокое знание языка предполагает нечто гораздо большее, чем умение писать без орфографических ошибок, правильно строить фразы, ставить на свои места знаки препинания и т. п.

И вот это большее я и стремился приобрести уже после того, как ушел из школы. Школа мне дала те основы знания языка, без которых я не мог бы двигаться дальше, и я всей душой благодарен ей за это. Но очень многое мне предстояло сделать самому.

Основная моя цель сводилась к тому, чтобы научиться пользоваться языком как можно лучше, полней, разнообразней, чтобы уметь из огромного количества слов и выражений выбирать именно то, что нужно при тех или иных обстоятельствах, чтобы понимать и, я бы даже сказал, чувствовать языковой материал во всех его оттенках, во всем многообразии его форм и сочетаний.

И день за днем, год за годом я в меру своих сил стремился и стремлюсь к достижению намеченной цели. Я читал стихи Пушкина и Некрасова, стараясь понять, как при помощи самых обычных слов эти поэты достигают в своих произведениях такой огромной силы и убедительности. Я записывал народные песни и частушки, находя в них очень много интересного в языковом отношении материала. В частности, я сравнивал язык старинных народных песен с языком частушек, возникших в народе уже значительно позже. Я любил слушать простые деревенские рассказы о разных случаях и событиях и, слушая, записывал особо понравившиеся мне фразы и словечки.

Наконец, и в своей поэтической работе я производил различные «опыты» со словесным материалом. И у меня постепенно накапливалось нечто такое, что я уже мог записать в свой актив. Так, например, сопоставляя различные слова, по-разному комбинируя их, я сделал для себя вывод, что смысл каждого слова не есть что-то застывшее, окаменевшее, установленное раз и навсегда, что этот смысл может иметь самые различные оттенки в зависимости от других слов, стоящих в одной фразе с ним. Вообще говоря, это не было новостью, но для меня это было большой находкой.

Я брал, скажем, слово *дождь*. Мы, конечно, все знаем его и понимаем, что оно значит. Но смотрите, какие различные оттенки может приобрести смысл слова *дождь*, если это слово сочетать с другими словами: дождь моросит, дождь идет, дождь хлещет, дождь льет как из ведра, дождь промочил меня до костей. Как видите, все эти выражения представляют понятие, заключенное в слово

дождь, совершенно по-разному, с разными смысловыми оттенками. Характер слова *дождь* в зависимости от глаголов все время меняется, хотя само слово остается неизменным.

А какую множественностью смысла обладает такой, казалось бы, простой глагол, как *идти*! До чего емко это слово!

Дождь идет, лед идет (по реке), поезд идет к станции, пир идет, хлеб идет в рост, зверь идет на приманку (в смысле — поддается человеческой хитрости), протокол идет на утверждение, машина идет хорошо (в смысле — хорошо работает), время идет, разговор идет, вода идет (то есть вытекает откуда-нибудь), он идет в колхоз (в смысле — вступает в колхоз), он по службе идет хорошо, этот костюм к тебе идет, в театре идет новая пьеса, дело идет отлично и так далее.

Следовательно, на основе только одного этого глагола (*идти*) можно построить бесчисленное количество фраз, выражающих самые различные положения и состояния.

Или вот пример того, как одно и то же состояние может быть выражено самыми различными языковыми средствами: он потерял зрение, он лишился зрения, он остался без зрения, он утратил зрение, он стал незрячим, он ослеп и др. Уже одни эти незамысловатые примеры говорят о неисчерпаемых богатствах русского языка, о неограниченных его возможностях. При помощи такого языка можно нарисовать любую картину, выразить любую мысль, любое чувство. Надо только умело пользоваться им. Однако такая умелость никогда не приходит сама. Она требует очень большой работы.

Многие из вас, вероятно, знают мои стихи «Легят перелетные птицы», которые положены на музыку.

Когда вы читаете их или поете, то смысл слов вряд ли вызывает у вас какие-либо сомнения. Каждое слово стоит на своем месте и выражает именно то, что оно должно выражать. И может создаться такое впечатление, что я сел за стол и сразу же написал эти стихи. Ведь слова в них самые простые и за ними ходить далеко не надо.

Но это не так. Слова-то простые, но из всего обилия слов, имеющихся в русском языке, надо выбрать именно те, которые необходимы в данном случае, которые наиболее полно выражают идею произведения, то есть его основную мысль. А такие слова приходят не сразу: их надо искать. И на поиски их иногда приходится тратить очень много времени, приходится многократно переделывать написанное, пробуя то один, то другой вариант. И нет ничего удивительного в том, что и короткие стихи иногда пишутся по неделям и даже месяцам.

Один начинающий поэт недавно прислал мне свои стихи, в которых имеются следующие строки:

Ты, Родина советская,
Красива, как цветок.

Об этой фразе можно сказать, что и морфологически и синтаксически она построена совершенно правильно, что написавший ее знает грамматику и умеет пользоваться ее правилами. Однако все же о нем нельзя сказать, что он хорошо знает язык и потому умеет находить точные слова для своих стихов. Он поставил в один ряд два совершенно различных по своему смысловому объему и значению слова. Он говорит, что наша Родина красива, как цветок. Таким образом, между красотой Родины и красотой цветка ставится знак равенства. Но можно ли по красоте сравнить Родину с красотой цветка?

По-моему, нельзя. Это, по меньшей мере, было бы неточным.

В самом деле, с одной стороны, Родина с ее необозримыми просторами, с ее многочисленными городами и селами, с могучими массивами лесов и полей, с высокими горными хребтами, с многоводными реками, морями, озерами. Это очень величественно, очень грандиозно. И — с другой стороны — цветок, то есть нечто очень маленькое, хоть и красивое, нечто весьма слабое, беспомощное. И ясно, что сравнение в данном случае неудачно. Наша Родина действительно красива, красота ее столь же своеобразна и могуча, как и она сама. И понятие ее никак не укладывается в понятие красоты цветка. В данном случае товарищ не сумел найти нужное ему слово или выражение, которое бы давало действительное представление о красоте нашей Родины. Так недостаточное знание языка приводит к тому, что речь становится неточной, неубедительной.

Я и сейчас стараюсь расширять и углублять свои знания по языку. Мне, например, иногда нравится просто читать словари, и это дает очень многое. Вот передо мной Словарь Даля. Раскроем его и посмотрим такое простое слово, как *дом*. Задумайтесь над этим словом — и вы поймете, как много значений заключено в нем. *Дом* прежде всего означает строение для жилья. Но это, так сказать, понятие самое общее. А если сказать «крестьянский дом», то смысл слова *дом* уже меняется: это уже хата, изба. Если сказать «каменный многоэтажный дом», то представление о доме создается уже другое. Под словом *дом* в иных случаях может подразумеваться и просто какая-либо хибарка, лачуга, хижина. (Вот, мол, посмотрите, каков он, мой

дом!) А сколько различных форм имеет это слово: тут и домик, и домик, и домочек, и домишко, и домище, и домна! И каждая из этих форм заключает в себе особые оттенки смысла.

Но и это еще не все. Посмотрите, как много производных от слова *дом*: я нахожусь у себя дома, я иду домой, домовая книга, домашний обед, домовитый человек, домашничать, домовладелец, домостроительство, домоуправ, домосед, домочадец, домохозяин и так далее. Таким образом, если как следует разобраться даже в одном только слове *дом*, то и это даст немало пользы. А ведь таких слов в русском словаре многие тысячи.

Мне нравится также следить за живой, разговорной речью. В ней иногда бывает такая интересная «игра слов», которую невозможно придумать искусственно и которой не найдешь ни в одной книге. Так, например, меня очень заинтересовало выражение одной старой колхозницы, которая просила «разгрешить» ее вопрос (вместо *разрешить*). Пусть даже это слово не приживется, но все же интересно разобраться в том, на какой почве оно возникло. А возникло оно вот почему. Сельсовет, который поступил с колхозницей незаконно, по ее мнению, допустил некий «грех», «согрешил» по отношению к ней. Вот она и просит «разгрешить». Конечно, колхозница дошла до этого не путем логических умозаключений, а чисто интуитивно, но подоплека все же была именно такой.

Невозможно, конечно, рассказать обо всех способах, при помощи которых я работаю над языком. Способов этих много, и по мере сил я стараюсь использовать каждый из них.

Могут, однако, сказать, что такая

длительная и кропотливая работа над языком, может быть, нужна писателям и еще кое-кому, но что она не нужна для многих других людей, деятельность которых не требует столь пунктуального изучения языка. Такое мнение, по-моему, было бы

в корне неправильным. К отличному знанию родного языка должны стремиться все советские люди. И наша школа должна сделать все, чтобы ее питомцы были вполне грамотными, чтобы они любили родной язык и умели бы работать над ним.

ИГОРЬ КОБЗЕВ

О ЛЮБВИ И НЕЛЮБВИ

Удивительна и ни с чем несравнима любовь великих мастеров слова к родному языку. Л. Толстой говорил: «Как золото добывается промыванием, так и хорошие, хорошо выраженные мысли...». Однако думается, что и золотоискатели никогда не тратили столько труда и старания в поисках драгоценного металла, сколько расходовали их большие писатели. Какое тут множество ярких примеров! В поисках дорогого самоцветного слова Пушкин ведет долгие беседы с мужиками и странниками на паперти Святогорского монастыря, сам учится выразительности языка и другим учится совету у разбитых «московских просвирен». В погоне за точностью изложения событий Пугачевского восстания мчится Пушкин из Петербурга в Оренбургские степи, колесит по казачьим станицам, беседует со стариками и старухами, выспрашивает, что они помнят, а вместе с тем выписывает, записывает точное, народное слово. Не понявший цели поэта, староста одной из станиц сообщает военному губернатору: приезжал, дескать, кто-то, «похожий на антихриста», «подбивал на пугачевщину»... А Пушкину нужно было разузнать, что «постоялый двор... по-тамошнему, умет», что про небогатых девушек молят в народе: «...какое у ней приданое? частый гребень да веник, да алтын денег (прости бог!), с чем в баню сходить». Да еще нужно было Пушкину подслушать образную беседу: «Отколе бог принес?» —

«В огород летал, коноплю клевал, швырнула бабушка камушком — да мимо»... да еще записать знаменитую калмыцкую сказку про орла и ворона...

Неутомимым искателем словесного жемчуга в глубинах народного быта был Некрасов. Ходит с ружьишком за плечом, кажись, только дупелями интересуется, а сам все записывает песенки, «скажи ему пословицу, загадку загани...». В итоге — поэма «Кому на Руси жить хорошо», равная по словарному богатству лишь одному бесценному четырехстромнику Даля.

Какое тут бесконечное уважение к народному слову, какая гордость им! «Произнесенное метко — все равно что писанное, не вырубляется топором», — подмечает Гоголь.

Известно, что Достоевский был бесконечно горд тем, что добавил в сокровищницу родного языка одно — собственное! — слово: «стусываться»...

Как всегда точный в выражении мысли, Маяковский писал:

Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды.

Он же говорил о радости найденного, рожденного слова еще такими строчками:

...Имя твое я боюсь забыть,
как поэт боится забыть
какое-то
в муках ночей рожденное слово,
величьем равное богу.

Понятие «родной язык» неотделимо от понятия «родной народ». Поэтому без глубокой любви к родному языку невозможно представить себе и настоящую любовь к родному народу. Неспроста именно в любви к языку искал Тургенев в трудное время опору для своей веры в светлое будущее народа: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!». Он же заповедовал нам: «Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нашими предшественниками!».

Не оскудела русская земля стойкими ревнителями родного слова. Вслед за Тургеневым и Толстым пришли Горький, Есенин, Пришвин, Шолохов, Леонов и другие наши современники, прекрасные мастера прозы и поэзии. С хозяйским бережением и рачительностью, с неутомимой любовью черпали они и продолжают черпать нужные слова то из народных говоров, то из жемчужных узорочий фольклора, то из наследий русской литературной древности. Ведь все это — свое, родное. «Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта», — так уважительно и любовно говорит о языке Шолохов.

Понадобилось замечательному советскому поэту Дмитрию Кедрину рассказать о временах Ивана Грозного — он извлек из реки времени горсть незамутнившихся самоцветных слов, не раздумывая над проблемой: «архаизмы» это или еще нет? И пружинисто, заодно и вполне современно зазвучали, казалось бы, «устаревшие» слова:

...Как побил государь
Золотую Орду под Казанью,
Указал на подворье свое
Приходить мастерам.
И велел благодетель, —
Гласит летописца сказанье, —
В память оной победы
Да выстроят камешный храм!..

Широко известно это кедринское стихотворение «Зодчие», написанное с удивительной любовью к родному языку, к народу, к его исто-

риям. Как истинные алмазы, засветились здесь дивные слова: лепота, зане, вельми, очи, сии...

Однако не к чему было бы писать мне мои раздумья «О любви и не любви», если бы одна только любовь к родной речи торжествовала в жизни, если бы по-настоящему блюли мы тургеневский завет о бережении прекрасного русского языка.

Порой не то что любви не видно, куда ненависть сквозит в иных современных высказываниях. Вспомните только: какие грома вражды и злобы обрушил на так называемых «мужиковствующих» писателей за их пристрастие к родным истокам автор статьи «О традициях и народности» А. Дементьев («Новый мир», 1969, № 4). Справедливую отповедь в нашей печати получила эта недобрая статья. Да и не удивительно! Удивительно само появление в печати статьи, столь явно не уважающей русскую речь! Как охотно пронизывает А. Дементьев над теми, кто «вместо привычных для городского слуха» выражений и слов пользуется словами и выражениями, взятыми из живого русского языка, словами вроде: жаждать, гординка, бесинка, обливень и т. п.

Можно представить себе, как досталось бы и самому Пушкину за привезенное из Оренбургщины «словечко» *умет*, кабы мог себе позволить это А. Дементьев. Правда, в свое время некий «Бутырский критик» высказывался в том же, дементьевском духе, критикуя Пушкина за простонародность языка «Руслана и Людмилы». Выходит, не перевелись еще «бутырские критики»...

Написал тамбовский поэт С. Голованов книгу стихов «Урёма» (Центрально-Черноземное книжное издательство. Воронеж. 1969). С любовью лепил поэт стихотворную мозаику из самобытных, красочных слов. Может, держал он при этом в уме, как высоко оценивал языковое своеобразие молодого Есенина Блок. Может, вспомнилось ему, как восхищался пришвинской сочностью языка великий Горький. Может, думалось ему о Некрасове... Однако, видно, и нынче народность,

красочность и богатство языка — это излюбленный предмет для насмешек у необузырских критиков. Вот как издевается над замыслами тамбовского поэта столичный критик Л. Аннинский на страницах «Литературной газеты» (8 октября 1969): «Признаюсь, я спасовал перед первыми же строчками из книги Сергея Голованова:

Лед родника, бегуч и горяч,
Твою наполни баклажку,
И перешел подружейный Пугач
С поиска на потяжку.
Пугач к луговинной кочке прирос;
Дергун под стойкой таится.
Ударь! Под выстрел поставил пес
Набитую жиром птицу.

Что это все означает? Что происходит? — проинизирует критик. — Какой Пугач? Впрочем, нет таких загадок, которых не мог бы разгадать наш читатель. Вооружившись Далем, я выяснил, что баклага — это фляга, а дергун — птица; отсюда я сделал вывод, что речь, в общем, идет об охоте, что Пугач, очевидно, кличка собаки, а „потяжка“ связана с „тягой“. Правда, эти первые восемь строк я прорабатывал минут пять. Но могу с гордостью сказать, что сборник стихов С. Голованова я прочел до конца и почти все понял, ныряя, конечно, в словарь. Я узнал, что такое *рожечник* (правда, здесь у Ожегова и Даля расхождение), *непашь*, *перелог*. Я догадался, что такое *навись*, *потряс* и *напрыг*. Я так и не выяснил, что такое *божжа*, *сорокопуг* и *вигтютень*. Впрочем, может быть, это опечатки и имеются в виду *вожжа*, *сорокопуд* и *выхухоль*, — но я боюсь уличать издателей в небрежности: а вдруг это опять сокровища языка?..» и т. п.

Нужно отметить, справедливости ради, что развязная, глумливая статья Л. Аннинского вызвала законное возмущение читателей газеты, обвинивших критика в том, что сам он плохо владеет русским языком. Но нас тревожат не те частные (хотя и частые) случаи, когда какой-то критик не знает простых слов: баклага, дергун, рожечник, непашь и т. д. Это — их личная забота. Тревожит другое: откуда просачивается в нашу печать подобное

непостижимое презрение к народным говорам, к Далю, к словарям, в которые приходится «нырять», откуда такая ирония: «а вдруг это опять сокровища языка!»?

Казалось бы, давным-давно преодолены и осмеяны потуги немецких академиков во главе с чиновником Шумахером, пытавшихся навязать свободному русскому языку чужеземные оковы. Казалось бы, осуждены историей дворянские попытки «офранцузить» нашу речь, над чем трунил еще Сумароков: «Французским словом он в речь русскую плывет: солому пальею, объектом вид зовет». Казалось бы, установление народной власти в нашей стране утвердило навеки торжество народных принципов в культуре, в науке, в языке. Откуда же берется, от каких «шумахеров» возрождается это стремление оттереть, осудить, опорочить все разнообразие и богатство народных говоров, речений, слов, пословиц и т. п.?

Выкорчевывание исконных корней языка принимает прямо-таки угрожающие размеры, оно проводится в самых различных формах, и теоретических и практических. Дошло до призывов насильственным путем полностью обкорнать язык. Вот что, например, предлагает воинствующий читатель И. Каменев (отрывок из его письма опубликован в «Русской речи», 1969, № 4): «Не кажется ли работникам культуры и просвещения, ответственным более чем кто-либо за чистоту русского языка и русской речи, что процесс изжития местных диалектов в русском языке слишком затянулся? Ведь мы живем в XX веке. А в век космоса и кибернетики конечно же должны быть применены соответствующие способы и методы, могущие очистить и окончательно объединить наш великий могучий русский язык». Сильно сказано! «Процесс изжития затянулся..», «..должны быть применены соответствующие способы и методы, могущие очистить», «в век космоса и кибернетики!». Автор письма чувствует себя вооруженным для борьбы. С чем же он собирается бороться? Что он собирается «изживать»? Впечатление такое, будто речь идет о саранче или

о колорадском жуке. А ведь опять же имеются в виду как раз те самые пушкинские «уметы», те самые некрасовские: «скажи ему пословицу, загадку загани», все те, собранные по крупнице, россыпи, которым посвятил свою жизнь великий русский патриот Владимир Даль. «Русская речь» в статье Т. С. Коготковой «О местном „акценте“», на мой взгляд, довольно убедительно разъяснила И. Каменеву и ему подобным борцам с «местными диалектами» подлинную роль и значение этих богатейших словесных пластов. Я хотел бы сказать о другом.

Предлагается каким-то неизвестным «космически-кибернетическим способом» обеднить и испортить наш живой, емкий, многогранный язык. И не надо думать, что такого «способа» найти невозможно. Находятся такие «способы». Например заметно, что в некоторых редакциях газет и журналов активные не любят своеобразные, нешаблонные слова. Сам я не раз сталкивался с этим. Помню, в секретариате одной редакции мне предложили убрать из стихов слово *росстань*, как непонятное. Напрасно я доказывал, что слово это широко распространено (как обозначение перекрестка дорог), что даже тем, кто с ним не встречался, оно будет понятно по своему корню, что слово это — поэтично, благозвучно, даже эмоционально: *росстань* — *расставание* и т. п. В секретариате предъявили мне «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д. Н. Ушакова, где против слова *росстань* стоит помета (обл.), то есть областное. В другой раз, в другой редакции вычеркнули из моих стихов слово *лепень*, услышанное мной от пожилого москвича осенним днем, когда слышал на землю мокрыми хлопьями этот самый «лепень» — не то дождь, не то снег. В Словаре Ушакова этого прекрасного и нужного слова не оказалось. И мне предложили написать: «мокрый снег». А с тем фактом, что это слово обнаружилось в Словаре Даля, в редакции не посчитались, пребрежительно заявив при этом, что Даль включил все «областные» слова, а некоторые, дескать, даже сам придумал..

Выпущенный в 1935 году Толковый словарь Ушакова по количеству слов почти втрое меньше далевского, хотя в него и вошли многие слова, возникшие уже в советское время. Конечно, имеет право на существование и словарь, подобный ушаковскому, как имеет право на издание томик «Избранных» стихов Пушкина. Однако издав «избранного» Пушкина, мы не зачеркиваем всего остального, им созданного! Видимо, так же должно быть и со словарями.

Составители первого советского толкового словаря (под редакцией профессора Д. Н. Ушакова) ставили перед собой просветительские задачи — познакомить читателя, приобретающего к культуре, в основном со «словами нашей классической литературы от Пушкина до Горького и общепринятого научного, делового и книжного языка, сложившегося в течение XIX века» (Т. I. От редакции). «Задачи и объем словаря ограничены» (Т. I. Как пользоваться словарем). Для того чтобы словарь мог «служить некоторым пособием к правильному употреблению слов» (там же), составителями его даны некоторые пометы, вроде: (обл.), (устарел.), (старин. поэт. торж.) и т. п. Скажем спасибо авторам словаря за их работу. Но в то же время давайте задумаемся над тем печальным парадоксом, что словарем начинают бить по словам! Словарь Ушакова, например, так оценивает слова, характеризующие нашу национальную принадлежность: россиянин — (старин. офиц. торж.), *росс* — (устар.), *рус* — (устар. поэтич. торж.). Что же, значит, устарели и все стихи, в которых они звучат: «О, громкий век военных споров, свидетель славы россиян» (Пушкин); «Я истинный *росс*!» (Некрасов); «Гром победы, раздавайся, веселись, храбрый *росс*!» (Державин)? Коль в буквальном смысле «толковать» Толковый словарь профессора Д. Н. Ушакова, то может сложиться мрачно, унылое представление не только о родном языке, но и об отечественной литературе. Еще бы! «Золото заржавело», «солнце погасло», Пушкин, Некрасов, Державин — все — «устарели!» Нужнейшие слова «отжили».

«Нечем кричать и разговаривать»? — как говорил Маяковский

Сейчас, в связи с необычайно возросшим интересом народа к своей истории, производятся раскопки курганов, пишутся научные труды по истории, ведутся реставрационные работы, продолжаются поиски берестяных грамот, заново перечитываются летописи. Чего стоит одна только находка в Австралии вывезенной из России так называемой «Влесовой Книги», летописи, повествующей о жизни древних руссов, за период, удаленный на полторы тысячи лет от Аскольда и Дира! А данные раскопок сунгирьской стоянки под Владимиром?

У русского народа, так же, как и у русского языка, бесконечно глубокие корни, уходящие в туманнейшие дали тысячелетий. Исследования этих далей — одна из больших задач наших дней. И не устаревают слова, дорогие для народного сердца. Да что там! Даже кафе и рестораны теперь именуются: «Руслан», «Снегурочка». В космический век неоновыми буквами, славянской вязью пишется: «Россияночка».

В свое время вся шумахеровская академия с одним Ломоносовым не могла справиться. А нынче русский народ вырастил миллионы своих интеллигентов, советских ученых и литераторов. Не позвоят они ни тайным, ни явным недоброжелателям самоуправствовать! Сказать по правде, иной раз даже жалость берет ко всем этим «шумахерам»: явно бесплодным трудом занимаются они многие годы! Где же им одолеть силу русской могучей культуры? Вот пытались было недоброжелатели исказить и вульгаризировать историю страны, а на деле вызвали жажду точных знаний, всколыхнули творческий поиск, негаданно для себя породили у народа живой интерес к сему предмету. Пытались они же народную музыку и песни джазиками подменить, аи перепела в ответ на это из деревень и городов России искрометная разудалая хороводная звень!.. Пытаются нынче язык осудить да опошлить. То же самое выйдет!.. Распрямятся сжатая пружина — и выплеснет из народных глубин при-

забытые нынче словесные дивности!

Осознанное рачение о широте и богатстве языка все заметнее проявляется ныне в произведениях многих писателей и поэтов, особенно живущих в областях или из областей приезжающих. Тут хочется назвать поэтов Василия Федорова, Ивана Лысцова, Бориса Ручьева, Михаила Скуратова, Сергея Маркова, Николая Благова, Сергея Поделкова и других.

Не исчезает, однако, в литературе и противоположная направленность.

Несколько лет назад на страницах «Литературной газеты» разгорелась дискуссия о преподавании русской литературы в школе. Предложений было много и разных. Было, например, удивительное предложение: сделать уроки отечественной литературы в наших школах — «предметом факультативным». Писательница И. Грекова в своеобразном очерке в лицах доказывала, что изучение былин об Илье Муромце и многочисленных произведений «проклятого Львишки» (цитата подлинная — речь идет о великом писателе земли русской Льве Николаевиче Толстом) мешают некоему математически одаренному мальчику посвятить себя любимому делу. Даже по одной короткой цитате нетрудно заметить: сколь велика нелюбовь к родной словесности и у неведомого мальчика и у писательницы Грековой, которая с холодным равнодушием поведала обо всем этом со страниц газеты литературной.

Нелюбовь к родному слову явно сказывается и в обилии чужеземных выражений, льющихся из приемников, со страниц ежедневной печати, из многих научных трудов. Странно, что наши редакционные и прочие «нормализаторы», так яростно отвергающие всяческие «диалектизмы», «областные» и «устаревшие» слова — со своими родными русскими корнями (гординка, рожечник, непаша, росстань, россиянин и т. д.), — в то же время охотно открывают все ворота для приливых, заимствованных речений. Безусловно, русский язык никогда не являл собой крепость, окруженную ровом, недоступную для проникнове-

вия извне. Гостеприимство — в характере нашего народа. Немало полюбившихся слов гостеприимно приняты нами из соседних пределов. Бедней мы от этого не стали. Наоборот. Но и тут, как говорится, не к лицу впадать в чужebesие. Прислушаемся к нашей современной лишенной родных красок речи. Нынче мода на наукообразную терминологию иностранного образца. Человеку кажется, что он будет выглядеть недостаточно умным, если не употребит в своей устной и письменной речи: интенсификации, модификации, модуляции, интегрирования, дифференцирования, прогнозирования, программирования, конвергенции, компиляции и т. д. и т. п.

Вот уж, право, когда стал снова надобен нам Фонвизин, чтобы запечатлеть речь сегодняшних «бригадирш» да «митрофанушек». В газетах пишут: «...программируются эксперименты для анализа воздействия лазеров на генетический аппарат растений...» или: «...специфика сценической формы спектаклей моделируется в соответствии с педагогическими принципами...» и т. п. Под влиянием подобных наукообразных иноречений в устной беседе уже звучит: «запрограммируем обед на три часа», «смоделируем культпоход...», «не принципиальничайте» и т. д.

Думается, во всех редакциях и радиокомитетах надо бы вывесить на видном месте (а то мы «стыдливо» забываем про это!) четкое и мудрое ленинское указание: «Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить „дефекты“, когда можно сказать недочеты или недостатки или пробелы? Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов

без надобности?». И далее, как вывод: «Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?».

Итак, Ленин призывает (и прежде всего литераторов!) объявить войну коверканью русского языка. Вот тут бы присмотреть языковедам за правильностью нашей речи. Вот тут бы литераторам стать потребовательнее к себе. Вот тут бы прислушаться нам к мудрости народной. Однако пока мало видим мы движения в этом нужном направлении.

Вот выпла новая книга стихов известного поэта Бориса Слуцкого «Память» (М., Художественная литература, 1969). Не чем иным, как «коверканьем русского языка», не назовешь такие строки из этой книги: «И забвенье, зовомое счастьем не звало нас больше домой». Или еще: «И першит от трезволения в горле»; или: «Образовался недосып»; или: «Именем режима экономии, простоте навечно поклонясь...» и т. п. Как далеко это все от народного склада речи! Да что речь! И самому народу достается от Б. Слуцкого: «Не льстить ему, не ползать перед ним! Я — часть его. Он — больше, а не выше». Ну, а уж если сам народ — ничуть не выше поэта, то что ему какие-то законы языка?!

А вот как изображает тот же русский народ другой поэт — В. Соснора в книге «Всадники». Речь идет, правда, о старых временах, но как раз именно о селе Карачарове, родине любимейшего народного богатыря Ильи Муромца. С очень большой нелюбовью говорится здесь о старых русичах:

...А кабацкая голь,
завшивевшая, в парше голова.
Уворовывает яйца и соль,
огурцы и куропаток в рукава!
В Карачарове селяне — крепыши,
бабы — пышки, а детворня
кривонога, на ушибе ушиб,
испекает на угольях вороянт...
и т. д.

Подобные же «перлы» в изобилии украшают последний сборник «День поэзии. 1969». Какой тут щедрый набор образцов коверканья языка. Какой злой насмешкой над понятием «поэтическое слово» выглядят, например, следующие строки А. Вознесенского:

Шахуй, оторва попадучая!
И я скажу:
«У, олимпийка». И подумаяю:
«Как сжались ямочки в тазу».
«Агрессорка, — добавлю, —
скифка...»
Ты скажешь: «Фиг-то!..»

Сколько труда было потрачено нашими предшественниками для того, чтобы собрать прекрасные слова, гармонизировать речь, особенно поэтическую. Вспомните, как звучит:

Редает облаков летучая гряда...

Или:

На заре туманной юности...

Или:

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты...

А вместо этого: «Шахуй, оторва попадучая!», «Фиг-то!», «На фига?». Или еще, того же автора... нечитаемо и непронизосимо: «Кукаре-кукарехнулись! Кухарка. Харакири. Хррр...» и т. п. Может быть, скажут, что это — поиск нового? Неправда! Вот это и есть — откровенное проявление убежденной заскорузлой нелюбви к русскому языку, ибо ведь все это — не язык, созданный народом, а жаргон, притом вульгарный.

Любителю истории русского языка

ЗАДАЧА

Что означает русская пословица **Ласковое теля двух маток сосет!** В каких случаях применяется она в речи? С каким ударением следует произносить слово **теля**, почему оно среднего рода? Можете ли вы объяснить происхождение этой формы и привести другие варианты пословицы?

(Ответ на стр. 107)

Хроника

СЛОВАРЬ ТЮРКИЗМОВ

На состоявшемся 25—27 ноября 1969 года в Минске втором симпозиуме «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках» было заслушано и обсуждено 27 докладов, в которых рассматривались разные вопросы анализа слов тюркского происхождения в славянских языках. Особенно много внимания было уделено изучению тюркских слов в русском языке. Тюркские слова в славянских языках начали изучаться уже давно, но до сих пор весь накопленный наукой материал рассеян по разным изданиям, не собран и не обобщен, поэтому большое внимание на симпозиуме было уделено обсуждению коллективного доклада Н. А. Баскакова, И. Г. Добродомова и А. Е. Супруна «Проблематика словарей тюркизмов восточно- и западнославянских языков». Многие участники дискуссии говорили о настоятельной необходимости создания словаря тюркских элементов в русском языке. Создание подобного словаря может быть результатом совместной работы большого коллектива как специалистов по истории русского языка, так и специалистов по тюркским языкам.

В словаре лексики русского языка, заимствованной в разные исторические периоды его развития из тюркских языков, должны найти отражение результаты, полученные учеными в ходе изучения контактов русского народа с многочисленными тюркскими народами. А такие контакты, как известно, продолжались много столетий. Вместо безликого определения многих слов как тюркизмов словарь должен дать более точные сведения о том, когда и от какого именно тюркского народа заимствовано то или иное слово. Словарь тюркизмов будет важным дополне-

(Окончание на стр. 58)

ТЕМНАЯ ЛОШАДКА

Накануне мирового футбольного чемпионата 1966 года газета «Советская Россия» писала о команде КНДР: «Спортивная пресса считает эту команду „темной лошадкой“ и ждет от нее сюрпризов». В каком смысле употреблено это выражение?

Речевой оборот *темная лошадка* представляет собой кальку английского термина конных скачек и бегов *dark horse* (буквально ‘темная лошадь’). Он давно и, по введенным справкам, до сих пор бытует в русском спортивном арго. Его значение разъяснено в Словаре под ред. Д. Н. Ушакова: «Участвующая в состязаниях лошадь, берущая приз вопреки ожиданиям большинства, не пользующаяся хорошей репутацией, но тем не менее могущая прийти первой». Пример: Гаттеридж «заявил, что хотя „Великий“ — темная лошадка, победа все-таки достанется ему, ибо он видел во сне жокея, который будет скакать на этом жеребце» («Известия», 14 июня 1967).

Возникший на образной основе, этот термин употребляется подчас в оценочном смысле — для обозначения того или тех, чьи достоинства пока еще не стали очевидными для окружающих: «Как-то раз в Паломе появилась темная лошадка — некий молодой адвокат» (О. Генри. Негодное правило); «[Куклин:] Сестричку мою, говорю, выкинь из головы... Ты — темная лошадка, курсантик, ей тот нужен, с положением... Ей карьерист нужен, не ты, милый» (Штейн. Океан). Такой *темной лошадкой* пред-

ставлялась болельщикам и футбольная команда КНДР.

В англо-американском словоупотреблении выражение *темная лошадка* часто реализуется в неспортивной речевой ситуации: им характеризуют кандидата на какую-нибудь выборную должность, который до поры до времени держится в тени и появление которого в качестве чего-либо конкурента неожиданно. Русский пример, отражающий иноязычное употребление: «Впрочем, не следует думать, что борьба за верховную власть [в гангстерском синдикате. — Е. Д.] ограничивается лишь участниками триумvirата. Здесь никто не исключает возможности появления „темной лошадки“. У Томми Райана, иронически замечает в передовой статье „Нью-Йорк пост“ „есть много соперников“» («Неделя», 1968, № 11).

Этим оборотом — характеристикой обычно пользуются в обстановке президентских выборов в США. Для политической терминологии США вообще характерно сравнение предвыборной борьбы кандидатов в президенты со спортивными соревнованиями, в частности с соревнованиями на скорость и выносливость (кто кого обгонит). См. использование этой заоканской фразеологии в советской прессе: «В президентской гонке по-прежнему лидирует кандидат республиканцев» («Известия», 31 октября 1968); «Кандидаты вышли на финишную прямую... и делают последний рывок в предвыборной гонке» («Правда», 5 октября 1968).

Переносное употребление оборота *темная лошадка* строится в английском языке на осознаваемом сопоставлении фактов, далеких от спорта, с конными скачками и бегами: «В качестве возможных кандидатов в „президентской гонке“ печать называет бывшего вице-президента Никсона и губернатора штата Мичиган Ромни... Возможны, впрочем, и другие кандидаты, как здесь говорят, „темные лошадки“, которые могут быть названы в последний момент» («Сельская жизнь», 17 марта 1961, см. также: «Известия», 7 января 1964).

Постоянное метафорическое срав-

нение предвыборной борьбы за президентское кресло со спортивными состязаниями придало этому термину подпоромов политическую окраску. Его использование стало признаком острой и сложной борьбы партийных конкурентов. Вот пример из советской публицистики, отраженно показывающий употребление выражения *темная лошадка* в английском языке: «Один из представителей „новой волны“ в республиканской партии... заявил, что „Ригану до президентства далеко“. Согласно другому мнению, национальный съезд республиканской партии 1968 года вполне может поставить на эту „темную лошадку“» («Вечерний Ленинград», 3 мая 1967).

Итак, вырисовываются три смысловых сферы употребления оборота *темная лошадка* в английском языке: аротически-спортивная (о лошади, неожиданно ставшей фаворитом); общеразговорная, допускающая употребление жаргонизмов (о неожиданном кандидате на какую-либо должность); жаргонно-политическая (применительно к президентским выборам в США — о новом и неожиданном претенденте на голоса избирателей). Естественно, что столь активно употребляющийся оборот — непременная принадлежность словарей, более или менее полно представляющих английскую лексику (Оксфордский, Вебстера и другие толковые словари английского языка: А. В. Кунин. *Англо-русский фразеологический словарь*. 1956; В. К. Мюллер. *Англо-русский словарь*. 1960 и др.). В современном русском литературном языке оборот *темная лошадка* малоупотребителен: его спортивно-терминологическое значение отмечено только Словарем Д. Н. Ушакова; его неспортивное применение ограничивается рамками политической публицистики и не зарегистрировано ни в общих толковых, ни во фразеологических, ни в русско-иноязычных словарях.

Смысловая эволюция оборота *темная лошадка* происходила за пределами русского языка. Заимствуя это выражение, наш язык внес в него чужую ему, казалось бы, незначительную, но так отвечающую его духу поправку. Речь идет о том, что уменьшительная форма слова

лошадь (лошадка) приобретена выражением именно в русском языке. Благодаря этому слово «завучало» и в постоянном сочетании с тем или иным определяющим словом приобрело признак устойчивого экспрессивного оборота: «Он поставил на верную лошадку» (Герман. Дорогой мой человек); «До сих пор рабочей лошадкой электроники был электрон» («Нива», 1967, № 3). Освоению русским языком выражения *темная лошадка* способствовала, надо полагать, и широкоупотребительность переносных значений прилагательного *темный* ‘неизвестный, неясный, сомнительный’: темное дело, темная история, темное прошлое и т. д.

Оборот *темная лошадка* в его неспортивном смысле принадлежит иноязычной фразеологии; наш язык еще только осваивает его. Круг употребления этого выражения пока еще узок: чаще всего оно выходит из-под пера публициста-международника при характеристике обстановки вокруг президентских выборов в Америке. В русском языке он пока употребляется на правах фразеологического неологизма, связанного со специфическим контекстом.

Е. А. ЛЕВашОВ
Ленинград

ВАРИАНТЫ СЛОВА

В русском языке есть слова, которые пишутся по-разному, но по значению не различаются: тоннель — туннель, ноль — нуль и т. д. Слово *эксплуатация* сейчас имеет единое написание, но было время, когда оно писалось двояко: эксплуатация и эксплуатация. Это слово интересно тем, что оно имеет два значения, связанные с двумя различными сферами употребления: эксплуатация человека и эксплуатация помещения. Возникает во-

прос: не связывались ли с разным написанием этого слова его разные значения? И вообще: как сосуществуют слова — варианты по написанию и произношению?

Вариантность слов — явление, в известной степени распространенное в языке и изученное в языковедении (см.: Р. П. Рогожников. Варианты слов в русском языке. М., 1966; там же дана библиография). Варианты встречаются среди слов исконно русских или общеславянских (кряшка — крышка, песня — песья) и заимствованных (номер — нумер, шкаф — шкап). Мы остановимся на вариантах заимствованных слов. Они встречаются и в обиходной речи (ноль — нуль, номер — нумер), и в специальной терминологии (адаптация — адобция, анакруза — анакруса, аэротанк — аэротекк, демурредж — демуурредж, голландер — голлендер, сортимент — сортамент и мн. др.). Появление таких вариантов отражает колебания в передаче звучания иноязычного слова на русской почве.

Благодаря этому в языке появляются «семантические дублеты» — слова, выражающие одно и то же понятие, но различающиеся каким-либо звуком (тоннель — туннель). Но «семантические дублеты» в языке, как правило, не приживаются, и пары стремятся к размежеванию.

В обиходной речи варианты слов размежевываются чаще всего стилистически: один из вариантов становится литературной нормой (шкаф, амбар), другой — элементом разговорной речи или просторечия (шкап, анбар).

В специальной терминологии варианты или сосуществуют без различий (анакруза — анакруса, гетерофазия — гетерофразия, зюйд — зюд), или расходятся в значении. Вот несколько примеров:

Активный [греч. aktis (aktionos) 'луч'] — хим. 'радиоактивный элемент'...Актиния [греч. aktis (aktionos) 'луч'] — 'одиночное морское животное'. Бластема [греч. blastē 'росток'] — биол. 1) 'всякая способная к новообразованиям часть живой ткани', 2) 'скопление клеток на раневой поверхности органа'.... Бластема [греч. blastē 'росток'] — 'опухоль'; Вариант [лат. varians (vari-

antis) 'изменяющийся'] — 1) 'видоизменение, разновидность', 2) 'другая передача одной и той же литературной или художественной темы'... Варианта [лат. см. *вариант*] — 1) 'организм животного или растения, уклоняющийся по тому или иному признаку от основного типа', 2) в статистике — 'каждый член ряда чисел'.

Таким образом, если вариантность в написании и произношении сопровождается различием смысла, то мы имеем уже не варианты одного слова, а разные слова.

Некоторые пары не размежевываются до конца. Например, история слов *номер* — *нумер* показывает, что на каком-то этапе они начали различаться по смыслу. В «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 года читаем: *Номер* — «число. Бумага за номером. Выставить номера на пакетах»; у слова *нумер*, кроме этих двух значений, есть еще два — «книжка современного издания: Вышел первый номер журнала» и «нумерованная комната или помещение в гостинице: Я занимаю пятый номер». Однако до конца это разделение не произошло, и для современного языка варианты *номер* и *нумер* одинаковы по значению, хотя и могут иметь некоторые особенности в употреблении (см.: Н. И. Тарабасова. — «Вопросы культуры речи». Вып. II. М., 1955).

С позиций этих наблюдений обратимся к рассмотрению вариантов *эксплуатация* — *эксплоатация* (от франц. exploitation). В конце прошлого века наряду с написанием и произношением *эксплуатация* является орфографический вариант *эксплоатация* (поскольку речь идет о письменных текстах, считаем возможным употреблять термин «орфографический вариант»). Его фиксируют и словари. С этого времени и на протяжении лет пятидесяти сосуществуют два варианта. Начиная с середины 40-х годов нашего века идет активное «внедрение» в текстах варианта *эксплуатация*, который в 1956 году окончательно утверждается орфографическим словарем.

Наблюдения показывают, что в технических текстах долгое время

более употребительным был вариант *эксплоатация*, в политических — *эксплуатация*. Тем самым намечалось размежевание этих вариантов по значению, которое, однако, полностью не осуществилось, а после установления единого написания исчезла и сама вариантность.

Поскольку такое явление, как размежевание по значению вариантов слов — в реализованной или нереализованной формах, существует, то естественно поставить вопрос о его терминологическом наименовании. Эр. Ханпире в заметке «Об одной иллюзии» («Русская речь», 1967, № 6) это явление назвал «народной семасиологией» по аналогии с «народной этимологией». Напрашивается вопрос, стоят ли за этими аналогичными наименованиями сходные понятия и явления?

Этимология — наука о происхождении слов; народная этимология — это переосмысление неизвестного или малопонятного слова по случайному сходству с более известным и понятным. «Народным» этот род этимологии назван потому, что «толкование» слову дает речевой обиход, без оглядки на установленное в науке происхождение слова; примеры «народных этимологий»: полуклиника, гульвар, спинкаж, присадник.

Семасиология — наука о значениях слов. Следовательно, содержание слова *народная* в термине «народная семасиология» по аналогии с содержанием слова *народная* в термине «народная этимология» должно раскрываться так: вариантам слов приписываются не отмеченные в словарях значения. И делают это люди, не знающие подлинных значений вариантов. Но такое раскрытие содержания слова *народная* в термине «народная семасиология» неверно по существу названного им явления.

Все те случаи, когда варианты имеют разные значения и представляют собой разные слова (ср. уже приводимые пары: бластема — бластома, актиний — актиния), словари отражают их вполне последовательно. Когда же процесс расхождения остается незавершенным (номер — нумер, эксплуатация — эксплоатация), то, естественно, раз-

ные значения вариантов в словарях не указаны: они существуют в языке лишь как намек на возможное, как колебания в употреблении.

Размежевание вариантов по значению чаще происходит в профессиональных сферах языка и специальных терминологиях. Поэтому все явление в целом, связанное с тенденцией к размежеванию вариантов по значению, неправомерно сопоставлять с «народной этимологией», вызванной желанием «понять малопонятное».

Размежевание вариантов по значению в профессиональной и специальной речи преследует цель различения самих понятий.

В. П. ДАНИЛЕНКО,
В. Н. ХОХЛАЧЕВА

Письмо в редакцию

СЛОВА О РУССКОМ ШРИФТЕ

В № 4 «Русской речи» за 1969 год Р. В. Макарова излагает историю вопроса о латинизации русского шрифта. В редакционном примечании упомянута и моя статья «Графический образ русского слова» («Русская речь», 1969, № 2). В связи с этим я хотел бы сделать некоторые уточнения. Против латинизации, по моему мнению, самое веское возражение — это неизбежное омертвление наших книгохранилищ: книги «старой печати» со временем станут доступными только специалистам. Мои же «претензии» к русскому шрифту таковы: я ратую лишь за то, чтобы изыскать способы, как возместить графический ущерб в русском алфавите, нанесенный орфографической реформой 1918 года.

Разговоры об этом ущербе ведутся уже давно. В книге К. А. Федина

нению его гению она видела или по крайней мере считала себя в праву заподозривать пренебрежение къ себѣ самой. Правда, никто не говорил ничего дурнаго о ней, но она угадывала какъ о ней думали изъ того какъ отзывались о немъ. Стихи его были у всѣхъ на устахъ, слава его считалась славой всей страны. Публика перестала заниматься слетнями объ его порокахъ и недостаткахъ, и тѣмъ охотнѣе готова была цѣнить его гений. Преподобный *mauvais sujet* сдѣлался героемъ всего образованнаго общества, а порицатели его должны были притаиться. Еслибы за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, когда еще былъ онъ живъ, леди Байронъ разказала повѣсть своей семейной жизни, то общій голосъ былъ

«Горькій среди нас» приводится любопытное высказывание по этому поводу писателя Федора Сологуба:

«Сравните начертание нашего печатнаго алфавита с латинским, букву за буквой. В латинском наборе, одну за другой, встречаешь буквы с выходящими над средним уровнем строки частицами, как в буквах *l, t, d, h*, или с опускающимися в междустрочье частицами, как *f, g, p. q*. Это дает известную опору для глаза при чтении. Глаз легко улавливает эти отступления от нормы, и в результате зрение не так быстро утомляется, как при чтении русского печатнаго текста. В нашем алфавите букв с подобным начертанием меньше ровно в два раза, чем в латинском. Это буквы *p, y, ф, б*. Значит, по-русски читать для зрѣния тяжелее в два раза, чем на любом языке с латинской азбукой. И, значит, упразднение в русском алфавите буквы *ѣ* (ять), поднимающейся над средним уровнем строки, нанесло вред нашему зрению».

От себя замечу, что Ф. Сологуб забыл вторую букву — *і* (*и* с точкой), также возвышавшуюся над строкой

и тоже упраздненную орфографической реформой. В возмещение ущерба я предлагаю всего-навсего обратиться к прежним образцам и восстановить начертания некоторых букв по старым шрифтам. Например, шрифт типографии Московскаго университета (80-е годы прошлого столѣтія): мы видим в нем буквы *к* и *ж* со штамбом, выходящим над строкой; в шрифтах петровском и модернизованных под петровский в начертаниях букв *ь* и *ы* — тоже выступающие над строкой штамбы. Таким образом, мобилизовавъ «внутренние резервы» русскаго шрифта, мы можем получить четыре лишних ориентира при чтении.

Хотелось бы, чтобы эти пожелания касательно удобочитаемости были учтены при создании новых шрифтов. К сожалѣнію, приходится отметить, что дело это подвигается туго, и шрифтовые хозяйства наших типографій не могут похвастать богатством и разнообразіем выбора.

Н. КУЗЬМИН,

член-корреспондент Академіи
художеств СССР

ЕЩЕ РАЗ О ТРАНСКРИПЦИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

В пятом номере журнала «Русская речь» за 1969 год помещена статья Б. А. Старостина «Нормы практической транскрипции». В ней популярно рассказывается о том, какие существуют способы заимствования иноязычных собственных имен (транскрипция, перевод и т. д.), отмечаются сложные случаи передачи названий, рассматриваются конкретные примеры правильной и неправильной транскрипции. Статья в основном правильно освещает отдельные вопросы, лежащие в основе практической транскрипции иноязычных географических названий. Нам хотелось бы остановиться лишь на одном замечании автора.

Б. А. Старостин пишет, что ни кодифицированных принципов, ни указателей, ни полных словарей иностранных собственных имен у нас нет. А имеющиеся отдельные правила и инструкции не сведены воедино и часто противоречивы. Дело обстоит не совсем так.

Задачи стандартизации географических названий в Советском Союзе возложены на Главное управление геодезии и картографии (ГУГК) при Совете Министров СССР. В соответствии с Постановлением Совета Министров от 29 ноября 1966 года при Главном управлении создана постоянная Межведомственная комиссия по географическим названиям. В нее входят представители ряда авторитетных организаций и ведомств. Научно-методическим и рабочим органом комис-

сии является Отдел географических названий Центрального научно-исследовательского института геодезии, аэросъемки и картографии (ЦНИИГАиК), в котором и осуществляется вся работа, связанная с созданием методики передачи иноязычных названий. Здесь разрабатываются общие и частные инструкции по передаче иноязычных географических названий, составляются словари географических наименований и терминов. Инструкции и словари рецензируются в научных учреждениях, и после рассмотрения их на Межведомственной комиссии и утверждения начальником ГУГКа они становятся обязательными для всех изданий Советского Союза.

К настоящему времени создано 50 инструкций по передаче на русский язык географических названий с языков народов СССР и 46 — с языков зарубежных стран. Сейчас специалисты отдела сосредоточили внимание на создании серии руководств, содержащих правила передачи названий с национальных языков стран Азии и Африки. В последние годы вышли в свет инструкции, регламентирующие передачу географических названий Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Филиппин, Малагасийской Республики, ЮАР, Бурунди, Замбии, Кении, Конго (Киншаса), Малави, Руанды, Танзании, Уганды и др. Подготовлены к изданию инструкции по передаче географических названий с тамильского, бенгальского, уйгурского, амхарского языков.

Привлечение при передаче названий стран Азии и Африки материалов в национальной графике, а также применение упомянутых инструкций позволило восстановить на советских картах подлинные национальные формы многих названий, искаженных на английских, французских, итальянских, голландских и прочих картах, изданных в бывших метрополиях.

Представление об основных принципах передачи иноязычных названий дает «Общая инструкция по передаче географических названий на картах» (1954). В настоящее время она пересматривается и готовится к переизданию.

Изданы «Словарь географических названий СССР» (М., 1968) и «Словарь географических названий зарубежных стран» (М., 1965). Последний в настоящее время пересмотрен и подготовлен ко второму изданию. Составлено несколько словарей географических названий по отдельным регионам СССР и зарубежных стран, а также четырнадцать словарей географических терминов. Девять словарей национальных географических терминов по отдельным областям Советского Союза уже издано.

В 1968 году вышел в свет Указатель географических названий, помещенных в Атласе мира второго издания. Он содержит около двухсот тысяч названий. Транскрипция нерусских наименований, помещенных в нем, дана в соответствии с правилами упомянутых инструкций. К изданию приложен словарь, содержащий около четырех тысяч географических терминов, наиболее распространенных в топонимии различных районов мира. Точно такой же указатель названий составлен к английскому варианту Атласа.

Конечно, в работе по стандартизации географических названий предстоит еще очень многое сделать. Некоторые инструкции нуждаются в доработке, не всегда точен критерий отбора названий для словарей. И словарей пока мало. Еще не все учреждения и органы печати, имеющие дело с передачей иноязычных наименований руководствуются — обязательными для всех! — пособиями ГУГКа. Это одна из причин разнобоя в передаче иноязычных названий в наших изданиях. В то же время можно с уверенностью сказать, что инструкции и словари, изданные ГУГКом, играют важную роль в деле стандартизации географических названий в нашей стране.

В. И. САВИНА
ЦНИИГАиК

Хроника

СЛОВАРЬ ТЮРКИЗМОВ

(Окончание. Начало на стр. 51)

нием к существующим этимологическим словарям русского языка, где тюркские заимствования разобраны недостаточно хорошо. Наряду с общераспространенными русскими словами тюркского происхождения в предполагаемый словарь, по мнению многих участников симпозиума, должны войти также слова узкого диалектного распространения или слова, уже вышедшие из употребления, которые когда-то встречались в памятниках письменности.

Словарь тюркизмов может быть своеобразным языковым зеркалом, отражающим связи русского народа с многочисленными кочевниками южнорусских степей в прошлом и с нынешними тюркскими народами нашей обширной страны. Его материалы послужат важным источником для суждения по многим вопросам политической и этнической истории Восточной Европы.

Сделанные на симпозиуме доклады во многом способствовали выяснению проблем, стоящих перед составителями словаря, а также дали обильный материал, который должен войти в словарь тюркизмов русского языка. Желательно, чтобы в этом большом начинании приняли участие все языковеды, работающие над проблемами тюркско-славянских языковых связей. Только коллективная работа многих ученых даст возможность осветить эти до сих пор недостаточно исследованные проблемы истории русского языка. Можно надеяться также, что проблема контактов славянских языков с тюркскими найдет подробное освещение на страницах журнала «Советская тюркология», об открытии которого «Русская речь» уже сообщала (1970, № 1).

СОЮЗ «ДА» В СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

«Осинник зябкий, да речушка узкая, Да синий бор, да желтые поля...» (Сурков). Как видно, пейзаж без претензий на оригинальность. Ведь зябкий осинник — это почти то же, что съезжившийся, невзрачный — бедный. Речушка? — До величественности или, скажем, броской красоты здесь далеко. Бор? Поля? — Бор — синий, а поля — желтые. Более примелькавшихся эпитетов, пожалуй, не сыщешь. Но отрывок сообщает нам не только о заурядности пейзажа, но и об ограниченности его деталей.

Обычность пейзажа передана здесь знаменательными словами: зябкий, речушка, синий бор и т. д. А вот ограниченность количества деталей выражается союзом *да*. Но так ли это на самом деле?

Заменяем союз *да* в данном отрывке синонимичным ему союзом *и* (это тем более удобно, что размер стиха не изменится, и у нас уже не будет основания думать, что на сознание соответствующего настроения оказывает влияние ритм): Осинник зябкий, и речушка узкая, и синий бор, и желтые поля...

Как видно, наша мысль об ограниченности деталей пейзажа и даже об ограниченности его достоинств вообще исчезла, но зато появилось другое: и первое, и второе, и третье, и четвертое — все в равной мере обращает на себя внимание. Недаром считается, что союз *и* удобен как средство усиления, подчеркивания.

Видимо, данный эксперимент подтверждает предположение, но оттенок тонкий, и возможна ошибка, особенно при передаче его словами. Да и настолько ли он уж важен, этот оттенок, чтобы на него обращать внимание?

Рассмотрим отрывок в авторском контексте и сравним его с отрывком, в котором союз *да* заменен *и*.

Осинник зябкий, да речушка узкая,
Да синий бор, да желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Осинник зябкий, и речушка узкая,
И синий бор, и желтые поля.
Ты всех милее, всех дороже, русская,
Суглинистая, жесткая земля.

Как можно заметить в примере с союзом *да*, третья строка противопоставляется двум первым, то есть она подается как бы в некотором несоответствии с ними. Этим выражается восхищение перед родной землей: и красоты-то всей — «осинник зябкий, да речушка узкая» и т. д. (в унисон с этим и четвертая строка: суглинистая, жесткая земля), а вот поди ж ты, земля эта «всех милее, всех дороже» (ср., например, аналогичный мотив в стихотворении М. Исаковского «Летят перелетные птицы...»). Во втором случае противопоставление снято. Более того, третья строка является обобщением и даже логическим следствием предшествующих: на родной земле все хорошо!

Таким образом, и это сравнение убеждает в правильности нашего предположения. Кроме того, сравнение показывает, что рассматриваемый оттенок не такой уж незначительный, как может показаться на первый взгляд: устранение его совершенно меняет внутренний смысл четверостишия, его поэтическую «изюминку», то, что постигается больше не разумом, а чувством. И, наконец, результаты сравнения свидетельствуют о том, что союз *да* отличается от *и* не только своим сугубо присоединительным значением, но и оттенком ограничения, и этот оттенок неплохо бы чувствовать и, насколько возможно, осознавать.

Почему же союз *да* имеет такой оттенок? Откуда он взялся?

Оказывается, у большинства сложносочиненных предложений с перечислительно-присоединительным союзом *да* значение ограниченности выражено словами входящих в их состав простых предложений.

Чаще это слова *только* и *лишь*, расположенные обычно в начале первого простого предложения: «А в это время в спальне четвертой бригады большинство ребят уже спало. Только Зырянский читал в постели книгу, да Володя и Ваня на соседних кроватях посматривали еще друг на друга» (Макаренко. Флаги на башнях); «Никто так и не решился пригубить чайку, варенца, отведать дранки, лишь папа лесничий Дрожжин шумно ел суточные щи, да мама для этикета аккомпанировала, едва разжимая строгие губы» (Аксенов. Затоваренная бочкотара).

В таких случаях слова *только* и *лишь* указывают на ограниченное количество деталей перечисления, а вся группа предложений, объединенная этими словами и союзом *да*, представляет собою по содержанию то, чем ограничивается отмечаемая ранее всеобщность. Ср. в приведенных примерах: большинство... только Зырянский... да Володя и Ваня...; никто — лишь папа лесничий... да мама.

Ограниченностью может характеризоваться не количество перечисляемых деталей, а сами эти детали или характер их проявления. Такая ограниченность выражается членами соединенных союзом *да* простых предложений: «Несколько фонарей горело над крышами, над ветвями высоких елей, да кое-где бело светились квадраты окон» (Николаева. Жатва); «Под нами изредка проплывали скалистые островки, да иногда слева обозначался мрачный контур материка» (Федосеев. В тисках Джугдыра).

Нередко союз *да* можно встретить в таких предложениях, в которых специально указывается и на ограниченное количество перечисляемых фактов, и на ограниченность характера проявления этих фактов: «Лицо старика по-прежнему было серьезное, когда он говорил свою проницательную тираду, только бескровные тонкие губы его чуть-чуть перекошились, да в серых глазах

играла едва заметная лукавая улыбка» (Станюкович. Жрецы); «Только жаркие рубины углей светятся в этой темной почве, да иногда застонет земля или под водою вздохнет уснувшая кувшинка» (Федосеев. Злой дух Ямбуя).

Постоянное использование перечислительно-присоединительного союза *да* в тексте со значением ограниченности сообщило ему соответствующий оттенок: даже в тех редких случаях, когда ограниченность никак не выражена частями сложносочиненного предложения, они в целом все же получают этот оттенок, идущий теперь уже от союза: «Где-то недалеко шумел Чайдах, да позади тревожно кричала отставшая Майка» (Федосеев. В тисках Джугдыра); «А на столе стоял граненый графинчик мутновато-синей самогонки, да рядом в тарелке был нарезан пирог с калиной» (Можаев. Из жизни Федора Кузькина).

Интересно, что в предложениях, где есть слова, которые хоть в какой-то мере могут быть поняты как содержащие ограниченность, союз *да* как бы подчеркивает эту сторону слов, «направляет» ее в фокус нашего внимания: «В глубине его мрак доживает свой последний час, да к снежнику прилип забытый ветром клочок [только один.— Н. Х.] тумана» (Федосеев. В тисках Джугдыра).

Именно этой особенностью можно объяснить то обстоятельство, что при замене *да* союзом *и* в рассмотренном выше отрывке из стихотворения А. Суркова исчезает не только оттенок ограниченности количества деталей пейзажа, но и оттенок ограниченности достоинств пейзажа вообще: устранен союз *да* — снято подчеркивание того обыденного, что выражено словами *зябкий, речушка* и т. д., а сама обычность «заслонена» перечислительным значением союза *и*.

Приведенные факты свидетельствуют о том, что перечислительно-присоединительный союз *да* в сложносочиненных предложениях мы употребляем обычно в тех случаях, когда наряду с присоединением хотим подчеркнуть ограниченность или во всяком случае наложить «тень» ограниченности на сообщение.

Следует отметить, что этот оттенок перечислительно-присоединительного союза *да* не тождествен ограничительному значению противительного союза *да*: «Хорош день, да прохладно». В рассмотренных здесь предложениях *да* выражает оттенок ограниченности количества фактов или некую ограниченность содержания самих фактов, тогда как в противительных предложениях соответствующее значение указывает на ограничение содержания первого предложения содержанием второго.

Н. Н. ХОЛОДОВ,
доцент Смоленского педагогического
института

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАСС ДЕЛАЕТ ШАГ ВПЕРЕД

В нашей общеобразовательной средней школе вводятся новые программы, учитывающие современные достижения науки, техники, культуры. С сентября 1970 года в IV классе будет введена и новая программа по русскому языку. Четвертый класс перестанет быть начальным, дети приступят в нем к изучению систематического курса русского языка.

Программа для IV класса рассчитана на детей, прошедших предусмотренное новым учебным планом трехлетнее начальное обучение. Но так как I класс начал обучаться по новой программе только с 1969/70 учебного года, то переход IV класса на работу по-новому приходится осуществлять в 1970 году на базе прежнего III класса. Часть материала, включенного в программу начальной трехлетки, «старый» III класс недоизучил, и для прохождения его выделено дополнительное время (35 часов). Такими особенностями обучение в IV классе будет отличаться два года, и программа по русскому языку, которой предназначено действовать в это время, считается поэтому временной, или переходной. Во всем остальном она полностью совпадает с основной программой.

Принципиально важно, что теперь ученик имеет возможность воспринимать язык как систему. Между тем прежде в школе усваивался ряд по существу разрозненных понятий без серьезной попытки осознать соотношение их между собой, их взаимозависимость.

Совершенно выпадала из школьного курса важнейшая сторона русского языка как единого целого — его словарный состав. В новой программе впервые введен раздел «Лексика», позволяющий ученикам увидеть во всей ее неотразимой привлекательности и эту грань нашего языка. Весьма слабо отражались раньше в школьном курсе живые словообразовательные процессы. Сейчас раздел «Состав слова и словообразование» и темы, посвященные знаменательным частям речи, ориентируют на систематическое ознакомление с морфемами как значимыми частями слова, с их ролью в создании морфологической структуры слова, с основными способами словообразования в русском языке. Благодаря введению темы «Культура речи и стилистика» (в VIII классе)

значительно расширится знакомство школьников со стилистическими ресурсами языка. Усиливает новая программа внимание и к такой стороне языка, как его звуковой строй.

Повышение научного уровня школьного курса выразилось также в изменении трактовки отдельных понятий, в уточнении формулировок программы, в более строгой классификации некоторых изучавшихся явлений. Вот примеры. Сочетание «подлежащее + сказуемое» выделено из ряда словосочетаний: ведь это особое, предикативное сочетание, создающее структурную основу предложения. Деепричастие по синтаксической функции характеризуется как второстепенное сказуемое. Раздел, знакомящий с особенностями звуковой системы нашего языка, с соотношением между звуками и буквами, назван более точно «Фонетика и графика» (до этого он назывался «Фонетика»). Предложения с одним главным членом четко разделены на две группы — в зависимости от особенностей главного члена.

Составители новой программы (среди которых были и учителя, и методисты, и языковеды) ясно представляли себе, что учебный предмет «русский язык» не может копировать науку о русском языке, что он имеет свою специфику и что задача заключается не в механическом включении или исключении чего-либо с ориентировкой на данные науки, а в совершенствовании системы самого учебного предмета. Но вместе с тем они считали необходимым максимально сблизить круг понятий и трактовку языковых явлений в учебном предмете и в науке, видя именно в этом путь к повышению научного уровня школьного курса русского языка.

Неизменно заботятся составители программы о том, чтобы усилить воспитательное воздействие учебного предмета. С этой целью предусмотрена в качестве завершающей (в конце VIII класса) тема «Общие сведения о языке». Она даст ученикам важные в мировоззренческом отношении сведения: язык как исторически развивающееся явление, русский язык — средство международного общения народов нашей страны, место русского языка среди языков мира.

Более раннее начало изучения систематического курса (с IV класса) с особой остротой поставило вопрос об учете реального уровня познавательных возможностей школьников — один из самых важных для построения учебного предмета. Новая программа решает его по-новому: вводит линейно-ступенчатое расположение материала. Большинство разделов и тем в начале курса преподносятся не сразу, не целиком от начала до конца, как при традиционном линейном расположении, а двумя частями, двумя ступеньками: одна — в IV классе, другая — в V. Наиболее трудные вопросы удалось при этом выделить для повзрослевших ребят — пятиклассников. А дальше, после V класса, темы идут друг за другом как обычно — линейно.

И все же новая программа не порывает резко со старой, а как бы вырастает из нее, используя все лучшее, что в ней было. Едва

ли не самое большое достоинство прежней программы, которое, бесспорно, оказало благотворное воздействие на школьную практику,— это введение специального раздела «Развитие связной речи» (о работе над сочинениями и изложениями). В новой программе этот раздел не только сохранен, но и усовершенствован.

Программа для IV класса проверялась в школах на протяжении трех лет. Постепенно ее улучшали, и окончательный вариант оказался вполне приемлемым, доступным для четвероклассников.

Однако как ни важна программа, сама она, без учебника обеспечить нужного направления и успеха в изучении русского языка, естественно, не может. Но школа получает и новый учебник для IV класса. Создан он коллективом научных сотрудников Института содержания и методов обучения (бывший Институт общего и политехнического образования) Академии педагогических наук СССР. Авторская группа: Т. А. Ладыженская (руководитель), М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, И. И. Кулибаба, Л. А. Тростенцова; научный редактор — член-корреспондент АПН, профессор Московского университета, доктор филологических наук Н. М. Шапский. Для массового издания 1970 года опытный вариант его, о котором писал журнал «Русская речь» (1969, № 3 и 4), существенно переработан.

Авторскому коллективу нужно было создавать принципиально новый учебник, ибо существовавший до этого вид учебника уже исчерпал свои возможности. Чем же обеспечивается эта новизна? И какие особенности нового учебника помогут улучшить обучение русскому языку?

Прежде всего новый учебник, проявляя заботу о восприятии языка как системы, знакомит детей — в меру их возможностей — со всеми важнейшими сторонами языка: фонетикой, лексикой, грамматическим строем, включая (пока в небольшой степени) живые словообразовательные процессы, показывает в отдельных случаях стилистическую функцию языковых средств. И это делает его именно учебником русского языка (тогда как его предшественник скорее был учебником правописания и грамматики).

Авторы твердо убеждены, что важнейшее назначение учебника — помочь преподавателю пробудить живую мысль ребенка, развить его познавательные силы и на этой основе обеспечить продвижение детей в общем и языковом отношении. Если учитель этого не добивается, то, как показывают — увы — слишком многочисленные примеры из школьной практики, результаты в изучении русского языка, в практическом овладении им оказываются далеко не радостными.

Активная работа мысли ученика в значительной мере обеспечивается уже тем, что новые сведения даны в учебнике через наблюдения над фактами и явлениями языка. Образцом для авторов служил в этом отношении «Наш язык» А. М. Пешковского, где такой способ подачи материала (может быть, лишь с некоторой переоценкой детских возможностей) был блестяще реализо-

ван. В том же направлении построена и система упражнений. От четвероклассников постоянно требуется, чтобы они дошли до сути явления, доказали правильность своего ответа. В книге есть и «еретические» упражнения, содержащие ответы с типичными учебными ошибками. Но как мобилизуется ум ребенка, как углубляется и оттачивается его способность думать именно тогда, когда он находит и исправляет эти ошибки! Чтобы помочь четвероклассникам правильно рассуждать, в упражнениях учебника включены тексты, представляющие собой простые рассуждения, даны образцы рассуждений.

Упражнения повышенной трудности, дополнительные задания в большинстве упражнений, факультативные контрольные задания и вопросы помогают преподавателю вести работу дифференцированно, загружая каждого ученика в соответствии с его способностями.

Впервые введена в учебник система работы по развитию связной речи — по обучению письменным и устным сочинениям и изложениям разных видов. В полном соответствии с тем новым, что внесено программой в раздел «Развитие связной речи», учебник сосредоточивает внимание на формировании у четвероклассников важнейших умений понимать тему высказывания, формулировать основную мысль и подчинять ей рассказ.

Для развития речи огромное значение имеет внимательное, вдумчивое отношение к слову, умение «попробовать его на вкус» и оценить его возможности в тексте. Содействует этому, например, работа с кратким толковым словарем, помещенным в конце учебника (не говоря уж о том, что навык использовать словарь важен сам по себе).

Активность мысли ребенка, достаточно высокий уровень его общего и языкового развития — это необходимейшее, по-видимому, решающее условие и для овладения правописанием, доставляющим так много неприятностей детям, учителям и родителям. Не превращать уроки русского языка в нудное натаскивание по орфографии (это, к великому сожалению, не так уж редко бывает в школе), а научить детей думать, вникать в суть изучаемых языковых явлений и на этом прочном фундаменте возводить здание орфографической и пунктуационной грамотности — вот цели нового учебника. Правописание — весьма важная часть школьного курса русского языка, и ему в учебнике уделено достаточно внимания. Формулировки орфографических правил пересмотрены и во многих случаях улучшены. Но самое главное новшество в том, что работа по формированию орфографических навыков построена на ознакомлении с системой орфограмм. Благодаря этому резко повышается так называемая орфографическая зоркость учащихся — умение обнаруживать в словах (воспринимаемых зрительно или на слух) трудности написания. А при высоком уровне орфографической зоркости овладение «премудростями» орфографии идет значительно успешнее. Учебник активно стремится завоевать

симпатии детей. И главный путь к этому авторы видят в том, чтобы показать интересное в самом языке. Велик у четвероклассников (да и вообще у всех школьников) спрос на юмор. И авторы особенно старались не «осерьезнить» книгу, а вызвать детскую улыбку. Вместе с новым учебником преподаватель IV класса получит подробные «Методические указания» и «Дидактические материалы» (систематизированный набор карточек для индивидуальной и индивидуально-групповой работы). Освоить новую программу, новый учебник и дополняющие его пособия нелегко. Нужна серьезная творческая работа каждого учителя над улучшением своей языковой и методической подготовки, чтобы не скомпрометировать большое и перспективное начинание, чтобы подняться на уровень современных требований к преподаванию русского языка.

Здесь можно было бы поставить точку. Но «Русская речь» — самое подходящее место для разговора об участии лингвистов в делах нашей школы. В последние годы, в связи с созданием новой программы, это участие стало чуть-чуть более активным. Но все же «золотой» век, когда Ф. Ф. Фортунатов, Л. В. Щерба, А. М. Пешковский и другие виднейшие лингвисты буквально жили судьбами школы, позади. А для приложения сил и знаний у специалистов по языку возможностей очень много. Некоторые важные для школы пособия без непосредственного участия лингвистов попросту не могут быть подготовлены. И среди них на одном из первых мест школьный толковый и словообразовательный словарь. Учителя и методисты не оставляют надежды, что их сотрудничество с лингвистами будет крепнуть.

И. П. КУЛИБАБА

Хрестоматия

Автор или преподаватель грамматики есть не законодатель языка, а только собиратель и толкователь его законов, которые даются вначале народом, а впоследствии, по установлении языка, образцовыми писателями. Он не вводит, не навязывает новых правил, чтит принятые временем обычаи и особенности и, излагая эти правила, обычаи и особенности в стройной, систематической связи, только указывает на те случаи, к которым по неведению или злоупотреблению говорящие и пишущие уклоняются от общих, коренных законов. Так астроном не дает движения светилам, а только указывает их течение, как философ, преподавая логику, или науку мыслей, излагает законы мышления, предоставляя практике выводить из того наставления и уроки.

Н. И. Греч. Чтения о русском языке. 1840

ПИСЬМА

ИЗ

ШКОЛ

---

1. Сентябрь. Первые уроки русского языка. Передо мной — совсем еще малыши, четвероклассники. Смогут ли они справиться с теми большими требованиями, которые к ним предъявляет новая программа и новый учебник? Проходил урок за уроком, и все больше крепло убеждение: да, смогут. Все разделы и темы к концу прошлого учебного года были усвоены неплохо. И с орфогра-

фией ребята поладили. Более того, обнаружилось, что они не просто успевают, а живо интересуются уроками русского языка, втягиваются в его изучение.

В пробуждении познавательных сил детей — безусловная заслуга нового учебника, который всем своим существом нацелен на это. Учебник стал верным союзником учителя в развитии мысли детей, в воспитании заинтересованного отношения к нашему предмету.

Большой путь прошел класс и в отношении развития речи. Мне очень хорошо известно, каких поистине героических усилий требовала всегда работа по развитию речи. И известно, что труд этот окунался обычно в ничтожной степени. Причина сейчас, после полутера лет обучения по новому учебнику, мне ясна: мы работали без определенной системы, нецеленаправленно, стараясь сразу научить всему. Новый учебник заложил прочную базу для построения системы работы по развитию речи.

Сначала больше десяти человек в моем классе почти совсем не считались с темой сочинения — писали не на тему. Еще хуже было с целенаправленностью высказывания: большинство детей просто переключивали на бумагу связанные с темой факты и события, не стараясь доказать свою правоту, в чем-то убедить читателя. О том, что нужно иметь в виду какую-то основную мысль и развертыванию, доказательству ее подчинить все сочинение, они и представления не имели. Тот же недостаток был и в устном рассказе.

Год работы по новому учебнику, когда усилия были направлены главным образом на формирование умения чувствовать тему сочинения, осознавать его основную мысль и подчинять ей все повествование, дал свои результаты. Когда ребята были уже в V классе, я попросила их составить для четвероклассников памятку «Как работать над сочинением». Вот одна из них: 1. Обдумать выбранную тему. Вдуматься в каждое слово темы и писать только на тему. 2. Найти главную мысль, так чтобы было понятно, о чем сочинение. 3. Приводить доказательства. 4. Сделать вывод (Светлана Алиатова).

ПИСЬМА ИЗ ШКОЛ

Но самое главное в том, что еще в IV классе ученики действительно старались (каждый — в меру своих возможностей) на деле следовать этим усвоенным положениям. Возьмем два сочинения одной и той же ученицы, автора приводившейся памятки. В начале ноября 1968 года в IV классе Светлана так написала на тему «Памятный школьный день»:

Первое сентября. День был солнечный и теплый. Все ученики шли в парадной форме. Я и мои подруги были очень веселые. Придя в школу, мы подошли к своим руководителям и поздравили их с началом учебного года. Директор школы сказал: «Ребята, учитесь в этом году на 4 и 5». Потом все ученики пошли в свои чистые и светлые классы. Мне этот день понравился, потому что я познакомилась с новыми учителями и встретила подругами.

Сходная тема (специально для облегчения сопоставительного анализа) была предложена классу 22 мая 1969 года. Вот какую работу представила Светлана к концу сдвоенного урока:

ПАМЯТНЫЙ МАЙСКИЙ ДЕНЬ

Это было 9 мая. В этот день открывался памятник погибшим воинам в 1941—1945 годах. Под барабанный бой шли празднично одетые комсомольцы и пионеры. Они все выстроились около каменной плиты, на которой были написаны фамилии героев. Зазвучал горн, старый фронтовик произнес: «Равняйся, смирно!». Все стояли, не шевелясь, зазвучала музыка, пионеры отдали салют, комсомольцы дали клятву быть такими же, какими были эти погибшие воины. Маленькие октябрята прочитали стихи о воинах. На броневике стояли близкие погибших, и вместе с ними стояла мать-старушка, у которой погиб сын. Ее попросили рассказать о сыне. Вытирая слезы, она начала рассказывать:

— Когда началась война, ему было всего 19 лет. Вот он пришел из вечерней школы и говорит: «Мама, меня берут в армию, фашисты напали на Советский Союз». Я его не пускала, а он сказал, что его уже ждет машина. Он ушел и не вернулся.

Женщина отошла от микрофона. После ее рассказа солдаты дали салют из пистолетов, ученики возложили венки. Женщина, дочь погибшего солдата, произнесла: «Почтим же память погибших минутой молчания». Все молчали, и лица у всех были суровые.

Мне этот день очень запомнился, потому что я впервые была на открытии памятника. Я думала о том, чтобы никогда не было войны, чтобы никогда не плакали матери.

Светлана как автор выросла во всех отношениях. Во втором ее сочинении заметно даже стремление повлиять на чувства читателя, заставить его переживать вместе с автором. Это хорошая ученица, и потому так далеко сумела она продвинуться. Но, сопо-

---

ПИСЬМА ИЗ ШКОЛ

ставляя сочинения, можно показать, что сдвиги есть и у средних, и у слабых учащихся.

На собственном примере я убедилась, что в новой программе и новом учебнике заключены огромные возможности для повышения речевого развития учащихся. От нас зависит теперь, насколько умело сумеем мы эти возможности использовать.

Н. И. ОРЕХОВА

*Коммунарковская средняя школа
Владимирской области*

2. В нашей школе занятия по новому учебнику начались еще тогда, когда появился самый первый, ротапринтный его вариант. На наших глазах учебник улучшался, «мужал».

Большое достоинство нового учебника для IV класса прежде всего в том, что он будит мысль ребенка. Перед тем как изложить сведения, он дает факты для наблюдения. Так учащиеся подводятся к пониманию, осознанию материала. Ученик как бы сам начинает исследование, он присматривается к языковым явлениям, осмысливает их и под руководством преподавателя приходит к какому-то выводу.

Наблюдения над языковыми явлениями, упражнения, обращенные не только к памяти, но и к уму ребенка, образцы рассуждений — все это постепенно развивает логическое мышление ребенка, повышает его познавательную активность.

Вот вызвана к доске Марина Баланина (сейчас пятиклассница). Она обстоятельно доказывает, что правильно нашла в слове значимые части, приводит примеры слов с теми же морфемами. Присутствовавший на уроке методист сказал во время перемены: «Какая толковая девочка!». А ведь еще год назад это была отстающая ученица, и именно за этот год она благодаря «объединенным усилиям» преподавателя и учебника заметно продвинулась в умственном развитии.

Одна из нас одновременно работает и в VIII классе, который обучается по старому учебнику. И как ни горько в этом признаться, пятиклассники лучше своих старших товарищей владеют навыками грамматического разбора, увереннее анализируют морфологическое строение слова и находят орфограммы, четче строят свои сочинения. Даже умение пользоваться лексическим богатством нашего языка у пятиклассников подчас оказывается более высоким. Результаты этого сравнения мы в значительной мере относим за счет достоинств нового учебника для IV класса (хотя свое влияние оказал уже и опытный учебник для V класса, созданный тем же авторским коллективом и в том же «ключе»).

С. Д. ТОКАРЕВА, С. Л. ФАЛЬКОВИЧ
школа № 315, Москва

ЗАПЯТАЯ

1. ИЗ ИСТОРИИ ЗАПЯТОЙ

Перед нами, может быть, самое древнее из сохранившихся, любовное письмо новгородских Ромео и Джульетты: «от Микиты ко Улианице поиди за мьне яз тьбе хоцю а ты мене» (береста середины XIII века. См.: В. Л. Янин. Я послал тебе бересту. М., 1965; см. также: В. И. Борковский.— «Русская речь», 1968, № 3). За исключением первых слов, указывающих от кого кому написано послание, старая береста сохраняет речь Микиты в явно разговорной, достаточно эмоциональной форме. Эта живая речь передана на письме без знаков препинания, а слова выстроены в один ряд без интервалов. В те времена еще не было настоятельной потребности ни передавать ритм устной речи, ни подчеркивать ее построение на письме. По правилам современной пунктуации, кроме точек, мы поставили бы двоеточие, указав на подчинительную связь между *поиди за мьне* (по какой причине? почему?): (так как, потому что) *я тьбе хоцю* и, конечно, запятую перед соединительным союзом *а*, выделив присоединение *а ты мене*. Но такой подход к письму формировался веками.

Знаки препинания, как известно, появились значительно позже самого письма. Древние греки и римляне вводят промежуточные знаки для разделения слов. Если обратиться к нашим древним рукописям, например Остромирову евангелию (переписано дьяком Григорием для новгородского посадника Остромира в 1056—1057 годах), то окажется, что существовавшие в ту пору знаки были не столько «мыслеотделительными», сколько «вымолвными», «целями нотными и фонетическими»: сочинение это цели.

Историю знаков препинания в нашем понимании, то есть «в синтаксическом их смысле, можно вести только с появлением книгопечатания, хотя они, по всему вероятно, возникли еще в первую эпоху усиливающегося распространения рукописей... в XIV столетии, а может быть и раньше» (В. Класовский. Знаки препинания в пяти важнейших языках. СПб., 1896).

В анонимных сочинениях (XVI—XVIII века), посвященных правилам письма, мы найдем немало интересных замечаний и рекомендаций. «Пробел слияние глаголений разделяет, а запятая совершенную речь делает» (И. В. Ягич. Рассуждения южно-славян-

ской старины о церковно-славянском языке. СПб., 1896). Умение поставить знаки препинания толкуется И. В. Ягичем как «истиннословие»: «...а истиннословие се есть еже разумети где достоин поставити в писании запятая...». Чтобы «речь с речию не сплелася, да бы разумети разум письма», рекомендуется оставлять «мало место праздно между речей». Для выделения отдельных частей текста запятую называют одним из первых знаков препинания: «...между речений место велико праздно, на том пишут запятую, аще что мало обновится во едином вещании того разума, сицево оубо запятая пишется...».

Еще к началу XIX века знаки препинания сохранили довольно выразительные наименования. Каждое из них раскрывало функцию пунктуационного знака: запятая — отдохновение, точка с запятой — среднее отдохновение, двоеточие (двоеточие) — долгое отдохновение, а тире — молчанка. Эти названия говорили о том, что и запятая, и точка с запятой, и двоеточие, и тире обозначают на письме паузы, то есть передают ритм нашей устной речи. Конечно, в какой-то мере это действительно так. Но только в какой-то мере.

Правила пунктуации складывались исторически, и теперь не представляют единой системы и не основаны на едином принципе. Академик Л. В. Щерба отмечает двойной характер всякой пунктуации: «фонетический, поскольку она выражает некоторые звуковые явления, и идеографический, поскольку она непосредственно связана со смыслом» («Литературная энциклопедия» Т. IX. М., 1935).

Знаки препинания обусловлены стремлением: 1) обозначить паузы, передающие в какой-то мере ритмомелодию звучащей речи (читаемого текста) и 2) обозначить логико-смысловые отношения между словами и группами слов внутри предложения, то есть структуру самого предложения. Безусловно, подчеркивают исследователи пунктуации, «первым и наиболее надежным основанием для такого членения текста могло быть, конечно, только членение соответствующего устного высказывания посредством пауз» (А. Б. Шапиро. Основы русской пунктуации. М., 1955; см. также краткое изложение истории и основ русской пунктуации: «Современный русский язык». Под редакцией Е. М. Галкиной-Федорук. Ч. II. М., 1964).

Складывающаяся письменная речь, по сравнению с устной, приобрела свою специфику: особое построение фраз, выбор слов. Поэтому и невозможно приравнять роль пунктуации к ритмомелодической роли пауз в нашем устном общении. Вот почему господствующим оказался логико-смысловой, структурный принцип, закрепленный еще М. В. Ломоносовым в «Российской грамматике».

Английский исследователь Эрик Патридж в своем знаменательном названном этюде «Пунктуация — друг, не враг» ссылается на наблюдения Рихарда Ходжеса, сделанные еще в 1644 году. Р. Ходжес, школьный учитель, ратуя за изучение пунктуации,

приводит пример курьезнейшего искажения смысла из-за единственной запятой: «Сын мой, если грешники тебя соблазняют, не уступай им...». В английской фразе — «My Son, if sinners intise (entice) thee congent thou, nat refraning thy...» — достаточно поставить запятую после слова *nat* (тогда это отрицание будет относиться к придаточному условному), чтобы фраза приобрела противоположный смысл — «Сын мой, если грешники тебя не соблазняют, уступай им...» (E. Partridge. Punctuation — friend, not enemy. — «A Charm of Words», London, 1960).

С помощью знаков препинания как бы устанавливается контакт между пишущим и читающим, увеличивается возможность акцентировать внимание читающего на том или ином значении, оттенке слова, фразы. Поэтому важно, чтобы пишущий и читающий одинаково толковали поставленные знаки препинания. «Всякое правило о знаках препинания есть как бы пункт договора между пишущим и читающим», — справедливо замечает А. Б. Шапиро («Русский язык в советской школе», 1930, № 3). Но если этот договор нарушен, то знаки препинания из сигналов-помощников превращаются «в сущие знаки преткновения», как остроумно оценил слишком индивидуальные манеры пунктуации один из литературных критиков прошлого века Н. А. Мельгунов в письме к А. И. Герцену (13 апреля 1857).

Почти сто лет назад орфография и пунктуация горячо обсуждались на страницах русских газет. В 1872 году один из ревнителей русской грамотности негодовал по поводу разногласия в употреблении знаков препинания: «что автор, то и свои запятые, что газета, то и свои двоеточия, точки, точки с запятыми...» («Голос», 1872, 9 (21) октября).

Забота о запятой, как видим, отнюдь не является приметой нового времени. Мы часто вспоминаем слова одного из наших тончайших стилистов, писателя И. А. Бунина о том, что «иногда одна запятая нарушает всю музыку и повергает автора в форменный недуг» (в письме к Ф. И. Благову, 28 марта 1916), но забываем наставления наших старых грамматистов, отводивших запятой одну из первых ролей, в «истиннословии».

Смысловое значение пунктуации, пунктуация и грамотность — эти вопросы с давних времен относятся к числу острых и все еще не решенных, не только в русском, но и во многих других языках.

Не так давно Б. А. Дмитриев, анализируя современную судьбу тире — «знака отчаяния», как называл его А. М. Пешковский, — пришел к выводу, что тире становится универсальным знаком препинания: «не знает пишущий, какой знак поставить, ставит тире» («Русская речь», 1967, № 2). Эти слова подошли бы и к двоеточию. Ср., например, двоеточие между группами подлежащего и сказуемого (см. об этом подробнее: А. А. Брагина. — «Русская речь», 1969, № 1).

Уже в прошлом веке возникла тревога: как влияют газеты на грамотность молодежи. Уже тогда думали о том, какие пунктуа-

ционные «вольности» считать ошибками, препятствующими поступлению в университет. Этот вопрос в настоящее время стал еще острее благодаря массовым тиражам наших газет и безусловному влиянию прессы на язык и грамотность молодежи.

Недостаточное внимание к значению и своеобразию каждого знака препинания и приводит к хаосу «знаков отчаяния».

2. ТРУДНОСТИ ЗАПЯТОЙ

Какие же ошибки чаще всего допускают выпускники средних школ, поступая в вуз? Попробуем найти ответ на этот вопрос, обратившись к сочинениям, написанным на вступительных экзаменах по русскому языку в Московском государственном педагогическом институте иностранных языков имени Мориса Тореза. Сочинения эти были оценены как хорошие и удовлетворительные. Писали их главным образом выпускники 1967 и 1968 годов (из Москвы, а также из Белгорода, Донецка, Днепропетровска, Муром, Обнинска, Ставрополя, Сызрани, Чебоксар). Прежде всего надо отметить, что пунктуационных ошибок в сочинениях допущено в три раза больше, чем орфографических. Пунктуация оказывается действительно камнем преткновения, а самый опасный из всех «пунктуационных камней» — это запятая.

Так в чем же запятая? — спросим мы, перефразируя известную чеховскую фразу об источнике затруднений. Постараемся дать классификацию и некоторый анализ наиболее частотных ошибок.

1. Почти треть всех пунктуационных ошибок составляют запятые, неверно членящие сложные предложения, и в первую очередь сложноподчиненные.

1) Если придаточные предложения присоединены к главному не непосредственно союзом или союзным словом, то выделение такого придаточного запятой зачастую отсутствует:

Тот социальный строй /,/ под влиянием которого складывались характеры этих людей /,/ ...; противоречия капитализма /,/ при которых...

Примечание: в косые скобки взяты недостающие в сочинениях запятые /,/; в круглые — лишние запятые (,).

2) Если придаточное предшествует главному, то оно также не ощущается как особое звено в сложной конструкции подчиненных связей:

Чтобы показать это /,/ Горькому пришлось...; Чтобы показать эти закономерности /,/ поэту пришлось...

3) Не менее сложным делом оказывается выделение последовательно подчиненных придаточных, и особенно трудно, когда одно из придаточных включено в другое:

Пиловна поняла, что то /,/ о чем она смутно мечтала /,/...

4) Как правило, отсутствует запятая, если придаточное предложение — цитата:

Он хочет /,/чтоб к штирку приравняли перо.

5) Может быть, самым трудным оказывается выделение так называемых (по школьной грамматике) изъяснительных придаточных предложений:

Мы видим /,/ с каким трудом Павел завоевывает авторитет у рабочих.

6) Особый вред приносят формально заученные правила. Так появляется запятая, например, перед *что* независимо от роли этого слова в предложении:

Творчество В. Маяковского нам дорого и близко, потому (,) что не потеряло своей актуальности; Отмена крепостного права — вот (,) что может спасти Россию.

7) Сложные предложения с соединительным союзом *и* представляют вечную загадку. Ставить или не ставить запятую?

Мать сразу заметила перемену в Павле /?/ и ее охватил какой-то тайный страх за судьбу сына; Корзина с еловыми шишками была тяжела /?/ и Григ помог Дагни.

II. Вторую — и тоже весьма значительную — группу ошибок составляют запятые при вводных словах:

Другими приметами, правда /,/ не создающимися...; Таким образом /,/ мы видим, что...; Образы, которые /,/ однако /,/ являлись...

III. Причастные обороты, не выделенные запятыми, представляют третью, по «количественному составу», группу ошибок:

Дело /,/ начатое ими... Произвол и насилие /,/ царившие в стране... Героизм /,/ проявленный солдатами /,/...

И, наоборот, наблюдается стремление выделить распространенное определение, стоящее перед определяемым:

На смену анархическим бунтам пришли (,) организованные и руководимые настоящими революционерами (,) стачки; Поражающие своей оригинальностью (,) рифмы...

IV. Трудным остается для школьников различение однородных и неоднородных определений:

Речь Павла звучит обвинительным приговором существовавшему тогда в России (,) буржуазно-помещичьему строю.

V. Определенный процент составляют ошибки при выделении деепричастных оборотов. Особенно не везет деепричастным оборотам в препозиции:

И теперь, пройдя через все преграды,/ / мы видим...; Став босяком /, / он...; Говоря о событиях /, / позг...

VI. Совсем произвольна и ничем не обоснована для многих запятая перед *как*. Дело в том, что пишущие не ощущают, каковы роль и значение слова *как* в предложении:

Такие писатели (?) как А. П. Чехов, Л. Н. Толстой...; Плакали (?) как дети...; Этот поступок характеризует его (?) как настоящего человека.

Только в последнем предложении запятая не нужна, в остальных же случаях (сравнение) запятая необходима. Настоящий хаос запятых перед *как* в сочинениях экзаменующихся, к сожалению, повторяется из года в год.

VII. Огорчает пунктуационная небрежность: забытые кавычки, пропущенное тире в прямой речи или тире вместо глагола-связки. Некоторые ошибки, хотя и не слишком часты, но настолько грубы, что о них все же сказать необходимо.

1) Запятая отделяет подлежащее от сказуемого:

Происходящие в стране огромные преобразования (,) вызвали у поэта...

2) Ничем не оправдано обособление второстепенных членов предложения:

На совет Фамусова «послужить» (,) Чацкий отвечает...

3) Еще менее оправдано обособление предлогов и союзов:

*Но (,) в отличие от Некрасова Лев Толстой проповедовал непротивление
злу насилем.*

Когда говорят: неоправданное, ничем не оправданное употребление запятой, то, конечно, руководствуются действующими в настоящий момент логико-смысловыми нормами пунктуации. Ученики видят в пунктуации возможность передать на письме живое членение фразы. Именно эту фонетическую природу пунктуации подчеркивал Л. В. Щерба и иллюстрировал свою мысль сложными предложениями, которые все же произносятся без внутреннего членения перед подчинительными союзами. Ср.: «Дом где я живу» (Л. В. Щерба) и «Он призывает уничтожить строй где давит гнет „сердца людей“» (из сочинения абитуриента).

Строгость правил пунктуации, конечно, относительна. Еще в конце прошлого века существовало правило, допускавшее запятую между подлежащим и сказуемым, если группа подлежащего распространена второстепенными членами (В. Классовский). Ср.: «Соня, Николай, маленький Петя, веселая, жизнерадостная Наташа, любили петь...» (из сочинения абитуриента). Но такая запятая противоречит принятому теперь логико-смысловому принципу.

Смысловое изучение пунктуации, вероятно, невозможно без смыслового анализа всего текста. Возьмем несколько примеров из сочинений абитуриентов.

В образе Нетте Маяковский видит настоящего человека |,/ преданного родине.

Прежде чем объяснить смысловую обособленность причастного оборота необходимо разъяснить: не в образе *Нетте*, а в *Нетте* видит Маяковский образ настоящего человека (какого? почему настоящего?), *преданного родине*.

Другой пример:

Он сблизился с ними (,) сначала с неуверенностью, а затем с головой окунулся в кипящую деятельность революционной жизни.

Обусловленность или необусловленность той или иной запятой невозможно растолковать, не обратив внимания на взаимосвязь частей предложения и сочетаемость слов: сблизился с неуверенностью — сблизился с неуверенностью, а затем с головой (?) — с головой окунулся в кипящую (?) деятельность — деятельность (?) революционной жизни (то есть — сблизился, а затем сначала неуверенно, потом с головой окунулся в кипучую революционную деятельность). Знаки препинания, как известно, обусловлены строем предложения, который в свою очередь определяется словесным материалом.

Двойной характер русской пунктуации — фонетический и логико-смысловой — вносит определенные затруднения. Поэтому

следует обращать особое внимание на те случаи, когда естественное членение фразы в устной речи не совпадает с членением логико-смысловым.

На «пунктуационном пути» ученика есть еще одно трудно преодолимое противоречие. Школьный учебник предлагает определенный свод правил, каждое правило проиллюстрировано примерами из классической литературы, закреплено с помощью упражнений, составленных из текстов, принадлежащих писателям-классикам. Заметим, в каждом упражнении возможно только одно решение, обусловленное определенным правилом.

Но вот ученик на параллельных уроках литературы переходит к чтению рекомендованных классических произведений и... попадает в тупик перед многими двоеточиями, тире, точкой с запятой, а чаще всего перед обыкновенной запятой. Например: «Если бы ты только сжалился надо мной, то я... стала бы с тобой, как собака твоя» (М. Горький. Коновалов). Правило гласит, если сравнительный оборот примыкает к неполнознаменательным глаголам, то он входит в группу сказуемого и запятой не отделяется. Почему же М. Горький отделил его? Писательский произвол или в этом есть свой особый смысл? Может ли так поступить ученик, будущий абитуриент, в своем сочинении? По-видимому, необходим «учебный» анализ подобных примеров.

Знание строгой нормы необходимо, но также необходимо умение оценить варианты и отступления от этой нормы, видеть ошибки (см. об этом подробнее: Н. С. Валгина. — «Русская речь», 1968, № 5).

Пунктуация — это прежде всего средство подчеркнуть логико-смысловое построение фразы. Если ученик не умеет построить фразу, то, конечно, знание пунктуационных правил не спасет его. Вот почему представляется уместным напомнить один педагогический совет, хотя и большой давности.

Главное внимание следует обращать на последовательность и логическую связь в изложении мыслей, на отношение ученика к использованной литературе, на слог. «В противном случае университеты или останутся вовсе без студентов или наполнятся пишущими без одной ошибки, но совершенно... неспособными к разумному усвоению профессорских лекций слушателями, чего, конечно, никто не пожелает в интересе самой науки» («Голос», 1872, 9 (21) октября).

Изучение пунктуации, основанной не только на формальных правилах, но и на смысловых особенностях текста, относят к области практической стилистики. Пусть так! Важно другое: пунктуацию живого современного письма изучать необходимо. (Определенный интерес представляет опыт-обобщение работы над пунктуационными ошибками: Е. В. Конюкина. Учебно-методическое пособие по русскому языку. Для поступающих на гуманитарные факультеты МГУ. Изд-во МГУ, 1960).

А. А. БРАГИНА

ФРАНЦИСК (ГЕОРГИЙ) СКОРИНА

6 августа 1967 года исполнилось 450 лет белорусского книгопечатания, основателем которого был известный просветитель-гуманист, крупный общественный и культурный деятель Белоруссии первой половины XVI века Франциск (Георгий) Скорина, доктор «свободных наук» и медицины. Он оставил нам в наследство серию печатных книг — «Библию» (22 части) и «Псалтырь», изданные в чешской Праге в 1517—1519 годах, «Апостол», «Малую подорожную книжицу», «Часословец», «Каноны», «Акафисты», «Шестидневник», «Святцы» и «Пасхалию», опубликованные в Вильне в 1525 году. Как лучшие образцы белорусского книгопечатания, скорининские издания были важным источником знаний не только для церковников, но и для всех читающих. Они предназначались «людемъ посполыгымъ к доброму научению», «своему прирочному рускому языку к науце всего доброго».

Для правильного понимания культурно-просветительского вклада Скорины в сокровищницу восточнославянской культуры, в частности его книгоиздательской деятельности, начатой в чешской Праге и продолженной в Вильне, необходимо иметь в виду, что в эпоху Средневековья церковно-религиозная литература содействовала пробуждению общественного самосознания в православной среде. И так как «всякая борьба против феодализма, — по словам Ф. Энгельса, — должна была тогда принимать религиозную оболочку», то не приходится удивляться, что Скорина в начале XVI века обратился к изданию церковной литературы на книжно-славянском языке (Псалтырь, Апостол, Малая подорожная книжица) и переводу библейских книг на «русский» язык.

Каждое издание Скорины сопровождалось предисловием и послесловием, в которых излагались его гуманистические и просветительские взгляды по широкому кругу вопросов морали, политики, права, теории и практики государственной жизни. На страницах предисловия к книге «Иудииф» звучали патристические слова Скорины, в которых проявились его любовь и уважение к родной земле: «Пожеже от прирочения Звери ходящие въ пустыни знаютъ ямы своя. Птици летающие по въздуху ведають гвезда своя. Рыбы плывающие по морю и в рекахъ чуютъ виры своя. Пчелы и тымъ подобная бороняють ульевъ своихъ. Такожъ и люди игде зродилися и ускормлены суть по бозе къ тому месту великую ласку имають».

Важнейшим источником знаний по таким известным в Средневековье наукам, как грамматика, логика, риторика, музыка, арифметика, геометрия и астрономия, Скорина считал Библию. Чтобы научиться грамоте, он рекомендовал читать «Псалтырь», чтобы понять логику — книгу «Иова» или «Послание апостола Павла», риторику — «Премудрости Соломона», музыку — «Песнь Песней», арифметику — четвертую книгу Моисееву «Числа», геометрию — книгу «Иисуса Навина», астрономию — начало книги «Иисуса Навина», книги «Царств» и Евангелие.

Скорининские издания заметно отличались от современных им и позднейших славянских печатных книг своим художественно-техническим оформлением: иллюстрациями на специальных титульных листах, гравюрами на сюжет книги, разнообразными заставками и вишетьками, заглавными буквами-инициалами к каждому разделу, последовательной нумерацией листов, знаками препинания в тексте, употреблением прописной буквы в собственных именах и географических названиях. Художественно-техническое мастерство скорининских печатных книг больше не повторялось ни в одном книжно-славянском издании, начиная со второй половины XVI и кончая первой половиной XVIII века.

Скорининское литературно-письменное наследие — достояние всего славянского мира. Начавшиеся во второй половине XVIII века и продолжающиеся в настоящее время многочисленные исследования, посвященные Скорине и его эпохе, свидетельствуют о том, что в далекие от нас времена он внес большой вклад в последующее развитие книгопечатания и литературной жизни славян.

Широкое распространение скорининские издания имели у всех восточных славян. На Украине они были источником знаний для представителей православной культуры, образцом для появившихся там рукописных копий с его предисловиями и послесловиями. Первый шаг в этом направлении сделал Василий Жугаев из Ярославля-Галицкого, который переписал скорининские печатные книги «Иова», «Притчи Соломоновы», «Екклесиаст», «Песнь Песней», «Премудрости Соломона», «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» в 1568 году. Полностью включены книги Скорины «Иудифь» и «Плач Иеремеи» в украинское издание «Астрожской библии» (1580—1581). Продолжатели Скорины на Украине развивали в своих произведениях некоторые его наставления, изложенные в предисловии ко всей «Библии». Наиболее последовательным выразителем скорининских мыслей был украинский публицист И. Вишенский, автор «Зачепки мудрого латинника» (1600—1617).

Церковнославянская языковая стихия, которой придерживались многие книжники в течение столетий, в известной мере влияла и на Скорину. Он свободно пользовался книжно-славянизмами, зная, что многие из них широко употребляются в современной религиозной литературе и без особых трудностей воспринимаются читателями. С другой стороны, он стремился к демократизации языка, придавая ему восточнославянские и собственно белорусские языковые черты. Основными источниками для скорининских переводов, за исключением четырех библейских книг «Пре-

Г. Скорина.
Гравюра на дереве.
XVI век

мудрости Соломона», «Иудифь», «Есфирь» и «Песнь Песней», послужили чешская «Библия» (1506), книжно-славянские и другие источники.

Скорина не ставил перед собой задачу популяризировать библейские книги на чистом народном языке и снизить известную тогда роль книжно-славянского языка. Его библейские тексты скорее представляют переход от «языка словенского» к языку «рускому». В этом отношении они интересны и ценны как источники изучения белорусского варианта книжно-славянского языка и истории белорусского литературного языка.

Известно, например, что книжно-славянский язык, хотя и сыграл определенную роль в развитии и усовершенствовании белорусского литературно-письменного языка в донациональный период, в Белоруссии не употреблялся так широко, как в Древней Руси, где он был «фактом глубоко прогрессивного значения» (История культуры Древней Руси. Т. II. М.—Л., 1951). В то время как в древнерусской церковной литературе преобладала книжно-славянская языковая основа, в белорусской и украинской она постепенно, но неуклонно вытеснялась народно-разговорным языком. Для этого создавались возможности в разнообразных стилях и жанрах, возникших в Белоруссии. В разных церковных произведениях неединоково использовался книжно-славянский язык. Украинский публицист-полемист И. Вишенский поучал: «Евангелия и Апостола в церкви на литургии простым языком не выворачайте. По литургии же, для вырозуменья людского, попросту толкуйте и выкладайте».

Причины упадка книжно-славянского языка и вытеснения его из произведений церковной литературы общенародным языком очень сложные. Одна из основных исторических предпосылок появления такой литературы в Белоруссии и на Украине на местном языке — влияние реформационного движения, которое из Западной Европы через Польшу проникало в Великое княжество Литовское. На эту причину указывал К. Маркс. В письме Ф. Энгельсу от 5 марта 1856 года он писал, что «Реформация принесла с собой перевод библии на все наречия славянских народов. С Реформацией связано, во всяком случае, пробуждение национальностей...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т. XXIX, стр. 18). Вполне понятно стремление белорусского и украинского народов, находившихся в составе Великого княжества Литовского, к развитию национального самосознания. На белорусских и украинских землях уже в XV веке существовали попытки использования местных языковых черт в произведениях церковно-религиозного содержания или переводов их на «русский» язык (Четья. 1489; Страсти Христовы; О трех королях-волхвах; Житие Алексея, человека божьего; Измарагд — XV век).

Скоринское литературно-письменное наследие в языковом отношении неоднородно. В нем различаются издания на книжно-славянском языке и переводные библейские книги. «Псалтырь», «Апостол» и «Малая подорожная книжица» принадлежат к белорусскому варианту книжно-славянского языка. Некоторые из них, как сказано в предисловии к «Псалтыри», напечатаны «русскими словами а словенским языкомъ». Это замечание свидетельствует о том, что Скорина четко разграничивал свой родной язык и книжно-славянский. Многие книжно-славянизмы, особенно в «Псалтыри», он посвящал на полях листов соответствующими белорусскими словами. Так, в книжно-славянском тексте напечатано — горлица, а на поле — сивоворонка; овгари — лоси; оскордъ — долото; стакти — ладанъ; тимпанъ — бубенъ; скуми — львения; утробы — почки; хоими — узгорки. Иногда для пояснения Скорина приводил слова и формы книжно-славянского происхождения: власеница, страна, упредиша, предвариша. Можно полагать, что, с одной стороны, многие книжно-славянизмы в представлении Скорины были «неразумными простымъ людемъ», а соответствующие белорусизмы предназначались для «простыхъ людей», с другой стороны, он не видел принципиальной разницы между некоторыми средствами обоих языков.

Что касается переводных библейских изданий, то несмотря на их консервативное содержание и форму, Скорина смело насыщал некоторые из них местными (восточнославянскими) фонетико-грамматическими чертами. К ним относятся, например: аканье (доканаеть, залатаревъ, лашето); употребление *e* вместо этимологического *ѣ* — «ять» (болезь, вера, заведь, лето, тело); *e* вместо безударного *д* — «юса малого» (десеть светый, месець, ечмень); переход *у* в *ѣ* (краткое), обозначаемое буквой *в* (вже, вмыти, навчилиъ, вчастие); приставкой гласный *и* и согласные *в*, *з* (ильствийый, пржати, ильвица, ильняныхъ, вужь, вось, гусеница); твердые шипящие *п* и *р* (жывъ, жылы, вашымъ, крыкъ, бритва, прынесите); удлинные согласных в положении между гласными (возданше, воспоминаие, ис-

КГЯЛЯТОМЪ:~ п 7

ПОГЛЯННЕ ОБЕТОГО ЯПОСТЯ

Пявля, еже написанъ сямъ союю рѣкою
вѣлми чудно, и посылаетъ кннма шрѣмя
А зямыкяеть есоуѣ гляевъ шесть:~

Къряеть япѣль гялятанъ иже суть ско
ро шстѣпнли шевры хрѣтвы • Еиже непри
ялъ ісѣтъ шчеловека, но шсего хрѣтѣ:~

Гляевъ я Зячяло рѣчи:~

Ивель погляный, не шчеловекъ, ни
человѣкой но ісѣ хрѣтомъ • Ибо
гомъ шцемъ есокресившимъ его
изъ мертвы • И еже сомной вса

бритна церквямъ гялятскимъ:~ Зячѣ рѣд

Агодятъ вямъ имиръ шбога шца, и
гдѣ няшего ісѣ хрѣтѣ, дявешго себѣ

зягрѣхн няша, дя изъвямъ нисѣ шнисто

корененне); окончание -у (-ю) в родительном падеже единственного числа существительных основ на -о (веку, ветру, грому, смутку, сорому). и др.

Основу словаря скоринских библейских изданий составляют общеславянские слова, большинство из которых сохранились до настоящего времени во всех восточнославянских языках, в том числе и в белорусском. Кроме того, в переводных изданиях Скорины встречаются лексические заимствования из соседних славянских и неславянских языков, в первую очередь из чешского: бѣевати — 'воевать', вдолне — 'долина', гудба — 'музыка', дивокый — 'дикий', кридло — 'крыло', лобка — 'череп', наглый — 'неожиданный', позоровати — 'следить', петрусь — 'страус'. Встречаются также и польские слова, некоторые из них не пустили глубоких корней в последующем развитии белорусского языка: звытяжество — 'победа', онатреньность — 'провидение', прудкость — 'скорость, быстрота, поспешность, торопливость', посполитый — 'общий, общезвестный, простой, обыкновен-

ный', подлугъ — 'по, согласно, соответственно'. Значительно меньше слов немецкого происхождения (барва — 'краска, цвет', канцлеръ, муръ — 'стена', шафаръ — 'эконом') и греко-латинского (аритметика, астрономия, геометрия, граматика, логика — 'логика').

Особую группу в скорининских переводных книгах составляют собственно белорусские слова. Они издавна употреблялись на территории Белоруссии и сохранились здесь до настоящего времени: ботьянъ, гай, зброя, згода, клопотъ, праца, початокъ, подлога, смутокъ, справа, трава, шириши, домовъ, моцный, последовникъ, выкладъ.

Некоторые слова Скорина обогащал дополнительными оттенками значений. Например, слово *баня* в древнерусскую эпоху имело современное значение, а у Скорины оно обозначает и 'посуду для жидкости, банку': «Возложила [Иудиѣ] на служебницу свою Абру фляжку вина: и баню олея и мешецъ крупъ» (Иудгѣ); «Уделалъ теже Гирамъ десеть Баней великихъ медяныхъ» (III книга «Царствъ»).

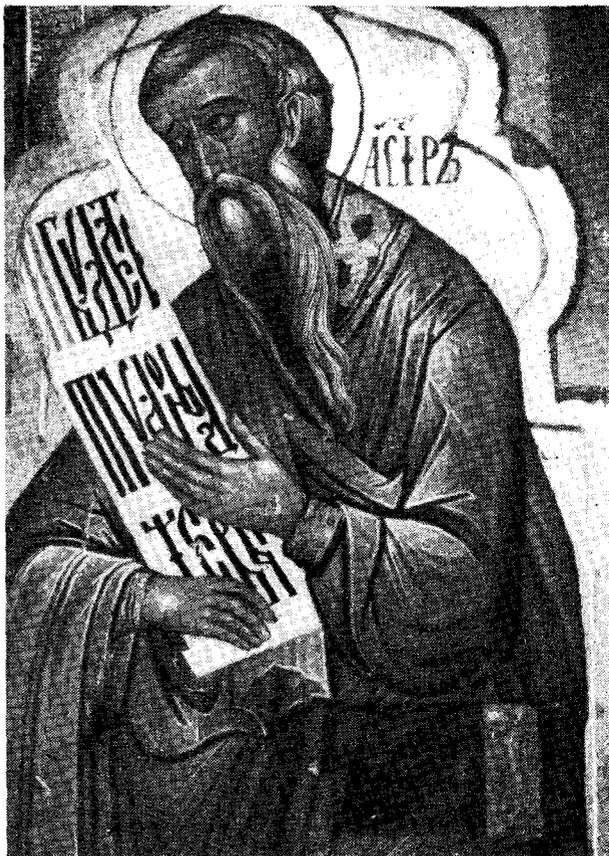
Слово *ворожбит* имело значение 'враг', а в скорининских изданиях также 'знахарь': «Чародейникъ или ворожбитъ догадыватися будетъ о томъ чего не вестъ» (Псалтырь); «Людие... послушали суть чародейниковъ и ворожбитовъ» (Второй закон).

Слово *выбити* в древнерусском языке обозначало 'вышибить, выгнать вооруженной силой, пробить' а у Скорины употреблялось в переносном значении 'напечатать'. Известно, например, что в скорининских изданиях обычными были выражения: «вытиснена книга»; «велелъ ти спути книгу»; «доконана книга». Вместе с тем в скорининском издании «Апостола» встречается выражение «Выбито послание апостола Павла къ Галатамъ». В данном случае *выбито* употреблено для различия печатного издания от соответствующих рукописных списков. Такой смысловой оттенок слова встречается и в украинской деловой письменности середины XVI века. Возможно, в «Описи церковного имущества Киево-Печерского монастыря» (1554) проявилось влияние терминологии скорининского «Апостола»: «Уставы два, а третей полуставъ битая». В аналогичном значении использовал это слово и П. Берында в своем «Лексиконе славянорусском»: «Друкую з алманска, выбываю, албо вытискаю».

Разумеется, современный белорусский язык заметно отличается от скорининского. Интересно определить, какие языковые средства скорининского языка не утратили своей силы, какие изменения произошли в словаре белорусского языка за прошедший период. Ответить на это поможет словарь языка Скорины, который составляют в Институте языкознания имени Якуба Коласа АН Белорусской ССР.

В. В. АНИЧЕНКО,
старший научный сотрудник
Института языкознания
АН БССР

Фрагмент
иконы XVI
века. Из
Преображенского
собора
Соловецкого
монастыря.
Музей
им. Андрея
Рублева

ЖИВОПИСЬ СТРЕМИТСЯ ЗАГОВОРИТЬ

Наша речь, как и язык литературы, обогащается не только новыми словами и сочетаниями, выражающими понятия, приносимые непрерывно меняющейся, рождающей новое и убивающей старое действительностью. Из глубин исторической жизни, из вековых залежей языка вдруг являются и начинают новую жизнь слои глубочайшие, древние, казалось бы, навсегда похороненные. Совсем недавно, не более десяти лет назад, начали мелькать в книгах, газетах, журналах, звучать в передачах радио и телевидения, просто в разговорах где-нибудь в метро или в автобусе слова: собор, фреска, абсида, икона, а то и совсем забытое: левкас, шпонка, паволока... Неожиданно, на первый взгляд, но вполне закономерно

пришло и все более широко распространяется увлечение культурой Древней Руси. И в каких бы отличьях оно ни являлось — поверхностным спонизмом моды или серьезным стремлением постичь корни национальной культуры — это увлечение принесло с собой забытые понятия, забытые слова.

Любитель старины, проводящий отпуск в путешествиях по древним русским городам, хорошо знает теперь, что такое солея или царские врата, отличает икону «Сретение» от «Преполовения» и, осматривая какой-нибудь памятник архитектуры, охотно пояснит менее посвященному, где здесь придел, а где трапезная, и укажет на тябла иконостаса.

Увлечение это растет. Сотни ты-

ся людей посещают ежегодно древние культурные центры. Все больше и больше выходит книг и альбомов, посвященных русскому Средневековью. Они мгновенно раскупаются, будь то книги популярные или научные, посвященные ли они литературе Древней Руси или живописи, музыке или архитектуре. Новые экспозиции в музеях, города-заповедники, специальный музей древнерусского искусства в Москве, пластинки с записью концертов, на которых исполняются древние распевы — свидетельствуют широты этих новых интересов. Постепенно они углубляются, и целью становится уже не любование и увлечение, а знание и постижение. Самые настойчивые и любознательные часами просиживают в музеях, смотрят, вдумываются, пытаются разобрать надписи на древних иконах.

Надписи эти есть обязательно на каждом произведении, но в отличие от новой живописи сделаны не на гравированных медных табличках, прикрепленных к золоченым рамам, а прямо на произведении, среди изображений, над ними, вокруг них. «Как известно, надписи, подписи и сопроводительные тексты постоянно вводятся в древнерусские станковые произведения, в стеновые росписи, миниатюры. Искусство живописи как бы тяготилось своей молчаливостью, стремилось „заговорить“. И оно „говорило“, но говорило особым языком» (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 28).

Эти тексты, помещенные на самих произведениях, называются «изображенным словом». Об «изображенном слове» на древних иконах, о том, как его понимать и читать, о его роли и назначении и пойдет у нас речь. Надписи, поясняющие изображенное, исключали неверные толкования, предельно конкретизировали то, что средствами своего искусства — цветом и линией — выражал художник. Они помогали осмыслить изображенное событие и несли в себе вместе с символической цветовой и жесткой философские понятия, объединившиеся в сознании средневекового человека в сложное и органическое целое.

На древней иконе обязательно делалась надпись, свидетельствующая, какое лицо или событие здесь изображено. Без такой надписи икона не считалась законченной и не могла выйти из мастерской. Надписи делались на иконе большими буквами, красиво и ясно. Они входили в композиционный и колористический замысел произведения. Им придавалось значение столь же серьезное, как и самому изображению. Поэтому хорошо читаемая надпись, скажем, «Рождество пресвятыя богородици» наверху иконы, где показана сцена рождения Марии, так же необходима, как и ложе, на котором сидит уставшая и потрясенная Анна, укутанная в красное покрывало, или купель, в которой служанки готовятся купать новорожденную. Если изображается святой, то надпись знакомит с ним, представляет его зрителю, и тот, видя, к примеру, слова «Святый Никола», понимает, что перед ним икона (от греческого εἰκόνη — образ, изображение, портрет) жившего в IV веке епископа Мир Ликийских Николая, участника первого Вселенского собора. Слово *святой* может быть написано русскими буквами по-гречески *агиос* — святой, праведный. Иногда такая надпись могла быть несколько более пространной: «Святый апостол, мученик (или мученица), преподобный». Эти слова хорошо были понятны средневековому человеку и обозначали принадлежность к тому или иному лику, или, говоря современным языком, типу святости. Апостол — посланный проповедовать Евангелие. Мучениками или великомучениками назывались люди, принявшие мученическую смерть во времена гонений на христиан. Преподобными называли святых из монахов.

Поскольку на иконах, так же как и в рукописях, часто встречались одни и те же слова, то некоторые из них писались кратко: *сгги* вместо *святый*, *бца* вместо *богородица* и т. д. — с особым знаком («титлом») над словом. Такие сокращения в старину были также хорошо знакомы и понятны. И уж всякий человек, даже не особенно грамотный, узнавал «под титлами» четыре буквы ИС ХС (Иисус Христос). Иног-

да писались только первые буквы хорошо известного текста. Таковы древнейшие русские «аббревиатуры» на крестах с изображением распятия: ЦС—Царь славы; ИИЦИ—Исус Назарянин царь Иудейский. Второй текст писали в воспоминание евангельского рассказа о табличке, прибитой к кресту по приказу прокуратора Иудей Понтия Пилата. На крестах помещалось еще одно сокращение, также состоящее из четырех букв: МЛРБ (место лобное рай бысть) — место, где произошло, согласно христианскому вероучению, распятие, до грехопадения было в раю. Это сокращение писалось внизу, у креста, там, где у его подножия изображалась могила с черепом, по-древнему лбом Адама. Распятие, муки Христа, искупающие грехопадение, произошли, по представлению средневекового человека, на месте погребения «падшего Адама». Быть может, поэтому место тяжелых страданий и казней называлось на Руси лобным.

На иконах встречается еще одно очень распространенное сокращение, всегда сопровождающее изображение богородицы. На фоне иконы, в верхней ее части, слева и справа от изображения мы видим написанные «под титлами» буквы МР и ΘΥ. Таким образом иконописцы писали по-гречески слово богородица.

Древние русские иконы изображали часто события сложные, с многими композициями, показывающими порой разновременные и в удаленных друг от друга местах происходящие действия на одной доске, на одной живописной плоскости. Естественно, что рядом с каждой композицией помещалась пояснительная надпись, позволяющая зрителю точно понять смысл изображенного и сюжетную взаимосвязь событий...

На прекрасных конях едут одетые в восточные одежды волхвы. Вот они, остановившись в горах, разговаривают, показывая на сияющую в небе рождественскую звезду, которая ведет их к яслям, где родился божественный младенец... Так русский художник XVII столетия изобразил на иконе «Рождество Христово» среди прочих сцен «звезд

дам служащих» волхвов, идущих издалека поклониться новорожденному. А рядом с волхвами на поле иконы надпись: «Волсви же по звездам путешествуют».

Дальше следует другая сцена: волхвы с благоговением протягивают младенцу, сидящему на коленях у матери, дары. И этот эпизод, как все предыдущие и последующие, не оставлен без комментария. Мы точно, без догадок и домыслов узнаем из надписи, что здесь изображено: «Волсви принесоша ему дары злато, ливан и смирну»... Подобные надписи были очень разнообразны. Иногда краткие, иногда довольно пространственные, они могли быть точной цитатой из того или иного литературного источника, но чаще это был свободный пересказ. Так, на иконе начала XVII века разъясняется сцена грехопадения первых людей, прельщенных змеем: «Змея же прельсти Еву и шепче ей во ухо».

Особенно богаты «изображенным словом» так называемые житийные иконы, или, как сейчас принято их называть, иконы с клеймами жития. Это широко распространенный в Древней Руси тип изображения, когда в середине произведения, в прямоугольнике писалась фигура святого, а вокруг, в виде отдельных композиций-клейм шли сцены его жизни, или, по-древнему, жития. Естественно, что каждое клеймо, а их число доходило порой до нескольких десятков, сопровождалось пояснительной надписью...

1642 год. Два московских иконописца, не особенно знаменитых и преуспевающих, Кирилл Иванов сын да Тимофей Тимофеев, живших в иконном ряду в Москве, получили заказ от владимирского посадского человека Федора Петровича Масленникова написать икону Николы-чудотворца. Федор Масленников хотел украсить у себя во Владимирском посаде церковь. А церкви пазвание было Никола-что-в Галеях. Галеями звались гребные речные суда, большие лады. Церковь, для которой заказывали эту икону, стояла неподалеку от речного причала. Сюда перед дальним илаванием приходили люди, чтобы помолиться Николу-чудотворцу,

«скорому в помощех» всем терпящим бедствия, а особенно на воде, ибо с давних пор Никола почитался на Руси как покровитель плавающих и путешествующих. Художники написали эту икону. Через триста с лишним лет она попала в Москву, в Музей древнерусского искусства имени Андрея Рублева.

Вот одно из клейм этой житийной иконы. Среди бурных волн — корабль с тремя корабельщиками, которые испуганно смотрят в воду. В волнах — тонущий человек в патриаршей одежде, в белом клобуке с крестом. Он с надеждой протягивает руку как бы свободно парящему над водами святому Николаю. Это клеймо иллюстрирует один из эпизодов жития Николая.

Однажды горделивый патриарх приказал убрать с почетного места в церкви изображение этого святого, потому что тот был «смердич», простонародного происхождения. Вскоре патриарх поехал по своим делам морем (действие происходит в Греции с ее многочисленными островами), разыгралась буря. Набежавшая волна смыла патриарха в море, и уже утопая, горько каясь, он зовет на помощь Николаю, и тот приходит спасти его...

Надпись на поле иконы рядом с этой сценой чрезвычайно интересна. Мастера, создавшие икону, осторожно не называют гордеца патриархом. То ли уважение к высокому сану, то ли боязнь, что в 1642 году это могли принять за опасный намек, вынуждает их писать несколько неопределенно: «Святыи Николае избави епископа от потопа морскаго». Эта маленькая живая деталь — а таких в надписях на иконах много, — эта осторожность рядовых художников протонародного, ремесленного круга рисует нравы XVII столетия, твердо уверенного в истинности поговорки, что береженного бог бережет...

«Многозначительна даже такая деталь: прошедшее время в этих надписях часто переправляется на настоящее. Надпись поясняет не прошлое, а настоящее — то, что произведено на клейме иконы, а не то, что было когда-то. Икона изображает не случившееся, а происходящее сейчас на изображении;

она утверждает существующее, то, что молящийся видит перед собой» (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы, стр. 28).

Вот пример комментария к иконе в настоящем времени. На двери в жертвенник начала XVII века из села Семеновского (Музей имени Андрея Рублева) есть сцена изгнания первых людей из рая после грехопадения. Над изображением, прямо по фону иконы идет надпись: «Ангел господень изгоняет Адама и Еву из рая за преступление».

Внутри одной композиции краткие надписи с обозначением имен представляют зрителю действующих здесь лиц. На иконах, посвященных «Сретению», зритель видит ветхозаветный храм, куда пришли Мария и Иосиф вместе с младенцем Христом, чтобы принести очистительную жертву. Глубокий старик священник Симеон берет на руки младенца. Рядом с ним — живущая при храме Анна. Она пророчествует о необычной судьбе Христа. Все пять действующих лиц иконы названы поименно в надписях над их головами или рядом с ними. Художники представляют зрителю изображенных людей и в больших иконах, и внутри небольших житийных клейм. Эти надписи помогают не только понять сюжетный смысл изображенного, но и проникнуть в художественный замысел иконописца.

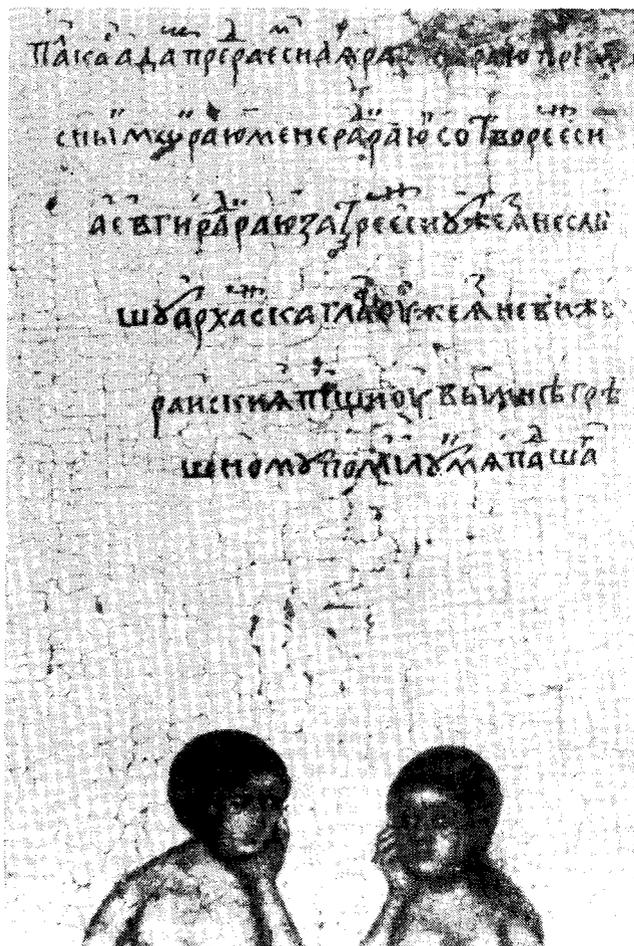
Среди клейм иконы XVI века «Кирилл Белозерский» с житием (Собрание Государственной Третьяковской галереи) есть такая сцена... Пекарня московского Симонова монастыря, по-древнему хлебня. В большой печи горит огонь и видны поставленные хлебы. А рядом, наклонясь друг к другу, беседуют два монаха в одинаковых темных одеждах. Это знаменитый, уважаемый всеми на Руси Сергей Радонежский. Бывая в Москве, он заходит в Симонов монастырь к совсем еще молодому, безвестному монаху Кириллу, который выполняет там самую тяжелую работу. Так и сейчас Сергей пришел сюда, и, пользуясь кратким роздыхом, пока хлебы пекутся и не припшла пора ставить новые, монахи с интересом беседуют. Иконописец, как в титрах на

телевизионном экране, представляет их зрителю. Над головой одного надпись — Сергие, у другого — Кирил. И после того как зритель, прочитав надпись, знает, «кто есть кто», ему легче понять, с какой точностью в этом небольшом по размерам изображении в силуэтах фигур, в жестах выражено и заботливое внимание к собеседнику со стороны пожилого мудрого человека, и напряженное — не проронить бы ни единого слова — состояние молодого ученика...

Надписи на древней живописи могли быть не только прозаическими, но и стихотворными. Стихи на

иконах до конца XVII века — явление очень редкое, но, начиная с этого времени, они распространяются довольно широко, и особенно богата ими живопись XVIII столетия. Самые простые и краткие надписи этого рода — двустишия. Например двустишие на иконе «Троица» 1756 года (Третьяковская галерея). Эпизод из Ветхого завета — явление Аврааму и Сарре трех ангелов разъясняется так:

Авраам господа в трех лицах
угощает
Господь же ему родити сына
обещает

Фрагмент
иконы XVI —
начала XVII
века.
Из церкви
села
Семеновское
Московской обл.
Музей им.
Андрея
Рублева

Встречаются также довольно значительные по размерам силлабические вирши. Вот, для примера, стихотворение на иконе «Страсти Христовы» XVIII века:

Христа бога от риз совлачают
И привязши, к столбу поставляют.
Посем венец тернов нань возлагают
И острым остием главу прободают.
Воини алии лозием бьюще
И многи раны бичми зле дающе,
В багряницу же его облачают
И ругательно трость за скипетр
вручают.

Стихотворные надписи иногда буквально заполняют икону. В собрании Музея имени А. Рублева есть икона конца XVII века «Богоматерь — всем скорбящим радость», содержащая четыре четверостишия. Известна также икона 1719 года «Страсти Христовы» с двадцатью двумя двустишиями, образующими вместе целую поэму.

Помимо стихотворений, в качестве «изображенного слова» использовались иногда тексты церковных песнопений. Наиболее часто встречается песнопение в честь богородицы «О тебе радуется, обрадованная всякая тварь». Оно писалось на одноименных иконах, иллюстрировавших песнопение, посвященное Марии. В Музее имени А. Рублева выставлено недавно найденное и упоминавшееся уже произведение — дверь в жертвенник из села Семёновского. Здесь среди других надписей — два песнопения. Первое — «Плач Адама» помещено над изображением плачущих после изгнания из рая Адама и Евы. Второе поясняет притчу о смертном человеке. Это покаянное песнопение начинается словами: «Зрю тя, гробе, и ужасаюся твоего видения».

Все надписи, о которых мы говорили до сих пор, представляют собой авторский комментарий. Они не входят как составная часть в самое действие, а только осмысливают и уточняют его. Они адресованы непосредственно зрителю. В иконе существуют также надписи, с помощью которых действующие лица общаются друг с другом. Образом такого словесного общения персонажей являются свитки или раскрытые книги с написанными на них

текстами — прямой речью изображенного лица. Так, на иконе «Благоговещение» середины XVII века из суздальского Спасо-Евфимьева монастыря (Музей А. Рублева), исполненной большого динамизма, мы видим стремительного архангела Гавриила, обращающегося к Марии с вестью о рождении сына. Архангел еще приближается к ней, и, как птица, выпорхнувшая из его рук, белый свиток с надписью «Радуйся обрадованная» падает рядом с Марией.

Вот другая сцена на иконе «Рождество Христово» из Калязина, также написанной в XVII столетии. На престоле в царских одеждах со скипетром царь Ирод. Перед ним почтительно стоят книжники. Надпись разъясняет сцену: «Собра Ирод книжники и вопроша от них» о родившемся Христе. Один из книжников держит раскрытую книгу, на страницах которой написан их ответ Ироду: «Родися Иисус в Вифлиеме Иудейском, тако бо есть писано Михеем пророком».

Иногда обращение одного изображенного лица к другому выходит за рамки иконы и может быть понято только в ансамбле нескольких произведений. Например, в древних храмах обязательной частью иконостаса был так называемый деисусный чин, состоявший из многих икон. Смысл этого чина — молитва предстоящих богородице, Иоанна Предтечи, архангелов, апостолов и других святых за людей, за человеческий род перед Христом, изображенным в средней иконе. В деисусном чине, происходящем из Спасо-Евфимьева монастыря, богородица, изображенная в молитвенном склонении, держит в руках свиток с текстом своего обращения к сыну, чье изображение находится на другой, соседней иконе: «Владыко многомилостиве, господи Иисусе Христе, сыне и боже мой, услыши молитву матери своей...».

И, наконец, третий тип слова на иконе — это обращение изображенного лица непосредственно к зрителю, цитата, начертанная также на страницах раскрытой книги или на развернутом свитке. На раскрытой книге в иконах «Спасения» может быть надпись из Евангелия: «Приидите

ко мне все труждающиеся и обремененные». Но бывает и другая надпись: «Не на лица судите синове человеческие, но праведен суд судите». Естественно, что различие надписей связано с разными трактовками самого образа Христа. Здесь слово — первооснова психологического замысла художника. Высказывание, обращенное к людям и помещаемое на свитке, также нередко на иконах святых. На иконах Сергия Радонежского святой держит свиток со словами: «Не скорбите убо, братие, но посему чистоту имейте душевную и телесную»...

Итак, слово — одно из существенных выразительных средств древнерусской живописи. С его помощью художник зримее, точнее и конкретней мог выразить те чувства, мысли, идеалы, которыми жил он сам и его современники. Древняя живопись пронизана словом. Слово поясняло зрителю смысл изображенного, со словом обращались персонажи икон и друг к другу, и человеку, смотрящему на произведение.

«Изображенное слово» еще мало изучено, но оно представляет огромный интерес для искусствоведа, историка литературы, лингвиста. На иконе встречается и цитата из произведения литературы, и целое стихотворение, живой оборот речи, подчас местное, диалектное слово. Но не менее интересно и нужно понимать «изображенное слово» просто любителям родной старины, ибо без умения внимательно читать его невозможно воспринять во всей полноте замечательное искусство древних русских мастеров. «Слово в изображении как бы останавливает время» (Д. С. Лихачев. Поэтика... стр. 30). Мгновенья жизни человеческого духа, отделенные от нас столетиями, оно способно сделать понятными и близкими. Оно помогает нам ощутить единство русской истории, единство народа и его культуры во времени.

В. Н. СЕРГЕЕВ

Из Почты «Русской речи»

КАМАСЫ И ГАМАШИ

Представитель Научно-исследовательского и конструкторско-технологического института местной промышленности (г. Горький) И. Чупров спрашивает, какое написание для названия шкуры с оленьих ног следует признать правильным: камас, камыс или камус. «Эта терминология нам крайне необходима, — пишет автор письма, — так как институтом разработана и должна быть подготовлена к изданию технология выделки оленьего камаса».

Указанное И. Чупровым слово известно русскому языку по памятникам более трех столетий (с 1640 года в «Якутских актах») в различных формах: камесь (только в памятниках письменности), камас, камыс, камыс, камус; причем слово употребляется как название полосы шкуры с оленьей ноги, употребляемой на подбой лыж, и на обувь, и на рукавицы, этим же словом назывались и рукавицы, и обувь, сплетенные из такой кожи.

Еще в 1852 году академик А. М. Шёгрэн установил, что это слово в русском языке — одно из саамских (лопарских). Раньше саамы (лопари) жили южнее, возле Онежского озера, и уже с XIV века в русский язык проникают первые саамские слова. В разных саамских диалектах первоисточник русского слова звучит по-разному: gamas, kamas, kamas, kamas, kam's, kamas 'шкура с ног оленя'. Неустойчивость гласного второго слога в русской передаче объясняется тем, что в саамском языке безударный гласный второго слога (вообще-то

(Окончание на стр. 114)

Врач В. Н. Тюшов в книге «По западному берегу Камчатки» (СПб., 1906) писал: русские, которым довелось побывать в Петропавловске и его окрестностях, уезжали оттуда с уверенностью, что они слышали камчадалский язык и даже могут на нем объясняться. Заблуждаясь сами, они вводили в заблуждение других. На самом деле, заключал В. Н. Тюшов, все камчадалы и русские, за исключением жителей восьми селений на северо-западе полуострова, говорят на испорченном русском языке — на особом говоре. Главная особенность этого говора — замена шипящих свистящими и наоборот, частое употребление слова *однако* в смысле ‘я думаю’ и слова *пора* в значении ‘настало время’. Например, камчатский русский говорит: «Ну, пора, однако, шказать вам про это: Цево наш ошудзат-то жа наси ражговоры: ражговариваем тозе, как умеем. Усь эти гошпода приеззии вшегда ошудят только, что ми камчадали да камчадали, а нет, цтобы цему-нибудь доброму на-уцить, тозе „гошпода“ называютча, а какая польжа от них... Да цего, впроцем, говорить: ни штоит, однако». Обрусевшие камчадалы, по мнению В. Н. Тюшова, говорят точно таким же говором, что и «окамчадалившиеся» русские, но речь их отличается еще тем, что в ней часто встречаются ошибки против согласования по родам.

Почему, когда и как сложились русские говоры Камчатки, сильно отличающиеся не только от говоров европейского Севера РСФСР, но и ближайших родственных говоров Сибири?

Русские служилые люди пришли на Камчатку из Анадырского острога в самом конце XVII века. В поисках соболя и ясачных плательщиков (ясак — подать, которую платили в Московской Руси и царской России народы Сибири и Поволжья) торговые и промышленные люди исходили Камчатский полуостров вдоль и поперек. Камчадалы (как тогда называли ительменов) впервые услы-

шали русскую речь в конце XVII века от сибирских казаков севера Якутии, направлявшихся на «проведывание новых земель», но в основу «камчатского наречия» русского языка лег говор пашенных крестьян, которые позднее, во времена Второй Камчатской экспедиции Беринга (1733—1743), были посланы «в Камчатку» из Ангаро-Илимо-Ленского края.

Крестьяне не могли сделать невозможное — превратить холодную Камчатку в «государеву пашню»: хлеб не успевал вызревать из-за слишком короткого вегетационного периода, погибал на корню от «утренников» (владельцы полей в августе вынуждены были караулить их и, когда воздух охлаждался и грозило инеем, проводили веревкой для стряхивания росы). Но крестьяне не покинули Камчатку, сказочно богатую рыбой, зверем, пушниной. Они сблизились с ительменами, усвоили их многовековой опыт, приспособились к новым условиям, «окамчадались». Потомки этих крестьян оставались основным постоянным русским населением полуострова.

Нечастое сообщение с Камчаткой осуществлялось исключительно по морю. В таких условиях на северо-восточной окраине Российской империи начал жизнь сибирский говор русского языка, испытавший затем сильное влияние ительменского (камчадалского), одного из палеоазиатских языков. В сравнительно короткое время этот говор сконструировался в особое русское «камчатское наречие», которое в конце XIX — начале XX века, как отмечал В. Н. Тюшов, по недоразумению называли камчадалским языком.

Формирование нового языкового состояния — русского камчатского наречия — связано с переходом ительменов на русский язык. Этот переход был ускорен трагическими событиями в истории Камчатки последней трети XVIII века. В 1768 — 1769 годах от большой оспенной эпидемии погибло три четверти ительменов. Согласно отчету архимандрита Пахомия, христианское население Камчатки в 1762 году состояло из 8922 душ обоого пола, из которых русских 1618. Оспа «похитила» 5767 камчадалов и 315 «заезжих людей». Оставшиеся в живых ительмены, напуганные массовой гибелью людей, разбрелись по полуострову, в результате было упущено время для заготовки юколы (основной пищи людей и собак), к тому же оказался недоход рыбы в реках. Начался страшный голод. Некоторые острожки совершенно опустели. Восточное побережье полуострова превратилось в безлюдную пустыню. Уцелевших ительменов перевели в долину реки Камчатки. Нарушился веками сложившийся уклад жизни.

Изменения произошли и в психологии ительменов: массовая гибель людей тупой болью легла в сознании и сердцах оставшихся в живых. Эпидемия и голод были таким ударом по ительменскому народу, от которого он так и не мог оправиться. После этого начинается быстрое сближение ительменов с русскими. К тому времени изменились и русские крестьяне: отдав немало сил неравной борьбе с природой и не добившись желаемого результата, они стали «жить праздно» — кормиться охотой и рыбной ловлей и таким

образом со своей стороны сделали шаг по пути сближения с ительменами.

Ительмены становятся двуязычными, причем русским языком они овладевают без помощи школы. Очаги просвещения, ярко вспыхнувшие в 40-е годы XVIII века, в последней трети того же века погасли. А между тем до перехода основной массы ительменов на русский язык, в середине XVIII века, камчатских отроков учили грамоте воспитанники Московской Славяно-греко-латинской академии, — той самой, в которой учился М. В. Ломоносов. Освоение Сибири и Дальнего Востока — подвиг русского народа, значение которого особенно ярко вырисовывается в сравнении, например, с завоеваниями испанских колонизаторов, которые в Южной Америке разрушили государство инков и уничтожили их высокую культуру. В Центральном государственном архиве Дальнего Востока имеются убедительные свидетельства успехов школьного дела у ительменов — собственное письмо детей ясачных плательщиков.

После длительного перерыва, в конце XIX века, когда ительмены уже перешли на русский язык, школы открываются вновь. Учителями в них становятся главным образом самоучки из местных жителей-камчадалов, говорящих на русском «камчатском наречии». Один из таких учителей в донесении жаловался, что сам он «грамоти не учен и в настоящей школе не учился» и что учить детей читать и «цишать» ему приходится с помощью своего первого ученика.

Необходимо заметить, что те русские, от которых ительмены перенимали русский язык, все время оставались в явном меньшинстве, и к тому же они были носителями сибирского говора, а не литературного языка. Малолюдные, далеко отстоящие друг от друга ительменские острожки в долине реки Камчатки и на западном побережье полуострова были слабо связаны как между собой, так и с русскими селениями.

Горькой иронией звучало собственное признание обрусевших ительменов, приведенное в упомянутой книге В. Н. Тюшова: «Камчадали, ижевшно, узь не то, што рушкие люди, — вшѣ одно, што жвери, и говорят-то так, што цишто ничего не поймѣс». Эта русская речь двуязычных ительменов несла в себе многие черты ительменского языка. Она-то и определила характерные особенности «камчатского наречия» русского языка. Со временем ительмены забудут родной язык, а их русская речь не только сохранится, но разольется по всему полуострову.

Мысль о необходимости изучения русской речи аборигенов Сибири впервые была высказана выдающимся советским лингвистом А. М. Селищевым. Он автор первого выпуска «Диалектологического очерка Сибири» (Иркутск, 1924), положенного в основу дальнейшего изучения сибирских говоров. «Для второго выпуска моего „Диалектологического очерка Сибири“, — писал А. М. Селищев в 1921 году, — мне необходимо располагать результатами непосредственных наблюдений над языковым состоянием на севере Сибири.

Письмо
Ивана
Арефьева,
сына
ясачного
плательщика
(26 декабря
1769)

Дно Письмо 26 декабря 26 дня 1769 года

16
Высокопреподобнейшему Г. К. Императорскому
Архмандриту пахому Исайе Шолова
угодника Ивана Арефьева

Доншение

Почему обучаясь в кирасинской школе
и сиюность мою по всем 1760 году по нове
ю научу по возможности мой конюхи ги
ти и б. т. в. кираса порусски умно а. т. р. р. д. d. o.
я верхнего и. т. t.
то платящая и. т. т. т. т. т. т. т. т. t. t. t. t. t. t. t.
авляясь замедлительно еще не прекратив
анимь извещаясь кирасини что ваше
высокопреподобия послыша Император
снано в. т. т. t.
стующего синода узнава определяе
тис ищера и об. т. t. t.

Мое внимание привлекает в особенности Обдорский край на низовье Оби и Туруханский на нижнем Енисее. Русский язык тамошних русских и русской „смешницы“, а также русское говоренье вогул, остяков, самоедов и тунгусов хотелось мне изучить там. Однако в то трудное для страны время планам А. М. Селищева не суждено было осуществиться.

Для языковеда не менее (если не более) привлекательна Камчатка, представляющая своеобразную лингвистическую лабораторию: там бытуют говоры двух этнических групп — «окамчадалившихся» сибирских крестьян и обрусевших ительменов, большая часть которых совершенно забыла родной язык, а меньшая переживает стадию двуязычия. В северо-западной части полуострова, в Тигильском районе Корякского национального округа, еще звучит ительменская речь — седанкинский (северный) и хайрюзовский (южный) диалекты.

Кафедрой русского языка Южно-Сахалинского педагогического института в 1962 и 1963 годах были проведены диалектологические экспедиции на Камчатку и записаны образцы говорков «камчатского наречия» долин рек Камчатки, Авачи, Быстрой и юго-

западного побережья полуострова. А вскоре была записана и русская речь двуязычных ительменов села Кавран. Оказалось, что она имеет те же характерные особенности, что и «камчатское наречие». После обращения к русской и ительменской речи в устах одних и тех же лиц всякие сомнения рассеялись, стало совершенно ясно: двуязычные ительмены переносят в свою русскую речь черты родного языка. На место непривычных русских звуков они подставляют свои, привычные, ительменские. А. М. Селищев, изучая русский язык у неславянских народов Поволжья, отмечал, что носители традиционного языка, переходя на другой язык, обычно не овладевают последним в полной мере, если этому не способствуют искусственные меры, исходящие из школ, от учителей и т. д. «Характерные настройки привычной традиционной речи, ее „артикуляционная база“, ритм и темп этой речи... переносятся в говорение на другом языке».

В русской речи двуязычные ительмены на месте русских *с* и *ш* подставляли глухой звук *s^ш*, средний между *с* и *ш*: *pos^шол* — ‘пошел’ в *лес^ш* — ‘в лес’. Русским крестьянам казалось, что их соседи-ительмены, разговаривая по-русски, смешивают *с* и *ш*: *посол* — ‘пошел’ в *леш* — ‘в лес’. Пройдет немного времени, и сами русские, испытав сильное влияние речи ительменов, станут произносить «с на месте ш и наоборот».

Такого рода изменения находят теоретическое обоснование в трудах замечательного советского лингвиста Е. Д. Поливанова. «Изменения происходят главным образом не в течение речевой практики одного и того же поколения..., а при переходе языка от поколения к поколению. Иначе говоря, различия эти в большинстве случаев сводятся к уклонениям, допускаемым младшим поколением при копировании им языковой системы старшего поколения. ... Два звукопредставления, бывших принципиально различными в языке старшего поколения, отождествляются младшим поколением» («Ученые записки Института языка и литературы». Т. 3, М., 1929).

Именно так и получилось у «окамчадалившихся» крестьян. Старшее поколение различало *с* и *ш*: *пошел* в *лес*. Младшее поколение копировало не речь старшего поколения, а русскую речь обрусевших ительменов, в которой, как указывалось, на месте *с* и *ш* выступал ительменский звук *s^ш*. Вл. Канторовичу, автору путевых очерков «По советской Камчатке» (М., 1931), казалось, например, что в переложенной на камчадалский лад лермонтовской колыбельной звучат только свистящие *с* и *з*:

Я лызаньки ходовые
Нерпой подосью
И капканы для охоты
В нарту улозу.
Спи, мой будущий наследник,
Баюски-баю.

На Камчатке возникло и цоканье (неразличение *ч* и *ц*). На месте *ч* и *ц* в русской речи ительменов выступал один звук, средний между *ч* и *ц*. Этот звук в ительменском языке постоянно слышала, например, учительница Е. П. Орлова: $\frac{п}{ч}$ ок — так она передавала русскими буквами ительменское числительное «три». Младшее поколение «окамчадалившихся» русских вместо двух различных звуков речи *ч* и *ц* стало «обходиться» одним, сблизив его с *ц* (мягким). Цоканье широко представлено в русских говорах Камчатки. Шародец пояснит, характерно цокая: «А Кирганик-от, паря, за тем лесоцком. Пройдешь три кривуночка, да два песоцка, тут он и объявится. Близко, паря, цасов десять ходу — и того не будет» (Л. Иванов, А. Сомах. На меридиане нового дня. М., 1965).

Мягкий звук *р* в «камчатском наречии» утвердился. И это объясняется влиянием ительменского языка. В нем нет вообще мягкого *р*. Переходя на русский язык, ительмены в своей русской речи заменяли *р* мягкий соответствующим твердым. Это хорошо видно в их русских заимствованиях: провэрат лэлакэ ныл'к — «проверять в тальник пошли», прамо нванкэ кил'к'зукнэн — «прямо туда подходил» и т. д.; в русской речи двуязычных ительменов: штал руками прамо доштаат мяшо; в тетрадах их детей: Я гратку полью, подошли к лагеру, Сероза; в говоре одноязычных камчадалов: ну радом поцти шту пуд нугами тут упадет мыдвэт, голец упливайит в мору, стаскиваис вирохками на воду; в говоре «окамчадалившихся» русских крестьян: говорат по-рушки, говорэли матер'я, штала има говорэт, по-насе му бруки и т. д.

Отверждение мягких согласных охватило губные согласные *п*, *б*, *в*, *м*, а также зубные *т*, *д* и переднеязычный *н*. Ительменский язык не знает мягких губных. В русских заимствованиях ительменского языка эти мягкие согласные заменяются твердыми: тмал ныл'к тосханкэ мэдвэданкэ — «ближе подошли на песке к медведю»; Нету мэдвэт. Манкэ кил'кнэн. Вэждэ мэштагн и'гн нету — «Нет медведя. Куда-то ушел. Нигде места (пребывания) его нет». Так и в русской речи того же лица: папа, мэдвэт оддыхаит, и в «камчатском наречии»: пэстри — «пестрый», бэлу гумагу; как тыба жват?; в кровэ вэш; маса варыла — «мясо варила»; одэлищ, ужэ ко мнэ пришли и т. д.

В речи молодого поколения ительменов отмечается также так называемое раздвоение артикуляции губных — после твердых губных согласных появляется звук *й*: зив'ют — «живет», п'ят — «пять», тришта в'юршт — «триста верст» плим'яник — «племянник», в тетрадах учеников-ительменов: в изб'ёнку, уп'ёрся, ков'ёр и т. д. Это тоже следствие отверждения согласных. Переход от твердого произношения губных к мягкому идет через ступень «губной + й», например: слово *перо* будет звучать сначала как *пэро*, а потом — *пйэро*. Такая судьба губных в великорусских говорах Пермской губернии, как писал А. М. Селищев в «Диалектном очерке Сибири», была обусловлена тамошней финской средой и встречается в русском говоренье финнов-пермяков: время, тебя, мясо.

Контакты русского и ительменского языков не завершились полным исчезновением ительменского языка: его своеобразные следы — в конструктивных особенностях русских говоров Камчатки.

В русских говорах Камчатки обнаружены следы не только ительменского языка. В речи «окамчадалившихся» русских села Елизово (пригород Петропавловска) начальный *в* заменяется звуком *б*: бот — ‘вот’, бидите — ‘видите’, боду скипитис — ‘воду скипятишь’, бизде тайга — ‘езде тайга’, из Баршавы — ‘из Варшавы’ и т. д. Это не влияние ительменского языка. Ему вообще не свойствен звук *б*. Русский губно-зубной *в* замещается звуком *б* в якутском, юкагирском, бурятском языках, в которых нет *в*. Суобас — ‘совесть’, былаас — ‘власть’ — так звучат в якутском языке слова, заимствованные из русского языка. Замена *в* звуком *б* довольно редко встречается в русских говорах Сибири. На Камчатке эта затухающая особенность свидетельствует о языковых контактах предков елизовских старожилов до прихода их в долину реки Авачи.

Изучение говоров Камчатки и других окраин Сибири — дело в высшей степени интересное и многообещающее. Говоры европейского Севера, Урала и Сибири испытали на себе сильное влияние неславянских языков и, конечно, сами оказали не меньшее влияние на эти языки. «В Сибири, — писал А. М. Селищев в 1921 году, — исследователь имеет возможность наблюдать различные стороны процесса языковой ассимиляции и выработки нового языкового состояния. Для науки о судьбах языка вообще и русского языка в частности изучение этих процессов имеет огромное значение».

К. М. БРАСЛАВЕЦ
Южно-Сахалинск

Хрестоматия

Язык состоит из множества отдельных слов. Когда мы произносим какое-нибудь слово, то соединяем с ним в уме нашем понятие о каком-нибудь предмете; так, например, произносим слово *огонь*, мы представляем себе эту стихию со всеми признаками, т. е. светом, жгучестью и горением, хотя бы в то время, как мы говорим, мы и не видели бы огня; когда мы говорим слово *лошадь*, то представляем себе умственно это животное со всеми его признаками, т. е. отличительную фигуру, гордую поступью, быстротою бега, хотя бы и не видели перед собою лошади, когда о ней говорим. Из этого видно, что слова суть не что иное, как условные знаки понятий, выражаемых посредством различных сочетаний звуков голоса, потому что *огонь* мог бы называться лошадейю, а *лошадь* огнем...

В. Г. Белинский. *Основания русской грамматики для первоначального обучения*. 1837

УТРО

Для сельских жителей утро нередко начинается задолго до рассвета. О наступлении нового дня возвещает пенье петухов. В просторечии эта пора так и называется *петухи*. Есть обычай «с курами ложиться, с петухами вставать». Вставать *до петухов* — это очень рано, когда еще ночь на дворе. Выражение *до петухов* широко употребительно как в говорах, так и в литературном языке. Вспомним пушкинского «Гусара»:

Зачем бы ей, стал думать я,
Вставать до петухов? кто просит?
Шалит Марусинька моя;
Куда ее лукавый носит?

Петухи различаются *первыми, вторыми и третьими*: «Она дождалась первых петухов и поднялась» (Тендряков. Кончина); «Уж двое петухи пропели» — говорили о времени с трех до четырех часов утра в зимнюю пору в Казанской губернии; «Гуляла младая до троих петухов» — поется в одной из великорусских народных песен, записанных А. И. Соболевским. В «Смоленском областном словаре», составленном В. Н. Добровольским, подробно разъясняется это выражение: «*Петухи* — периоды времени, когда петухи поют. Из летописей эта примета времени известна также под названием *куроглашение* или *курокай*».

Но прежде чем *свет берется* (прежде чем заря осветит край горизонта), еще *ни свет ни тьма*: «Ни свет ни тьма испекешь и на работу» (Словарь русских старожильческих говоров Средней части бассейна реки Оби. Томск, 1967). Выражение *ни свет ни тьма* синонимично

литературному *ни свет ни заря*, *областному досветки*, а также описательному определению, записанному в Смоленской и Калужской губерниях, *черти на кулачках не бьются*: «Черти на кулачках не бьются» (смоленское); «Встал — еще деды (черти, домовые) на кулачки не дрались» (очень рано) (калужское). Этот оборот довольно распространен, он встречается, например, в книге А. А. Черкасова «Заниски охотника-натуралиста»: «Еще „черти в кулачки не бьются“, как, смотришь, глухарь уже на току... В самом деле, утром глухарь прилетают на тока еще до свету, только-только лишь черкнет заря, или, как здесь говорят, начнет „отбеливать на солновходе“». Но вот начинается рассвет: *брезг* — «Я встал ныне на брезгу» (Даль) или *сусвет* (северо-двинское), «„развидняет“, как говорят об этой поре суток в народе» (Паустовский. Золотая роза).

Существует довольно много синонимичных слов и словосочетаний, означающих предрассветную пору, употребляющихся в разных пластах литературного языка и в диалектах: *затемно*, *перед светом*, *до света*, *чуть свет*, *чем свет*, *на свету*, *гораздо до рассвета* (новгородское), *на зарях* — «По двору на зарях вставал убирать» (уральское), *освету*, *осветку*, *натёмко*, *натёмки* — «Встать натёмочку» — до восхода солнца (Даль), *до светла* — «До светла все у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затонит, все заготовит, закупит...» (Пушкин. Сказка о попе и о работнике его Балде), *до белá* — «Сидят до белá бызало; уж рассветет, а

они играют» (запись В. И. Чернышева. 1910), до видна — «До видна спим» (из записи, сделанной в Новгородской области. 1956), на самом свету, порану, поранок, спозаранку, спозаранок, спозарань, раньё, ранина, рань — «Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне» (Есенин), белая заря (например, в таком употреблении, как в «Сказке о мертвой царевне» Пушкина: «Смотрит в поле, инда очи Разболелись гляючи С белой зори до ночи»); светлый лад — «как бы рано-рано по заре, Да по светлomu ладу, Подымал соловой кукушечку, А по ней пташечки щебечуть» (записано В. Н. Добровольским в Смоленской губернии. 1914).

Для обозначения утренней поры в поэзии прошлого века использовались забываемые ныне (если совсем не забыты) слова *денница*, *утренница*: «Внидоша по утреннице в церковь», *багрянница*, *заряница*. Например:

Но вот ночей царица
Скатилась за леса,
И тихая денница
Румянит небеса...

Пушкин. Фавн и пастушка

В летописях такие выражения, как *утренняя заря* или *ранние зори*, служили для весьма точного указания времени, как это показал в своей обстоятельной статье «О славяно-русском дохристианском счислении времени» Д. Прозоровский («Труды VIII археологического съезда в Москве. 1890». Т. 2. М., 1895): «За два часа до света, в утренней заре явилась звезда» или «1892 г. сентября 1 было затмение луны перед ранними зорями».

Следует особо отметить широко употребительное на Псковщине выражение *дасанца* «до восхода солнца»: «Пошли за ягодами дасанца, вернулись — солнце за лес» и, наконец, *дб встани*, *дбвстань*, образованных от известного на Севере России существительного женского рода *встань*: время вставанья и работы. В пословицах, собранных Далеком, есть и такие: «Встань мужа кормит, а лень портит»; «Рыбку да утку встанью взять, а малых деток бог дает».

По мере того, как начинает *ранеть* «светать», или *днётся*, *уднётся*, что то же самое, *на освёте* — на позднем рассвете, при первом солнечном луче, а чаще гораздо ранее, когда разливается *алая* (румяная, багряная или маковая) заря (ср. у Есенина: «Уведу тебя под склоны вилоть до маковой зари»), словом, еще до *солновсхода* начинается *затопля* — время, по определению А. А. Черкасова, когда в деревнях начинают топить печи. Затопля и солновсход не всегда совпадают во времени. Затопля совершается по усердию хозяек и зависит от состояния и нужд хозяйства: «Зарю проспаться — рубль не достать». Никогда не поощряется нерасторопность в хозяйственных делах: «Время днёет, а ты все еще не готов». Появляется оценочный суточный термин *свинье полудни* «довольно поздно утром»: «Хватился за работу в свиньи полудни и ничего не сделал» (Курская губерния); «Як вы позна скот гонитя: свинный лаудни сирауляитя» (Смоленская губерния). Добровольский указывает, что выражение *свиньи полудни* может относиться ко времени *после* полдня. Видимо, данное определение времени благодаря своей выразительности и эмоциональности вошло в состав фразеологизма *Справлять свиньи полудни* «запаздывать по своей халатности, лени делать что-либо в срок».

То, что в Забайкалье называется *затоплей*, в Нижегородской, Тамбовской, Ярославской, Владимирской и Казанской губерниях носило название *поддымки*. «Рано ли уехали ваши на базар? В поддымки»; «*Это было в поддымки*. И это поддымками сделаю» — записано в Нижегородской губернии.

Поддымки (имеются формы *поддымок*, *поддымка*, *поддымье*), по пояснениям некоторых собирателей народной речи, могут означать не только «время, когда еще печь топится», но и «такое состояние топки русской печи, когда дым еще не прошел», а также «место под трубой в русской печи; то же, что шесток». В некоторых записях трудно разграничить эти совмещенные значения: «В поддымку я вскипячу воду, а потом хлеб посажу» (Владимир-

ская губерния). То же смешение представлений наблюдаем в разных вариантах нижегородских загадок: «День корпит, ночь корпит, одна поддымки спит» (заслонка); «День корпит, ночь корпит, в поддымке спит». Поддымки напоминают нам о быте старой деревни, когда печи топилась по-черному, а в избах ютились люди и скот: «Вечером при входе в избу запах от присутствия скота бывает не очень велик; но утром до поддымки он совершенно нессосен» (Тамбовская губерния).

К названным выше обозначениям утренней поры прибавим обильный набор однозначных вариантов, собранных В. И. Далем: рано днем — 'утром', ранёнько — 'рано утром', поранье — 'вообще ранняя пора': раннее утро или ранний вечер; «Встали на пораньи, ранёшенько»; ранок — 'утро, раннее утро': «А встану я в ранке, горелочка в склянке». Серия подобных названий неисчерпаема, так как она приближается к индивидуальному словотворчеству, к тому же часто составляется по узкоместным приметам и употребительна в замкнутом коллективе. Вот некоторые примеры: «Рано ли встаешь? Уж не рано, солнышко высоко, в дерево» (Даль); «Солнце в завтрак стоит — десять-одиннадцать часов утра» (псковское); «Солнце в дуб вышки — сравнительно уже высоко» (Донской словарь А. В. Миртова. 1929); «Солнце выше ели, солнце на ели» — солнце высоко взошло, «Солнце выше ели, а мы еще не ели»; «девятые утра» — девять часов утра (Новгородская губерния); «Ночь бродил я вокруг дома без пиджака, и нисколько не было холодно... На первом солнце мы пошли в лес» (Ливеровский. Рассказы о природе).

С временной терминологией, отражающей человеческую деятельность, часто ассоциируются представления и о самих действиях: *пáобед* (пáобедье, пáбед, пáбедье) в «Словаре областного олонцецкого наречия» Г. Куликовского определяется как 'завтрак между едою перед отправлением на работу и обедом', но из иллюстрации «Солнце с паобидья своротило» видно, что *пáобед* означает не только процедуру

завтрака, но и время. Совмещаются значения и в сельскохозяйственной терминологии, созданной «по призраку... определенного отрезка времени», как показано в монографии Ф. П. Филина «Исследование о лексике русских говоров» (М.— Л., 1936) на примерах терминов *выть*, *пóбдни* и т. д. Из подобных многозначных слов для обозначения утренней поры в говорах используются такие широко распространенные слова, как *у́повод* (*у́поводь*) 'время с шести до двенадцати' (одно из 'частных' значений более общего — 'часть рабочего дня'), *зап́ряжка* 'время с утра до обеда'. «Один уповод — это одна запрыжка» (Словарь русских говоров южных районов Красноярского края).

Некоторые названия утренней поры, распространенные на широкой территории, в разных местах имеют разный объем содержания. Суморок — 'заря, полусвет; на востоке до восхода солнца, а на западе до заката': «Время от первого рассвета до восхода солнца» (Даль); межесвёт, межесвётко — 'сумерки, сүтиски, вечерний либо утренний полусвет' (Даль); голомя — по записям во Владимирской и Тамбовской губерниях, — 'рано, обыкновенно очень рано', в Нижегородской губернии — 'не рано', как и в материалах В. Бурнашева: «На дворе уже голомя, — говорит народ во внутренних губерниях, что значит: день уже давно начался» (Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного). По другим местам наречие *голомя* означает 'давно, но в тот же день'; 'несколько часов тому назад' и т. д. Известный по летописям термин *у́день* забыт в литературном языке, но остался в говорах, расколовших строгую определенность значения на местные варианты. Среди этих вариантов есть 'время перед рассветом или зарею': «Ни день, ни ночь, ни у́день» («Этнографические очерки Южной Сибири» С. Гуляева). Но большая часть материала относит это слово к обеденной или послеобеденной поре.

Н. В. ПОПОВА
Ленинград

РУССКИЕ ШАПКИ И ШЛЕМЫ

При рассмотрении приведенных ниже названий следует иметь в виду, что далеко не все они обозначают древнерусские головные уборы, бывавшие на нашей территории в XI—XIV веках. Речь идет о названиях в памятниках древнерусской письменности XI—XIV веков (среди этих памятников есть целый ряд произведений, переведенных с греческого языка и отражающих реальные приметы византийской культурной жизни).

Наиболее характерное для языка оригинальных древнерусских памятников название мужского головного убора — *шапка*. Оно часто встречается в духовных грамотах (завещаниях) московских князей XIV века: «а ис портъ из моихъ сыну моему семени коужь черлений женчужьный шапка золотая» (Грамота Ивана Калиты, около 1339 года). Новгородские берестяные грамоты более раннего периода показывают, что слово это обозначало не только княжескую шапку: «а гришки коужохе свита со роцица. шяпка» (Берестяная грамота № 141 из слоя XIII века: здесь говорится о новгородце Гришке, который заложил у ростовщика свою одежду).

Названием княжеской шапки было также слово *клобукъ*. Видимо, это была мягкая шапка в виде колпака с меховым околышем: «и съня Бьриъ клобукъ съ князя» (Сказание о Борисе и Глебе, XII век). Она представляла собой обязательный атрибут при изображении русского князя на иконах, фресках и миниатюрах. Ее носили князья вместо короны и не снимали даже в церкви. Как повествует Ипатьевская летопись, в 1152 году галицкий князь Ярослав после смерти своего отца принимал воеводу Петра, сидя «на отпи мѣстѣ в черни мятли и въ клобуцѣ».

Но чаще *клобукъ* обозначает головной убор монахов: «копытьца плетуце и клобуку и ина ручьяная дѣла строяще» (Житие Феодосия Печерского, XII век). В этом значении слово встречается чаще в переводных памятниках, описывающих жизнь греческих монахов: «достоитъ бо имъ въ лняныхъ мѣсто тѣканий тѣлстыми клобуку покрыватися» (Устав студийский, XII—XIII века). *Клобукъ* — по происхождению тюркское слово, а в переводных памятниках оно обычно передает греческое *kukullion* 'колпак, головной убор вообще': «и тако просящю ризы не раздраны и мягкы и тонкы на время жатвеное. клобука не ветѣха» (Огласительное поучение Феодора Студита, XIV век). Лишь в одном примере словом *клобукъ* переведено греческое *telamón* 'повязка': «на главе же пошаше клобукъ златыми нитьми, яже митру и кидарь глаголетъ» (Хроника Георгия Амартола, XIII—XIV века).

Иногда в памятниках XIV века встречается существительное *клубучьць*, уменьшительное от *клубукъ*, обозначающее монашеский головной убор: «клубучьць на главѣ» (Чудовской сборник, XIV век).

Греческое слово *kukúllion* было усвоено русским языком и в непереуведенном виде: куколь. Оно обозначало принадлежность монашеского облачения в виде капюшона, который покрывал голову и спускался на плечи, и употреблялось только в переводных памятниках: «не сваршас [поссорились] о ризѣ ни о сапозех ни о куколи ни о мантии» (Огласительное поучение Феодора Студита).

Головной убор восточного происхождения в виде чалмы, тюрбана из тонкого полотна — *кидарь* (из греческого *kidaris*). Это слово также встретилось только в памятниках переводного характера: «и на главѣ кидарь имуща и златъ на немъ платъ» (Хроника Георгия Амартола). Единственный раз в том же памятнике встретилось слово *митра* (пример приведен выше). Греческое слово *mitra* обозначало первоначально головную повязку, а затем шапку (например, епископская митра).

Еще одним названием восточного головного убора, похожего на тюрбан, было слово *ушьвъ*, употреблявшееся в переводных памятниках: «и видѣша челоуѣка посреде двора стояща. въ свитахъ срациньскаахъ. и въ ушьвъ» (Чудеса Николая Чудотворца, XII век). Тот же контекст повторяется в более позднем памятнике, где вместо *ушьвъ* находим слово *факулнѣ*: «видѣша челоуѣка посреде двора стояща. въ факулнѣ. и въ свитахъ срациньскихъ» (Троицкий сборник, конец XIV века). Можно предположить, что существительным *факулнѣ* передается греческое слово *fakeólion* — уменьшительное от *fékelos* 'тюрбан'.

Единственным словом в памятниках XI—XIV веков, обозначавшим исключительно женский головной убор, было слово *повои*. Оно употреблялось в основном в оригинальных текстах: «оже съгренеть [сбросит] чужее женѣ повои с головы... 3 гривень старые за соромъ» (Договорная грамота Новгорода с готским бергом, 1189—1199 годы).

В значении 'женская головная повязка' в переводных памятниках отмечено слово *увясло*, образованное от глагола *увязати* (первичное значение его — 'повязка, перевязь'): «сам же в тоя женьскую одѣжу одѣвся и главнымъ увязеся увясломъ» (Пролог, 1383 год). Иногда это слово употребляется как синоним к слову *вѣнць* (венец): «и прельсти мя доброта ея, и дахъ ей жезлъ мон. и поясъ и увясло цѣсарьское» (Палея, 1406 год). В том же значении встретилось однажды существительное *вясло* (от *взязати*): «и вясло чьстительства на мя възложи» (там же).

Существительное *убрусъ*, в более поздних памятниках обозначающее женский головной убор (см.: И. Е. Забелин. Домашний быт русских цариц. Т. 2. М., 1869), в ранних древнерусских памятниках было названием мужского головного убора: «и рече

Ярославъ дружинѣ. знаменайтеся. повивайте собе убрusy голову» (Новгородская I летопись, XIII—XIV века, под 1016 годом). Но чаще данное слово употребляется в первичном значении 'полотенце'.

Воинским головным убором был шлем — конусообразная металлическая шапка. В оригинальных памятниках XIV—XV веков (летопись) употребляется древнерусская полногласная форма *шеломъ*, реже *шоломъ*: «конь же начать соватися под нимъ и шеломъ с него слетѣ» (Лаврентьевская летопись, 1377 год, под 1151 годом); «Игорь... сонья шоломъ погнаше опять к полкомъ» (Ипатьевская летопись, под 1185 годом). Неполногласная форма *шлѣмъ*, старославянская по происхождению, встречается в переводных памятниках: «и да манотью за шьлема мѣста на главу възложить» (Хроника Георгия Амартола); «и шлѣмъ мѣдянь на главѣ его» (там же).

Это слово употреблялось и в образном выражении *шлѣмъ спасения*: «сънъмъ съ него святую мантию и въврже ю въ дбрь. тако же и шлѣмъ спасения иже бѣ на главѣ его сънъмъ. завърже и [сняв бросил его]» (Житие Феодосия Печерского). Все предметы монашеского одеяния имели символическое значение, а головной убор монахов (куколь) символизировал воинствующую веру, называясь шлемом спасения.

Названия головных уборов в памятниках древнерусской письменности представляют собой очень неоднородную группу слов. Славянского происхождения слова *повои*, *убрусъ*, *увясло*. Остальные термины — это более или менее древние заимствования; некоторые из них унаследованы еще из общеславянского языка. Так, общеславянское *шапка* в словарях отмечено как латинское заимствование, общеславянское *клубукъ* считается словом тюркского происхождения, а *шлѣмъ* — старым германизмом. Среди названий головных уборов, не бытовавших у светских лиц на Руси, преобладают грецизмы — *митра*, *кидарь*, *факулунъ*, *куколь*.

Г. Н. ЛУКИНА

*В следующем номере читайте
подборку статей
о языке исторического романа*

НАЗВАНИЯ НАЛОГОВ И ПОШЛИН В МОСКОВСКОЙ РУСИ

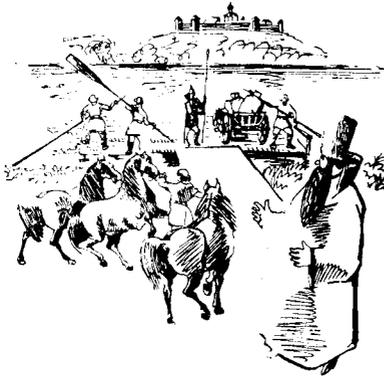
Русская терминологическая система начала создаваться уже на заре существования русского письменного языка. Отдельные слова и выражения, которые стали первыми компонентами будущих терминологических систем русского языка (суд, дань, пошлина, мыт, купец, куны, товар и др.), встречаются уже в языке «Русской Правды», важного юридического документа Древней Руси. Необходимость в новых специальных наименованиях для производственной, юридической, торговой, общественно-политической, социально-экономической и других сфер деятельности возникла в XIV—XVI веках в связи с бурным развитием феодальных экономических отношений. К этому времени и относится формирование целых систем терминов. Письменные памятники русского языка, особенно московская деловая письменность (акты, грамоты, договоры, описи и т. д.), представляют собой ценный источник для изучения истории терминологии — юридической, торговой, ремесленной, налогово-пошлинной, административно-политической и др.

В период возникновения этих систем предпочтение отдается тем способам образования терминов, которые язык черпает из своих внутренних ресурсов. Большое значение приобретает семантический способ, основанный на изменении значения слова, перегруппировке смыслового содержания уже известных в языке слов, прежде не бывших терминами.

В отличие от современного языка в XIV—XVI веках тенденция к регулярности в терминологии мало себя проявляла, происходил лишь процесс отбора терминов, обособления терминологических систем в общем словаре. Этой задаче и соответствовал семантический способ словообразования.

Проследим образование системы налогово-пошлинных терминов в XIV—XVI веках.

Наши сведения о поборах, пошлинах, дани с подвластного населения и социально зависимой категории людей на Руси идут с X века. Однако период феодализма XIV—XVI веков, характеризующийся развитием товарно-денежных отношений, промысловой и ремесленной деятельности, особых форм землевладения, вызвал к жизни новые виды налогово-пошлинной системы. Многие старые виды дани получили новое экономическое содержание, появились новые формы государственного и частновладельческого побора с населения в виде оброков, сборов, штрафов, денежной и натуральной платы, различных феодальных повинностей, которые представляли сложную систему.

Для выражения новых понятий из области феодальных налогово-пошлинных отношений чаще всего использовались старые общеупотребительные исконно славянские слова, значения которых сужались.

Так, слово *подвода* известно в своем первичном исходном значении 'телега с лошадьми как средство транспорта'. Однако к XIV веку в деловых памятниках письменности широко распространилось другое значение этого слова — 'повинность населения поставлять лошадей для перевозки должностных лиц'. Здесь

путем сужения первоначального значения и сферы использования образовался новый термин налогово-пошлинной терминологической системы. Оба значения слова *подвода* сосуществуют в памятниках письменности. Широко представлены случаи употребления слова *подвода* и в исходном значении 'средство транспорта': 'взяша казну ся на своя подводы' (Псковская летопись. 1473), и в узком специализированном значении 'вид повинности': «не надобе ему никоторое дань, ни ям, ни подвода, ни тамга» (Грамота. 1374).

Образование термина в результате сужения значения прослеживается и в слове *десятина*: от первичного обобщенного значения 'десятая доля, десятая часть' к узкому специализированному 'десятая доля дохода в пользу церкви или в пользу татар'.

Слово *корм* в терминологическом значении 'род повинности, содержание' образовано на основе общего первоначального значения 'лица'. Процесс сужения от 'лица' к значению 'вид государственной повинности' произошел еще в середине XII века. Однако вторичное значение стало более употребительным к началу XIV века. В московских деловых памятниках встречается преимущественно терминологическое значение. При этом *корм* в новом значении вступает в регулярные лексические и синтаксические связи со словами, обозначающими другие виды пошлины, повинности, входя в состав оборотов с однородным перечислением названий этого круга: «не надобе им некоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга... ни корм» (Грамота. 1365).

Слово *езд* изменилось от первоначального общего значения 'путь, поездка' к терминологическому 'деньги на путевые расходы'; 'периодический объезд феодалами владений с целью сбора дани, а также и самый сбор с населения'. Причем в XIV—XVI веках оба значения существуют рядом. Ср., например: «а всего езда его семо и тамо пол четверта месяца» (Псковская I летопись. 1434); «а езд недельник емлет до которого города, а на правду им имати вдвое езд» (Судебник. 1497).

Смысловые отношения, присущие непронизводным словам, как правило, характеризуют и производные от них. Так, слово *кормление*, как и *корм*, выступает в двух значениях: нетерминологическом 'питание' и терминологическом 'собрание дани, податей, экономическое управление'. Так же развивается значение глагола *ездить*: от 'ездить вообще' до терминологического

ездить для сбора податей или управления? *Ездо́к* стало означать не только 'объездчик', но и 'должностное лицо, имеющее право требовать от населения подвод, постоя, корма'.

Не меньше был распространен способ образования терминов путем смыслового переноса (метонимии):

Исходное значение слова	Значение термина
<i>позем</i> пахотная земля	сбор с земли, поземельный налог
<i>вес</i> взвешивание, вес	сбор с веса
<i>пятно</i> наложение клейма	пошлина за наложение клейма
<i>перевоз</i> переправа через реку	сбор за переправу
<i>печатъ</i> печать, знак	пошлина за приложение печати
<i>крюк</i> весы	весовая пошлина

Например: «Яз князь... придал есмь святеи Богородице Совицкый остров... и с поземом и резанкою и шестьдесят» (Грамота. 1402); «а пятна наместникам нашим волостелем их и пошлинником давати с купца по денге», (Грамота. 1554); «а крюк князю великому по старине на третей год» (Договорная грамота Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем 1456).

Особый тип метонимического переноса при терминологическом образовании представляют случаи, когда наименование какого-либо хозяйственно-бытового предмета, используемого в определенных промыслах, переносится на название пошлины с этого вида промысла. Так, первичное значение слова *противень* — 'сковорода, употребляемая при выварке соли', а вторичное, терминологическое — 'натуральное обложение с соляных варниц': «не надобе с них ни противень, ни плошкы, ни тамги, ни домытницы, ни иные им некоторые пошлины не надобе» (Грамота. 1450).

Перевара еще в «Повести временных лет» встречается в значении 'чап для варки меда и пива, как мера': «варят перевар меду» (996 год). С конца XIV века в деловых письменных памятниках отмечается новое терминологическое значение 'пошлина за варку пива и меда, окладная единица': «приказщик мой к ним не въезжает, ни перевар, ни пошлин не емлет» (Новгородская грамота. XIV—XV века).

Иногда отглагольные существительные, выражающие какое-либо явление или процесс, проходят путь к конечному терминологическому значению 'вид пошлины' через промежуточное значение 'уплата за данное действие, процесс'.

Так, общеславянское слово *гибель* было известно с XI века со значением 'погибель, утрата, потеря': «Чего ради гибель сил» (Ост-

ромирово евангелие. 1056—1057). К началу XIV века возникает новое значение этого слова — ‘плата за преступление, убыток’: «гибельщик у него отыщет двор и поля, а не вымет поличного, шлю у него гибель пропала, а тому государю гибели не платит» (Грамота. 1410—1417). К концу XV века слово оформляется как термин в основном значении ‘судебная пошлина’: «на том взяти ищеву гибель без суда» (Судебник, 1497).

Первичное значение слова *перевоз*, известное в XI—XII веках, — ‘переправа’, затем ‘плата за переправу’ и, наконец, к середине XIV века возникает терминологическое значение ‘пошлина, побор’.

Перенос наименования приводит к увеличению группы многозначных слов, так как исходное значение в XIV—XV веках существует, как правило, наряду с терминологическим.

К XIV—XVI векам относится лишь начало формирования различных терминологических систем. Активный процесс отбора терминов вел к тому, что различные терминологические системы (юридическая, торговая, военная, денежная и др.) сходились в столкновение. Группы терминов перекрещивались, поскольку одни и те же слова могли употребляться в разных терминологических системах. Особенно продуктивным было использование юридической лексики в налогово-пошлинной терминологии. Так, в словах *погон*, *суд*, *пересуд*, *позов*, *поличное* значение ‘пошлина, побор’ было вторичным.

Юридический термин *погон* означал ‘погона, преследование’: «увидев, на ня иде погоном». Как социально-экономический термин это слово употреблялось в значении ‘подать’: «а дворяном твоим, како пошло, погон имати от князя» (Новгородская грамота. 1270).

Юридический термин *поличное* (от глагола *поличити* ‘уличить’) в судебно-юридической терминологии известен с начала XIV века в значении ‘вещественная улика кражи, кража с поличных’. К середине того же века он зафиксирован в деловых памятниках и с другим значением — ‘одна из судебных пошлин, связанных с кражей’: «а си вси погоство с землями с бортными, и с поземом... и с винами и с поличным и со всеми пошлинами» (Грамота, 1356).

Слово *пересуд* означает и ‘пересмотр дела, тяжба’, и ‘судебная пошлина’. Второе терминологическое значение широко представлено в деловых документах XIV—XVI веков: «дал есмь свою треть тамги московские, и всемъчее, и гостиное, и всечье, пудовое, и пересуд, и серебряное литье, и все пошлины московские» (Духовная грамота. 1401—1402).

Аналогично и производное от него *пересудчик* относится к обеим сферам терминологии. Оно используется в значении 'должностное лицо судебной администрации, ведущее пересуд' и 'сборщик пересуда — судебной пошлины': «а пересудчиком пересуд имати на виноватом две гривны» (Судебник, 1497).

Термин *самосуд* обозначает в деловых документах XIV—XVI веков не только 'самовольный суд, самовольная расправа без суда', но и сбор за самовольную расправу, вид судебной пошлины'.

Термин *позов*, известный в XII—XIII веках в значении 'вызов к суду', к концу XIV века зафиксирован в деловых памятниках в новом значении — 'вид подати, пошлины, связанный с вызовом на суд'.

Семантический способ терминообразования, конечно, не был единственным способом в формировании терминологий донационального периода истории русского языка, однако он занимал ведущее место в системе словособразования и сыграл большую роль в становлении различных лексико-семантических групп, в расширении семантического объема слова.

Г. П. СНЕТОВА, преподаватель
Калининского педагогического института
имени М. И. Калинина

Любителю истории русского языка

(Ответ. См. стр. 51)

Пословица **Ласковое теля двух маток сосет** означает: 'тот, кто всем угождает, пользуется всеобщей любовью, благосклонностью, помощью всех'. Применяют эту поговорку обычно в разговорной речи для характеристики человека, который приветливым обращением с людьми вызывает такое же отношение к себе.

О том, что выражение это старинное, свидетельствует как архаическая форма **теля** в его составе, так и распространение в живой речи и в литературе многочисленных вариантов поговорки — их можно найти уже в самых первых сборниках русских поговорок, поговорок, крылатых слов.

Теля родственно по грамматическим свойствам одинокому среди современных имен существительных слову **дитя**. (Кстати, распространенная в речи ошибка при употреблении нашей поговорки и состоит в том, что неясно с точки зрения современного словоупотребления слово **теля** заменяют словом **дитя**, говорят: «Ласковое дитя...») Оба эти слова, вместе с другими названиями молодых живых существ, именами средне-

го рода, такими, как **ягня** (ягненок), **жеребя** (жеребенок), **козля** (козленок), входили в особое склонение. Исследователи древнерусского языка называют его склонением с древней основой на согласный. У существительных, относившихся прежде к этому склонению, были разные основы в именительном и в косвенных падежах. Кроме упомянутых слов, в современном русском языке память об утраченной грамматической особенности сохранилась еще в различии основ у таких слов: **мать** — матери, **дочь** — дочери, **небо** — небеса, **чудо** — чудеса, **имя** — имени и под.

Известны варианты поговорки: **Ласковое телятко две матки сосет**; **а лихое и одну запустит**; **Ласковое телятко две матки сосет**, а упрямое ни одной; **Ласковы телятки сосут по две матки**; **Ласковое теля двух маток сосет**, а **бодливое и одной не увидит**; **Ласковый теленок двух маток сосет**, а **бодливому и одна не дается**; **Ласковый теленок двух маток сосет**, а **худое теля и одну потеря**.

Обратите внимание на рифму в последнем варианте.

В. Д.

На устном экзамене по русскому языку необходимо ответить на вопросы по билету и разобрать предложения. Этот разбор включает несколько моментов, очень важных для понимания основных языковых связей и отношений, проявляющихся в морфологии, орфографии и синтаксисе.

В тексте, предложенном для разбора, следует определить, к какой части речи относится каждое слово. А это значит, что должна быть установлена грамматическая форма и то грамматическое значение, которое эта форма выражает.

С какими же трудностями сталкивается абитуриент при разборе слов по частям речи? Для примера возьмем отрывок из рассказа А. П. Чехова «Белолобый»:

Был уже весенний месяц март, но по ночам деревья трещали от холода, как в декабре, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать. Волчиха была слабого здоровья, мнительная; она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат. Запах человеческих и лошадиных следов, пни, сложенные дрова и темная унавожённая дорога пугали ее; ей казалось, будто за деревьями в потемках стоят люди и где-то за лесом воют собаки.

Она была уже не молода, и чутье у нее ослабело, так что, случалось, лисий след она принимала за собачий и иногда даже, обманутая чутьем, сбивалась с дороги, чего с нею никогда не бывало в молодости.

Начнем с имени существительного. При разборе этой части речи надо назвать исходную форму слова — именительный падеж единственного числа, определить грамматические признаки имени существительного: собственное это имя или нарицательное, одушевленное или неодушевленное, назвать его род, падеж, число, тип склонения.

Затруднения часто возникают при определении форм числа, так как многие существительные имеют только одну форму числа — единственного или множественного. В нашем отрывке тоже есть такие слова: здоровье, чутье, молодость. У них нет форм множественного числа. Эти существительные относятся к группе абстрактных, называющих общие понятия, свойства или состояния,

например: смелость, доброта, свобода, белизна, смех, бег, черчота и мн. др.

Только в единственном числе, как правило, употребляются и слова, называющие единичные понятия, в нашем примере это названия месяцев: март, декабрь.

То же самое можно сказать и о собирательных существительных, которые в единственном числе обозначают не один, а множество однородных предметов, представляя их как неделимое целое: молодежь, студенчество, крестьянство, листва, мебель, посуда, обувь и др.

Не имеют форм множественного числа и так называемые вещественные существительные. Они называют продукты, лекарства, растения, химические соединения и прочие предметы, которые не могут быть подвергнуты счету и измеряются поэтому каким-либо количеством или мерой: песок, нефть, азот, шелк, сахар и мн. др. Мы не говорим *два железа, четыре кислорода*, а вводим какие-либо единицы измерения: *две тонны железа, четыре литра кислорода* и т. п.

Другие слова имеют лишь форму множественного числа. В тексте у нас встретились, например, такие слова: дрова, потемки. Нет форм единственного числа также у слов: очки, ворота, сани, каникулы, выборы, счеты, провода и ряда других.

Эти грамматические особенности, к сожалению, не всегда бывают замечены и учтены при морфологическом разборе. Приходится иногда на экзамене слышать, что слово *молодежь* стоит во множественном числе, потому что ведь это не один человек, а много.

Другая распространенная ошибка — неумение определить принадлежность слова к разряду одушевленных или неодушевленных существительных. При этом исходят часто из такого соображения: одушевленные — это живые, а неодушевленные — неживые. В какой-то мере это справедливо. Однако нельзя забывать, что одушевленность и неодушевленность — прежде всего грамматический признак, и, как всякие другие грамматические признаки, находит выражение в грамматических формах слова: у одушевленных существительных совпадают формы родительного и винительного падежей, у неодушевленных — именительного и винительного. При этом важно помнить, что только у существительных мужского рода с основой на согласный и у слов среднего рода одушевленность и неодушевленность проявляется, то есть находит свое грамматическое выражение, в сходстве надежных окончаний и в единственном и во множественном числе. Это ясно из примера:

Падеж	Единств. число	Множеств. число
Именительный	<i>лес, дерево, человек</i>	<i>леса́, деревья́, люди́</i>
Родительный	<i>леса́, дерева́, человека́</i>	<i>лесов, деревьев, людей</i>
Винительный	<i>лес, дерево, человека</i>	<i>леса, деревья, людей</i>

Что касается других слов, то у них категория одушевленности-неодушевленности грамматически бывает выражена иногда только в одном из чисел — единственном или множественном. Это касается, например, имен собственных и многих других слов, у которых одна форма числа. Сюда же относятся существительные, имеющие в именительном падеже единственного числа окончание *-а* (1-е склонение): волчиха, дорога, бабушка, Ваня и т. п. Они имеют в винительном падеже единственного числа окончание *-у* (*-ю*), которое не совпадает ни с какими другими падежными окончаниями: волчиху, дорогу, бабушку, Ваню. Категория одушевленности у таких имен существительных бывает грамматически выражена только во множественном числе.

В грамматических формах одушевленности и неодушевленности часто возникают колебания: «Девочка играет в куклы (и в кукол)»; «Мы видели спутник Земли (и спутника Земли)»; «Ребята запустили бумажный змей (и бумажного змея)». В таких случаях надо смотреть на грамматическую форму слова в тексте и по ней определять принадлежность к тому или другому разряду.

При анализе имени прилагательного необходимо, как и во всех случаях, сначала назвать исходную форму слова (именительный падеж единственного числа), а затем определить разряд (качественное, относительное или притяжательное), указать, краткое оно или полное, степень сравнения, род, число, падеж, тип склонения.

Наибольшее число ошибок возникает при определении разряда прилагательных, разделении их на качественные и относительные.

В примере у нас встретились такие сочетания слов: волчиха *мнительная*; *слабого* здоровья; *малейший* шум; *темная* дорога; она была уже не *молода*. Здесь все прилагательные качественные. Все они называют такие признаки и свойства, которые могут проявляться в большей или меньшей степени, могут быть более или менее интенсивными. Поэтому они могут образовывать грамматические формы сравнительной и превосходной степени, а также краткую форму: слабее, более слабый, самый слабый, слаб и т. п. Здесь как раз есть такие формы: малейший (превосходная степень от слова *малый*). Правда, в тексте это слово имеет несколько иное значение, чем обычная превосходная степень прилагательных: самый малый, самый большой, самый добрый (из всех остальных). Сложная форма превосходной степени обозначает наивысшую степень проявления признака по сравнению с другими его носителями. Простая форма превосходной степени — на *-ейший*, *-айший* может приобретать другое значение, оно просто называет признак, проявляющийся в сильной степени, без сравнения с другими носителями этого признака. *Малейший шум* — значит любой очень слабый шум.

Относительные прилагательные обозначают неизменяемый признак, статичный, который не может мыслиться более или менее интенсивным: весенний, человеческий, городской, лесной и

т. п. Особую группу составляют притяжательные прилагательные, которые указывают на принадлежность лицу или субъекту действия, в нашем тексте это: лошадиный, лисий, собачий. Относительные и притяжательные прилагательные, если они употреблены в своих прямых значениях, не могут образовывать степеней сравнения и не имеют кратких форм: не может что-либо быть более или менее весенним, деревянным или лошадиным.

Другое дело, если слово употреблено в переносном значении: деревянный голос, железная воля и т. п. В этих случаях развиваются новые оттенки значений: деревянный голос (нев्यразительный), железная воля (сильная, непреклонная), лошадиная выносливость (большая, необыкновенная) и т. п. Это уже качественные характеристики, и они допускают представление о разной степени проявления признака. Поэтому относительные прилагательные, употребленные в значении качественных, иногда образуют и формы сравнительной или превосходной степени: «В такой непроглядный вьюжный вечер успех рещался не тем, кто железней, а удачливей кто» (Л. Леонов).

Затруднения иногда возникают и из-за того, что некоторые прилагательные не образуют всех форм, положенных по правилам. Так, слова *мертвый*, *слепой* не имеют степеней сравнения, потому что обозначают абсолютный признак, но это качественные прилагательные, они имеют краткие формы: мертв, слеп. Они образуют, как и другие качественные прилагательные, наречия на -о: слепо, мертво... Не образуют кратких форм некоторые качественные прилагательные: на -ский — трагический, дружеский, на -ов и -л — боевой, деловой, отсталый, устарелый и ряд других.

Самая сложная в грамматическом отношении часть речи — это глагол. При разборе должна быть названа неопределенная форма и указаны следующие грамматические признаки глагола: наклонение, вид, переходность, число, род, если это форма прошедшего времени, спряжение.

Трудности часто возникают при определении глагольного вида. Одно лишь вопроса — что делал? или что сделал? — обычно бывает недостаточно. Необходимо обращать внимание на характер действия, выраженного глаголом. Если оно длительное или повторяющееся, если глагол обозначает постоянное состояние или положение действующего лица, то это чаще всего глагол несовершенного вида. Именно такие действия называют глаголы в приведенном нами отрывке: по ночам деревья трещали от холода; она вздрагивала от малейшего шума; дорога пугала ее; волчиха часто принимала лисий след за собачий. Все эти действия привычно повторялись, происходили много раз.

Характер действия существенно изменится, если изменить вид глагола: она вздрогнула; дорога испугала ее; она приняла лисий след за собачий. Появилась однократность, завершенность.

Легко ошибиться в определении глагольного вида и в тех случаях, когда встречается двувидовой глагол. Двувидовые глаголы

в одной форме совмещают значения совершенного и несовершенного вида. В зависимости от контекста они получают то одно, то другое значение. К двувидовым относится ряд глаголов с суффиксом *-ова(ть)*: организовать, телеграфировать, телефонировать и т. п., а также некоторые глаголы на *-а(ть)* и на *-и(ть)*: обещать, венчать, вельеть, казнить, женить, ранишь, молвить.

В предложении «Начальник экспедиции каждую неделю телеграфировал о ходе работ» глагол *телеграфировать* обозначает повторяющиеся действия и получает грамматическое значение несовершенного вида. Совсем другое значение будет в таком контакте: «Он только вчера телеграфировал о ходе работ». В этом случае глагол получает значение совершенного вида, так как называет действие завершенное, результативное.

Чтобы правильно определить время глагола, надо помнить, что все три формы времени могут быть только у глаголов несовершенного вида: вижу (настоящее время), видел (прошедшее), буду видеть (сложное будущее).

У глаголов совершенного вида нет формы настоящего времени, а есть только прошедшее и простое будущее: увидел, увижу.

Одна форма времени может быть употреблена в значении другой. Допустим, настоящее время в значении прошедшего: «Шел я вчера по улице и вдруг слышу, что кто-то окликает меня». В примере нашем есть случай, когда будущее совершенного вида употреблено в значении прошедшего несовершенного. Весь рассказ ведется в прошедшем времени, и вдруг будущее: был уже весенний месяц март, по ночам деревья трещали от холода, и едва высунешь язык, как его начинало сильно щипать...

Однако речь идет не о единичном действии, которое должно произойти в будущем, а о повторяющихся действиях, происходивших в прошлом: едва высовывала язык, как его начинало сильно щипать. Дело в том, что здесь есть обобщенно-личное значение, которое бывает выражено формами второго лица. Но такой формы нет у прошедшего времени, поэтому вместо него и взята другая форма времени.

Глаголы в прошедшем времени изменяются только по родам и числам:

Я говорила (говорила, говорили), Ты говорил. Он говорил и т. д.

Об этом тоже часто забывают на экзамене.

При разборе причастий и деепричастий должны быть названы исходные глагольные формы, от которых они образованы, — инфинитивы. Затем надо определить грамматические признаки: для причастия — залог (действительное причастие или страдательное), время (настоящее или прошедшее; будущего времени у причастий не бывает), указать, краткая это форма или полная, назвать род, число, падеж, а также существительное, к которому относится причастие.

При разборе деепричастия надо установить его вид — совершенный или несовершенный.

Например, о причастии *сложенный* — оно имеется у нас в тексте — надо сказать, что оно образовано от глагола *сложить*, совершенного вида, что это полная форма страдательного причастия прошедшего времени, стоит во множественном числе и именительном падеже и относится к слову *дрова*.

Иногда при анализе форм причастия бывает необходимо рассказать о правописании их суффиксов и окончаний. Текст, предложенный для анализа на экзамене, всегда содержит несколько заданий по орфографии. В некоторых словах пропущены трудные для правописания буквы. Так, в слове *сложенные* были бы пропущены *-ни* и надо объяснить, почему в этом случае необходимо написать два *-н*, а не одно, как, например, в краткой форме *сложены*.

В конце статьи приведены примеры текстов, которые были даны для разбора на вступительных экзаменах в МГУ в 1969 году. Попробуйте их разобрать морфологически и выполнить задания по орфографии. Абитуриент по просьбе экзаменатора должен уметь разобрать по частям речи любое слово в тексте, поэтому специального задания по морфологии нет. Что касается синтаксиса, то об этом будет рассказано в следующем номере «Русской речи». А сейчас еще несколько замечаний о других частях речи.

При анализе предложения всегда надо обращать внимание на то, какое значение имеет то или иное слово в контексте, отличать его от «двойника». Так, слово *всё* может быть определительным местоимением: «Я запомнил *всё*, что вы мне сказали». А в нашем примере *всё* — это усилительная частица: она вздрагивала от малейшего шума и все думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат.

Слово *как* может быть местоименным наречием: «Как это могло произойти?». А в нашем примере *как* — это подчинительный союз, связывающий главное предложение с придаточным изъяснительным.

При подготовке к экзамену по русскому языку надо хорошо усвоить материал, который содержится в следующих учебных пособиях (издания последних лет): С. Г. Бархударов и С. Е. Крючков. Учебник русского языка (для средней школы); В. Ф. Греков. С. Е. Крючков, Л. А. Чешко. Пособие по русскому языку в старших классах средней школы; Д. Э. Розенталь. Пособие по русскому языку для поступающих в вузы; А. М. Земский, С. Е. Крючков, М. В. Светлаев. Русский язык. Учебник для педагогических училищ.

Большую помощь при подготовке к экзамену может оказать пособие для поступающих на гуманитарные факультеты МГУ «Методические указания по русскому языку» (автор — И. А. Марфунина. 3-е изд. МГУ, 1968).

В заключение приводим примеры текстов для разбора.

Задание: Вставьте пропущенные буквы, расставьте знаки препинания, сделайте морфологический разбор.

1. Как (не, ни) старались люди собравшись в одно (не) боль-

шое место несколько сот тысяч изуродовать ту землю, на которой они жались как (не, ни) заб...вали камнями землю чтобы ничего (не, ни) р...сло на ней как (не, ни) сч...щали всякую проб...вающуюся травку как (не, ни) дымили каме...ым углем и нефтью как (не, ни) обрезывали деревья и (не, ни) выг...няли всех животных и птиц весна была весной даже и в городе (Л. Толстой).

2. Так (же) плыли над Гремяч...м Логом белые теперь уже (по) осеннему сбитые облака в высоком небе выцветш...м за жаркое лето но уже червле...ой позолотой покрылись деревья тополя над гремяч...нской речкой прозрачней и студеной стала в ней вода а на могилах Давыдова и Нагульн... похороне...х на хут...рской площади появилась чахлая бледно (зеленая) мурава (М. Шолохов).

3. В Берлине на холодной сцене пел немец ране...ый в Испании по обв...нению в измене казне...ный за (глаза) заранее пять раз друзьями похороне...ый пять раз гестапо провороне...ный то гримирова...ый то в тюрьмах лома...ый то вновь иголкой в стог оброне...ый (К. Симонов).

4. Сидя рядом с молодой женщиной которая на р...свете казалась такой красивой успокое...ый и очарова...ый ввиду этой сказочной обстановки моря гор облаков широкого неба Гуров думал о том как в сущности если вдуматься все прекрасно на этом свете все кроме того что мы сами мысл...м и делаем когда забываем о высших целях бытия о своем человеческом досто...нстве (А. Чехов).

А. Б. АНИКИНА,
доцент факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова

Из Почты «Русской речи»

КАМАСЫ И ГАМАШИ

(Окончание. Начало на стр. 89)

близкий к нашему *ы*) произносится неопределенно, а отсюда и колебания в русской огласовке. Из русского языка это слово попало в коми-зырянский язык в виде *kames*, *kamys*, *kam's*.

Более подробные сведения об истории этого слова можно найти в книге: И. С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959, стр. 101—103.

В справочно-нормативных словарях русского языка это слово отсутствует, но в научных словарях оно чаще всего поясняется под формой

камас, *камасы*. Именно эту форму, вероятно, и следует предпочесть другим и считать наиболее приемлемой.

Любопытно, что это же саамское (лонарское) слово пришло в наш язык также через европейские языки в другом значении и звучании. К саамскому слову восходят французское *gamache*, немецкое *Gamasche*, а также польское *kamasz*, которые явились источником русского *гамаша* и менее распространенного варианта *камаши*. Уже через русское посредство было заимствовано болгарское *гамаш*.

Написание *камасы* с гласными *а* предпочтительнее еще и потому, что в такой форме это слово будет в большей степени гармонировать с устойчивым написанием гласных в *гамаша*, *камаши*.

И. Г. Добродомов

прочитайте

д е т я м

А. БЕРЕСНЕВ

УСПЕХ

Важно ходит
Петушок,
Под собой
Не чует ног.
Куры кланяются
Пете.
Почему такой успех?
Он сегодня
На рассвете
Кукарекнул
Громче всех!

БЫЧОК

Съел бычок
Травы пучок.
-Му-у-у!
Да это пустячок.
Для меня бы,
Для бычка,
С полведерка
Молочка!

А. ШИБАЕВ

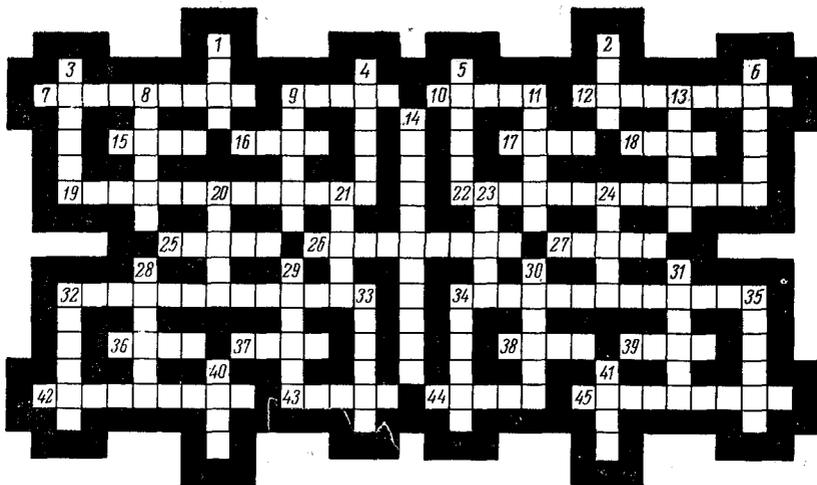
ОВСЯНКА

Вот этой овсянки
Не хочется киске.
(Вот этой овсянки,
Которая в миске).

Какой же овсянки
Она захотела?
Не той ли,
Что мимо сейчас
Пролетела?..

ПАСТУШЬЯ СУМКА

Говорят, пастушья сумка на лугу...
Я искать ее немедленно бегу!
Потерял ее, наверно, пастушок.
Потерял, а вот найти ее не смог...
Но и мне пастушью сумку не найти.
Хорошо, что встретил деда на пути.
Говорю:
— Не отыскать ее никак.
Он смеется:
— Ты стоишь на ней, чудак...

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ КРОССВОРД

По горизонтали. 7. Стилистический прием преувеличения. 9. Простейшая составная часть сюжета или содержания произведения. 10. Буква греческого алфавита. 12. Наличие в морфеме того или иного гласного. 15. Средство общения. 16. Небольшое, свободное по форме литературно-критическое произведение. 17. Академик, крупнейший дореволюционный исследователь русского правописания. 18. Телодвижение, сопровождающее или заменяющее высказывание. 19. Предложение, имеющее из двух главных членов только подлежащее или только сказуемое. 22. Произношение звука *p* на французский, парижский манер. 25. Повторяющаяся ритмическая единица стиха, состоящая из определенного сочетания ударных и безударных или долгих и кратких слогов. 26. Античный стихотворный размер. 27. Соединительный знак или знак переноса. 32. Наука о собственных именах людей. 34. Чувственно-наглядный образ явлений внешнего мира как результат обобщения отдельных восприятий. 36. Мерная, ритмически организованная речь. 37. Древнерусский певец, впервые упоминаемый в «Слове о полку Игореве». 38. Неизменяемая часть речи, служащая для соединения слов и предложений. 39. Система распределения ударных и безударных слогов в стихах. 42. Носитель языка как источник лингвистического материала. 43. Знак препинания. 44. Принятое речевое употребление языковых средств и совокупность правил, упорядочивающих употребление.

По вертикали. 1. Крупнейший русский лексикограф. 2. Древнескандинавское гермическое сказание в про-

зе. 3. Система графических знаков, позволяющая фиксировать человеческую речь. 4. Неблагозвучие, получающееся из-за стечения гласных в конце одного слова и в начале другого. 5. Разговор между двумя или несколькими лицами. 6. Северновеликорусская особенность в произношении гласных звуков. 8. Разложение сложного языкового целого на составляющие его элементы. 9. Столица славянского народа. 11. Одна из форм прошедшего времени в древнегреческом и старославянском языках. 13. Морфологическое строение слова, строение синтаксической единицы. 14. Высказывание, выражение, содержащее скрытый смысл, намек. 20. Единица речи, звуковое выражение отдельного предмета мысли. 21. Небольшое повествовательное произведение, содержащее описание реальных фактов, лиц. 23. Оратор или учитель теории красноречия в античном мире. 24. Повторение сходных сочетаний звуков в стихах. 28. Лицо, произносящее речь, выступающее с речью в собрании. 29. Явление перегласовки в корне в германских языках. 30.оборот речи, обнаруживающий своеобразие данного языка. 31. Древнерусский писатель-летописец. 32. Своеобразный выговор, свойственный говорящему на чужом языке. 33. Совокупность букв, принятых в данной письменности. 34. Сложное синтаксическое построение, характеризующееся подробным развитием мысли и употребляемое как стилистический прием. 35. Русский поэт. 40. Одно из древнейших названий восточных славян, встречающееся в византийских и латинских летописях. 41. Признак речи, упорядоченной в звуковом отношении.

Составила Н. Г. БЛАНДОВА
(Ответы в следующем номере)

консультации

Приставка (пре́фикс). Морфема, стоящая перед корнем: аморальный, бессильный, взморье, Закавказье, недоделки, переписывать, вынести.

Причастие. Форма глагола, обозначающая действие как признак, свойство предмета или лица и имеющая категории вида, времени и залога, а также рода, числа и падежа: рассказывающий, рассказавший, рассказываемый, рассказанный.

Продуктивный. Действующий, живой, способный давать новообразования. В современном русском языке продуктивны, например, суффиксы: -ость — гибкость, смелость, деловитость; -ка — кройка, резка, побелка: приставка без- — безмоторный, бескризисный, бесконфликтный.

Просторечие. Слово, грамматическая форма, оборот массовой разговорной речи, не отвечающие нормам литературного языка: давеча, замедни, шофера́, инженера́, присобачить, форсить, хоть тресни. В художественной литературе просторечие допускается лишь с определенной стилистической целью.

Прошедшее время. Грамматическая категория времени, относящаяся к глагольному действию в прошлом и выражающая это значение в формах рода и числа: Наступило утро: Шел дождь; Дымили костры.

Пунктуация. 1. Правила расстановки знаков препинания. 2. Знаки препинания.

Рифма. Созвучие слов или части слов в стихах, чаще начиная с последнего ударного слога. Рифмуемые слова в большинстве случаев стоят в конце стихотворной строки. Например:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.

Бывают также начальные и внутренние рифмы (см.).

Семантика. 1. Значение слова, оборота речи или грамматической формы. 2. То же, что семасиология

Семасиология. Раздел языкознания, изучающий значения слов и выражений, а также изменение этих значений (историческая семасиология).

Синекдоха. Употребление названия части вместо целого или наоборот, названия целого вместо части, общего вместо отдельного, родового наименования вместо видового: голова вместо человек — «Горячих дюжина голов» (Грибоедов); начальство вместо начальник, — «Я никакое не начальство».

Синонимика. 1. Совокупность синонимов какого-либо языка. 2. Отдел лексикологии, изучающий синонимы.

Синонимия. Сходство слов по значению при различии их звучания.

Синби́мы. Слова и выражения, имеющие сходное, близкое значение, различающиеся лишь смысловыми оттенками и стилистической окраской: лицо, лик, физиономия, морда; безбоязненный, бесстрашный, храбрый, мужественный.

Синтаксис. 1. Способы сочетания слов и строение предложения, свой-

ственные какому-либо языку. 2. Раздел языкознания, изучающий способы сочетания слов и строение предложения.

Сказуемое. Главный член двусоставного предложения, обозначающий признак и выраженный спрягаемой формой глагола, именем в именительном или косвенном падеже, наречием или инфинитивом: Дождь *шумит*; Он был мне *другом*; Мой брат — *инженер*; Курить *средно*; Моя цель — *учиться*.

Склонение. Изменение существительных, прилагательных, причастий, числительных и местоимений по падежам.

Словообразование. 1. Процесс образования новых слов в языке. 2. Система слов какого-либо языка, по форме и по значению мотивированных другими словами этого языка (например, слова *водный* и *переписать* мотивированы соответственно словами *вода* и *писать*). 3. Раздел языкознания, изучающий структуру мотивированных слов и процессы образования новых слов в языке.

Словосочетание. Синтаксическая единица, образующаяся соединением двух или более значимых слов на основе подчинительной связи — согласования, управления или примыкания — и тех отношений, которые порождаются этой связью: белый снег, переплыть реку, идти вброд, очень быстро.

Служебные слова. Слова, не называющие предметов, свойств, действий, а служащие только для выражения отношений, в которые вступают эти предметы, свойства, действия. Служебные слова употребляются для связи слов (предлоги), предложений или частей предложения (союзы), участвуют в образовании наклонений и служат для выражения разных оттенков отношения говорящего к содержанию высказывания (частицы).

Собственные имена. Существительные, являющиеся наименованиями единичных предметов чаще без

всякого отношения к признакам этих предметов (имена, фамилии, клички, прозвища, географические названия) в отличие от нарицательных, называющих классы однородных предметов: Владимир, Иванов, Муму, Псков, Онежское озеро.

Согласование. Вид подчинительной связи, при которой формы рода, числа и падежа подчиняющегося имени predeterminedены формами рода, числа и падежа подчиняющего имени: синее море, белый теплоход, второй пилот, мой костюм, женщина-космонавт, река Москва.

Союзы. Служебные слова, употребляющиеся для связи слов, частей сложного предложения и для введения слов в состав простого предложения: брат *и* сестра; *хотя* животные, а все-таки цари; известен *как* крупный специалист.

Спряжение. 1. Изменение глагола по лицам, числам, временам, наклонениям и (в прошедшем времени) по родам. 2. Один из двух классов форм настоящего-будущего времени, характеризующихся определенной системой окончаний (1-е и 2-е спряжение).

Субстантивация. Переход прилагательных, причастий, числительных в разряд имен существительных: курительная, молочная, большой, будущее, раненый, трудящиеся.

Супплетивизм. Образование форм одного слова от разных корней или основ: я — меня, иду — шел, человек — люди, плохой — хуже, поросенок — поросята.

Сuffixe. Словообразовательная морфема, стоящая между корнем и окончанием: чист-*к*(а), красн-*от*(а), бел-*оват*-ый, серебр-*ист*-ый, толк-*ну*-ть; столяр-*нича*-ть.

Существительное. Часть речи, обозначающая предмет (вещи, живые существа, свойства в отвлеченном от их носителя, действия и состояния в отвлечении от их производителя) и выражающая это значение в категориях падежа, числа,

рода: стул, собака, резвость, темнота, эзда, бег, чтение.

Термин. Слово или сочетание слов, предназначенное для точного обозначения определенного понятия какой-либо специальной области науки, техники, искусства, например в языкознании: фонема, морфема, прямая речь, косвенная речь, сложноподчиненное предложение, сложносочиненное предложение.

Терминология. Совокупность терминов данной отрасли знания.

Топонимика. 1. Совокупность географических названий какой-либо местности. 2. Раздел языкознания, изучающий географические названия.

Троп. Стилистический прием, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном, образном смысле. К тропам, например, относятся метафора, метонимия, синекдоха, гиперболы.

Управление. Вид подчинительной связи, при которой свойства управляющего слова (глагола, имени, наречия или сравнительной степени) определяют грамматическую форму зависимого слова: видеть *реку*, въехать *в город*, охота *к чему-нибудь*, характерный *для чего-нибудь*, вдали *от чего-нибудь*, лучше *чего-нибудь*.

Фонетика. Способы образования и акустические свойства звуков какого-либо языка. 2. Раздел языкознания, изучающий звуки речи — способы их образования и акустические свойства.

Фразеология. 1. Совокупность устойчивых оборотов речи и выражений, свойственных данному языку: прийти в бешенство — сильно рассердиться, первый блин комом — 'неудачное начало', делать из мухи слона — 'сильно преувеличивать'. 2. Раздел языкознания, изучающий устойчивые обороты речи и выражения. 3. Слова и выражения, характерные для какого-нибудь лица, писателя, литературного направления или общественной группировки,

какого-либо периода. Например, поэтическая фразеология Пушкина.

Хорей. Двусложный стихотворный размер с ударением на первом слоге:

В дымке/ — невидимке/
Выплыл/ месяц/ вешний./
Цвет садовый/ дышит/
Яблоню/ю, че/реншней./

Ф е т

Части речи. Лексико-грамматические разряды слов. Слова, принадлежащие к одной части речи характеризуются общностью значения (прилагательные обозначают признак, качество предмета), общими категориями (у прилагательных категория рода, числа и падежа); особыми формами изменения слов, одними и теми же синтаксическими функциями. В современном русском языке десять частей речи: существительное, местоимение, прилагательное, числительное, наречие, глагол, предлог, союз, частицы, междометие.

Частицы. Несамостоятельные слова, служащие для выражения различных смысловых оттенков отдельного слова или целого предложения, а также для формирования наклонений: Спои *хоть ты*; Разве я тебе чужая? Ни шагу дальше; От тебя *ведь* не скроешься. Теперь *давай* поговорим!

Чередование. Взаимная замена звуков на тех же местах в одних и тех же морфемах в зависимости от позиции. Например, чередование *н* — *б* в результате оглушения звонкого *б* на конце слова: дуп — дубок; или обусловленных исторически: неку — печень, писать — пишу, друг — друзья.

Числительное. Часть речи, обозначающая количество предметов и выражающая это значение в грамматической категории падежа: один, полтора, пятьдесят, двадцать пять.

Эвфемизм. Слово или выражение, заменяющее прямое обозначение, применять которое неудобно или нежелательно: *в интересном поло-*

женщи вместо беременная, сочиняет вместо врет.

Эллипсис. Пропуск части высказывания, легко восстанавливаемой из контекста или ситуации: «Еще тарелочку?»; «Поросла. Мы встаем и тотчас на коня И рысью по полю при первом свете дня» (Пушкин).

Эпитет. Определение, содержащее образную, выразительную, метафорическую характеристику какого-либо предмета или явления. У Пушкина: двор *уединенный*, печальным снегом занесенный; сон *докучный*; грустен ветра *вой*; *забытые* ворота; тучи *мрачные*.

Этимология. 1. Происхождение слова и его родственные связи с другими словами того же самого или других языков. 2. Раздел языкознания, изучающий происхождение и родственные связи отдельных слов и морфем.

Ямб. Двусложный стихотворный размер с ударением на втором слоге:

В тот год/ осен/няя/погода
Стоя/ла дол/го на/ дворе/
Зимы/ ждала/ ждала/ приро/да.
Снег вы/пал толь/ко в янва/ре.

Пушкин

• • •

«Словарь начинающего филолога» (1969, № 1—6; 1970, № 1—3) составила кандидат филологических наук

В. Н. Виноградова

• • •

(Продолжение)

ГОРЕ

О силе, глубине, продолжительности душевного страдания, скорби: безнадежное, безутешное, безысходное, большое, глубокое, глухое, гнетущее, горемычное, горькое, дешевое, дикое, ягучее, живое, злое, лютое, негаданное, нежданное, неизбывное, неизмеримое, неисходное, неожиданное, неусыпное, подлинное, пустое, сиротливое, слезное, страшное, тяжкое, чистое, ужасное, «[Варвара Сергеевна] все больше никла, словно таяла в глухом, безысходном горе» (Караваяева. Разбег); «Ни на минуту не оставалось сомнения в глубоком ужаснейшем горе, угнетавшем его душу» (Гл. Успенский. Очерки); «Не с кем было слово перемолвить, не с кем было размыкать гнетущее горе» (Печерский. На Горах); «Ох, много, моя матушки, И слез я пролила, И знала горя горького, И нужд перенесла!» (Никитин. Рассказ крестьянки); «Мало-помалу место живого горя заступило немое равнодушие» (Гончаров. Обломов); «Подкралось горе лютое — К кому оно привяжется, До смерти не избыть» (Некрасов. Кому на Руси жить хорошо); «Отравленная бабыным неусыпным горем разматывалась пряжа дней» (Шолохов. Тихий Дон); «Для меня в слезах Кисочки, в ее дрожи и в тупом выражении лица чувствовалась несерьезная, французская мелодрама, где каждый золотник пустого, дешевого горя заливается чудом слез» (Чехов. Огни); «Быть может, сердце матери почувало, что вместе с новорожденным ребенком появилось на свет темное, неисходное горе» (Короленко. Слепой музыкант).

О степени распространения, широте охвата: вселенское, личное, людское, народное, национальное. «Грянь над пучиною моря, В поле, в лесу засвищи, Чашу вселенского горя Всяю расплеши!» (Некрасов. Душно! без счастья и воли...); «Народное горе Кишело как море, Вывало о мире, о хлебе кричало» (Жаров. Октябрьские зори).

Редкие эпитеты: будничное, крутое, незаживающее. «Он поспешил глаза смежить, Чтоб не прочли в последнем взоре Безумную надежду жить, Людское будничное горе» (Симонов. Суворов); «Нежданное крутое горе больно сжало ей грудь» (Каравеева. Родной дом); «Кому, как не сыну, могла рассказать мать о своем незаживающем горе, о молодой искаленной жизни?..» (Н. Островский. Рожденные бурей).

Во фразеологическом выражении *горе луковое* (о незадачливом, нерасторопном человеке).

ДУБ

О высоте дуба; толщине, крепости ствола, корней; размере, форме, цвете кроны: высокий, густой, густолиственный, зеленый, искривленный, коренастый, корнистый, корявый, крепкий, кряжевый, кряжистый, курчавый, матерый, могучий, мощный, неколебимый, огромный, подоблачный, приземистый, прочный, развесистый, раскидистый, седой, скрюченный, сухой, сырой, темный, тенистый, толстый, черноглавый, черноголовый, широкий, широкоплечий. «Гордо высится роща полустаростелетних густолиственных дубов» (Черский. На горах); «Я видел его... крупное, будто вырубленное из кряжевого дуба, лицо» (Первенцев. Честь смолоду); «Теперь почти вся она [роща] была вырублена и лишь кое-где могучие, корявые дубы и вязы... вздымались к небу свои старые дуплистые стволы» (Горький. Озорник); «Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подблачные дубы» (Гоголь. Сорочинская ярмарка); «С наморья, от приземистого скрюченного дуба... поднимались по тропинке двое офице-

ров» (Лавренев. Лотерея мыса Адлер); «Развесистый дуб на холме зеленеет, Раскинувши ветви широко» (Исаковский. Дуб); «Широкоплечие дубы, словно старые ратники, стояли на часах» (Марлинский. Аммалат-бек).

О возрасте: вековой, долголетний, допетровский, многолетний, молодой, старый, столетний. «Свинья под дубом вековым Наелась желудей» (Крылов. Свинья под дубом); «От темного леса далеко На почве бесплодно-сухой, Дуб старый стоит одиноко Как сторож пустыни глухой» (Никитин. Дуб).

О характере психологического воздействия; величавый, молчаливый, мрачный, надменный, суровый, угрюмый. «Но ты поднялся, ты выгнул, Ты прошумел грозой и слабой — И бурны тучи разогнал, И дуб низвергнул величавый» (Пушкин. Аквилон); «Высокие молчаливые дубы — столетние великаны» (Н. Островский. Как закалялась сталь); «Давно ль на холме сем стол Столетный дуб, густой, надменный, И дол ветвями осенял» (Жуковский. К Тибуллу).

Редкие эпитеты: дебелий, заветный, крепкотелый, тощий, уединенный, широкогрудый. «Сломил буря дуб дебелий, Который верною подпорой мне служил» (Пушкин. Листочек); «Вон, кудрявый, крепкотелый, Невысок, но прочен, Самый стойкий, самый смелый Выбежал дубочек» (Браун. Смена); «Рядом дуб шумел заветный Страж зеленых-трава бурь» (Прокофьев. Не ковыль-трава стояла); «Я стал различать силуэты старых, но тощих дубов и лип» (Чехов. Огни); «Гляжу ль на дуб уединенный, Я мыслю: патриарх лесов Переживет мой век забвенный, Как пережил он век отцов» (Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных...).

В устойчивых (терминологических) определениях: красный, морёный, пробковый, томленный (темленный), черешчатый, черный.

(Продолжение в следующем номере)

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В языке выражается вся жизнь народа.
Ф. И. Буслев

Наши читатели знают и, судя по многочисленным отзывам, любят читать «Почту „Русской речи“». К сожалению, на страницах журнала невозможно ответить на все письма. А иногда и нет в этом необходимости, потому что многие письма имеют характер слишком частный, многие вопросы в них повторяются. Таким образом, ответы, публикуемые в «Русской речи» — это лишь малая доля работы с письмами читателей. «Читатель — журналу, журнал — читателю» — вот общая формула взаимоотношений редакции с нашими корреспондентами. Об этих взаимоотношениях можно сказать и конкретнее. Письма читателей — не только источник сведений о «живой жизни» языка, не только «сигналы с мест», это и десятки ценных, продуманных предложений, отмеченных стремлением зорко беречь нашу национальную святыню — великий русский язык. Это и рачительная забота о его чистоте и богатстве. Таков характер первой части формулы: «читатель — журналу...». В свою очередь редакция, принимая требования корреспондентов, стремится направлять языковое поведение людей, говорящих по-русски, активнее вмешиваться в общественное языковое сознание, воспитывать любовь к родному слову и распрост-

ранять знания о русском языке как продукте нашей богатой национальной культуры, как орудии нашего передового общества.

Поведение человека в обществе зависит во многом от его воспитания. Так и языковое поведение (обращение с языком) определяется воспитанием, то есть тем, насколько любовно и бережно относятся люди к родному языку, каковы их знания о его богатейших возможностях. Редакция руководствуется теми задачами, которые были сформулированы в обращении к читателю в первом номере «Русской речи» три года назад: «Не любить родную речь нельзя, знать и чувствовать ее необходимо. В ней душа народа, мысли народа, прошлое, настоящее и будущее народа».

Науку «беречь свое личное» люди постигали веками. Но язык — достояние общественное. О нем не скажешь: «мое — для меня». «Наше — для нас» — этим правилом руководствуются люди, любящие свой язык, свою историю, свою культуру. Перед этим правилом отступает равнодушное отношение к общественному достоянию. На первый план выходит разбуженное социалистической революцией и возросшим за годы Советской власти национальным самосознанием чувство личной ответствен-

ности людей за все, чему являются они свидетелями, что для них дорого и свято.

Да, письма наших читателей очень разные! Здесь есть тревожные сигналы о неправильном, небрежном или неуважительном обращении с языком и неторопливые раздумья о судьбах родного слова; есть вопросы частные, профессиональные и вопросы общие, интересующие как читателей, так и ученых-языковедов. Здесь немало предложений и предположений, разного рода уточнений и дополнений, просьб дать совет, рассудить спор, подсказать решение того или иного языкового вопроса, рассказать об истории слова, выражения. Есть во взаимоотношениях читателей и редакции своего рода «тяжбы». Но во всем разнообразии читательских писем есть и объединяющее начало — неравнодушие к родному слову. О нем мы и попытаемся рассказать. Некоторые письма мы приведем полностью, некоторые — частично. Об одних авторах расскажем подробнее, других лишь назовем. На часть вопросов ответим в обзоре или сошлемся на материалы, опубликованные в печати. Некоторые лишь поставим для того, чтобы над ними задумались наши читатели и постарались ответить сами.

КАК? ЗАЧЕМ? ПОЧЕМУ? ОТКУДА?

Не все вопросы читателей продиктованы тем, что на них сложно найти ответ самому автору. Часто люди не знают, где найти такой ответ. Или знают, но не имеют возможности посмотреть нужную справочную литературу. Конечно, не все библиотеки располагают достаточным количеством общих и специальных словарей. Все это верно. Но нередко при-

ходят письма из больших городов, где есть и библиотеки, и словари, и другая необходимая литература. Есть, наконец, люди, способные дать ту или иную справку. Тем не менее пишут в редакцию. Может, по привычке, может, с желанием получить ответ, наиболее верный и исчерпывающий. Н. А. Белявский из Московской области спрашивает: «Почему в слове соль *л* говорится мягко, почему в служит знаком смягчения? Что это за буквы *я, ю, ё*? В начале слов они равны *ja, ju, jo*, а после согласного — *a, y, o* + смягчение согласного. Выходит, *j* исчез, передав свою мягкость согласному? Почему в слове *пью* — *ь*, а в слове *стел* — после приставок — *ъ*?».

На эти вопросы читатель мог бы найти ответы в школьном учебнике и в «Правилах русской орфографии и пунктуации» (М., 1956). Об этом также написана статья «Звуки и буквы» («Русская речь», 1967, № 4).

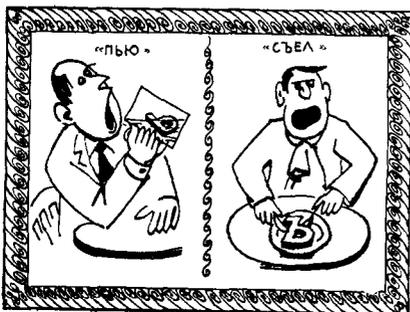
«Правила русской орфографии и пунктуации» изданы массовым тиражом. Эти «Правила» (так для удобства мы и будем их называть в дальнейшем) — необходимое практическое руководство для каждого, кто интересуется вопросами русского правописания. В них без особого труда нашли бы ответ на свои вопросы и многие другие наши корреспонденты. Москвич Н. Ф. Лапичев, которого интересует, по каким соображениям слова на *и* после приставки *раз-* стали менять коренную гласную на *ы*. Для этого ему потребовалось бы прочитать лишь § 7 «Правил».

В школьных учебниках русского языка могли бы найти ответы на свои вопросы и А. Малеева, А. Т. Вавич, А. Васягина. Вопрос у них по существу один: как склоняются фамилии среднего (неопределенного) рода? Такие, например,

как: Шульга, Варкан, Давидюк, Черных, Вавич, Гринштейн, Дудник и т. д. Все эти фамилии склоняются в том случае, если они относятся к мужчинам.

НУЖНО... ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ...

Вопросы, касающиеся фамилии, есть и посложнее. Семья Москвичей из Полтавской области просит редакцию «истолковать значение и

причины распространения на Украине, в частности в Полтавской области, такой странной в этих местах фамилии, как Москвич».

Читателя Ф. Г. из Казахстана интересует происхождение фамилии Баглюк. Он так и пишет: «Мне крайне нужно знать, фамилия Баглюк сложилась из положительного или отрицательного значения слова (баглить, сбаглить)? В простых словарях не найду ответа, а мне нужно, чтоб фамилия Баглюк имела очень положительное значение...».

Слово *баглить* имеет несколько значений: 1) мостить бревнами дорогу на болоте. Ровнять, поправлять дорогу — баглить дорогу; 2) сильно идти (о дожде); 3) сильно, жарко топить (печь) и 4) долго и больно бить: «Муж и давай ее баглить, избаглял

как следует». Все эти значения приведены в «Словаре русских народных говоров» (Л., 1966). Вполне возможно, что фамилия Баглюк произошла от *баглить*. А вот от какого его значения — сказать с уверенностью трудно. Чаще всего в наше время мы уже не думаем о первоначальном значении слов, от которых образованы имена и фамилии.

Что касается вопроса семьи Москвичей, то здесь можно предположить, что фамилия эта имеет связь со словами *Москва, московия, москаль*. Может быть, начало этой фамилии положили переселенцы на Украину из Москвы.

Трудные вопросы чередуются с легкими, стилистические — с синтаксическими, морфологические — с орфографическими. О. Сухачева из Ленинграда спрашивает, как правильно говорить *под мостом* или *под мосто́м*? Где поставить ударение? Не вдаваясь в аргументацию, отвечаем ей: правильно *под мосто́м*.

И. П. Коржов из Киргизской ССР уверяет, что в грамматике нет никаких «оговорок» о написании названий времен года. Одновременно он спрашивает, с прописной или строчной буквы нужно писать название планет Солнце, Луна, Земля. Названия дней недели, месяцев, времен года пишутся со строчной всегда за исключением случаев особого стилистического употребления. Что касается второй части вопроса, то здесь действует правило такое: астрономические названия пишутся с прописной буквы. Например: «Земля со своим спутником Луной вращаются вокруг Солнца». Но со строчной мы будем писать эти названия, когда говорится о явлениях и действиях с ними связанных (уже пора пахать землю; солнце зашло за горизонт и т. д.).

Вопросы о написании некоторых слов и выражений с прописной буквы волнуют многих читателей, особенно работников печати. О разноее в практике употребления прописных пишет нам, в частности, Н. Л. Кошаровская из Киева. В письме она приводит ряд примеров из периодической печати.

Разноее в практике употребления прописной буквы действительно есть, и он хорошо известен языковедам. Объясняется он некоторыми объективными трудностями (подробно об этом см.: А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1961, стр. 152). В «Правилах» есть раздел «Прописные буквы» (§ 92—109). Однако здесь объясняются лишь основные, типичные случаи и не учтены некоторые, возникшие в практике частности и сложности, а также новые тенденции и явления современного русского правописания. Насущная необходимость решения подобных вопросов на практике и приводит к известному разноее и непоследовательностям в употреблении прописных букв. Здесь мы можем лишь сказать, что многие из этих вопросов будут решены в новом издании «Орфографического словаря русского языка», где будет специальное приложение, посвященное написаниям слов с прописной буквы.

СИЦИЛИАНСКАЯ ИЛИ СИЦИЛИЙСКАЯ ЗАЩИТА?

Читательница А. С. Беляева из Москвы хотела уточнить такие вопросы. Есть выражение *сицилианская защита*. Нельзя ли произносить его *сицилийская защита* по типу *сицилийская вечерня*, *сицилийское восстание* и т. д. Видимо, нельзя. Выражение это стало спе-

циальным шахматным термином, история его уходит буквально в глубь веков. И встречный вопрос автору: зачем его менять? Что касается вопросов А. С. Беляевой относительно существительных с суффиксом *-чане*, то на этот счет есть немало убедительных работ. Назовем хотя бы статью в «Русской речи» (1967, № 1) «Давно ли появились *-чане*?».

Не все письма «мирные», безобидные. Приведем и их.

«Как написать почтовый адрес на письме, отправляемом в сельскую местность?» — спрашивает нас П. Н. из Краснодарского края. Вопрос далеко не праздный, если учесть, сколько хлопот может доставить неверно написанный адрес почте, какой неприятностью может обернуться эта, казалось бы, невинная небрежность для адресата. «Русская речь» уже писала о том, как по «Почтовым правилам», изданным Министерством связи СССР, следует писать адреса в различные пункты нашей страны и за ее пределы. П. Н. знает о существовании таких «Правил» и о нашем разъяснении, но его не удовлетворяет то обстоятельство, что адреса почтовых отправлений в сельскую местность следует начинать с указания предприятия связи. Он даже обращался с «притензиями» (именно так!) в Министерство связи СССР, которое в своем ответе сослалось на те же «Правила». Корреспондента не удовлетворило это. Он снова пишет, но уже к нам. Письмо в Министерство — ответ, письмо в редакцию — ответ. Не исключено, что товарища П. Н. не удовлетворит и это. Тем не менее мы все-таки советуем ему при отсылке корреспонденции в сельскую местность «подчиниться» «Почтовым правилам». Дабы его письмо пришло бы наверняка и не доставляло лиш-

них хлопот очень загруженной нашей почте.

Три года жизни журнала — срок немалый. За это время опубликовано много материалов на такие темы, которые волновали и волнуют читателей. Не все из них знают журнал и помнят, что в нем печаталось раньше. Это естественно. Но естественно и то, что мы в своих ответах нередко ссылаемся на статьи, опубликованные раньше. Читатель С. З. Лядов из Куйбышева написал нам о том, что в газете «Советская Россия» он прочитал такой заголовок: «Город с тысячью лиц». Правильно ли это? — спрашивает читатель. За ответом мы можем отослать С. З. Лядова к публикациям «Русской речи» (1968, № 5 и 1969, № 2).

В редакционной почте есть немало писем, на которые можно ответить буквально одними и теми же словами. Такой характер имеют, например, письма об аббревиатурах. О них мы тоже писали (1967, № 6). Поэтому нашим читателям А. П. Гринбергу из Ленинграда, Д. Гелевскому из Донецкой области, тов. Гуревичу из Донецка, М. С. Жбанову из Кемерово мы рекомендуем обратиться и к нашим публикациям и к «Правилам», в которых названному выше языковому явлению посвящен целый раздел (§ 110—116).

Журнал «Русская речь» публиковал и публикует немало материалов, рассказывающих о конкретных языковых нарушениях. Иногда это безграмотный текст объявления, иногда стилистическая небрежность, попавшая в газету, иногда плохо отредактированный текст в книге или журнале. Немало подобных материалов присылают нам сами читатели. Как правило, это важные и нужные сигналы, продиктованные стремлением беречь красоту и чистоту род-

ного языка. Но бывают случаи, когда то или иное замечание отмечено капризами вкуса. Москвич Я. Н. Щапов, например, возмущается выражением: «Поезд дальше не пойдет. Просьба освободить вагоны». «Нужно признаться, — пишет автор письма, — что эта просьба к пассажирам освободить вагоны от самих себя не только неграмотна, но и невежлива». Думается, что Я. Н. Щапов совершенно неправ. Выражение «Просьба освободить вагоны» (или другие помещения) — общепринятое выражение и понятно каждому пассажиру, знающему русский язык. Поэтому нет необходимости ни менять эту форму обращения, ни видеть в ней какую бы то ни было «невежливость».

Пожалуй, не меньше, чем писем-вопросов, приносит почта и таких корреспонденций, в которых читатель что-то уточняет, дополняет, советует.

«ЛОТОМСТВО НЕ ПРИМЕТ В УВАЖЕНИЕ...»

«Одной из моих служебных обязанностей, — пишет нам В. В. Шевелев из Северодонецка, — является редактирование деловых документов предприятия, где я работаю. Журнал „Русская речь“ стал для меня хорошим помощником. В нем я нахожу для себя много полезных сведений. Хотелось бы, чтобы журнал больше печатал материалов о деловом стиле. Я думаю, что работники канцелярий не должны пропускать в свет ни одного малограмотного, а тем более безграмотного документа. Попадая в архивы (а немало их уже попали), эти писания только порочат перед будущими исследователями современный наш стиль делового письма. А этого нельзя допускать».

Автор письма предлагает не только чаще публиковать материалы на эту тему в журнале. Он говорит, и правильно, о необходимости создания исчерпывающего пособия по вопросам делопроизводства, и в частности по деловому письму.

Статью на указанную автором письма тему мы публикуем в следующем номере. Ее написал для нас автор книги «Современное деловое письмо в промышленности» П. В. Веселов. Но тема, затронутая в письме В. В. Шевелева, очень важна. Поэтому «Русская речь» и впредь будет печатать подобные материалы. В. В. Шевелев прав — борьба за чистоту языка должна быть повсеместной. Прав он и в том, что будущие поколения не останутся равнодушными к тому, как мы говорим, пишем — словом, как обращаемся с русским языком. Ведь речь идет о капитале, который является не только наследством нашим, но и наследством наших внуков и правнуков. Бесхозяйственное отношение и даже небрежность в обращении с ним непростительны. «Потомству нет дела до того, — писал Н. В. Гоголь, — кто был виной, что писатель сказал глупость или нелепость, или же выразился вообще необдуманно и незрело. Оно не станет разбирать, кто толкал его под руку: близорукий ли приятель, подстрекавший его на одновременную деятельность, журналист ли, хлопотавший только о выгоде своего журнала. Потомство не примет в уважение ни кумовство, ни журналистов, ни собственную его бедность и затруднительное положение» (О том, что такое слово).

«Я много потратил сил и энергии, — пишет нам из Красноярска В. Д. Медведев, учитель с сорокапятiletним стажем работы, — на борьбу с пропикновением в печать,

а также распространением в устной речи всякого рода „модных“ словечек, дурного вкуса неологизмов». Пишет В. Д. Медведев о неологизме *врачиха*, который он встречает все чаще и чаще в печати, в произведениях таких писателей, как К. Симонов, В. Тендряков, М. Стельмах и другие. В письме приводятся и цитаты с этим словом. В частности из очерка Э. Поляновского «Память», опубликованного в газете «Известия»: «В углу сидела толстая врачиха, наша знакомая, и тихо плакала...»; «Врачиха заливалась слезами...»; «Провожать нас пришли все. Пришла и толстая врачиха...». Думается, что учитель здесь прав. Слово это звучит как кличка. В. Д. Медведев напоминает о прекрасных русских словах, отмеченных еще Далем, *врачей*, *врачевательница*, которые вполне можно было употребить в определенном контексте. Говорит он и о чрезмерном увлечении в нашей печати аббревиатурами. Кстати, об этом нам пишут очень многие читатели. Вот отрывок из письма Н. Бердникова (Свердловск): — Вы знаете, мы выступили в ЖСК, и вдруг оказалось, что ДСК не может никак добиться от ЖБИ выдачи ПКЖ-9, и СУ теперь от всех отмахивается...

— И у нас забот полно рот. Пошли мы в РЖУ, а там говорят: пока ФО не отпустит средств, РСТ и пальцем не шевельнет. Да и наш МК хорош: вместо заботы о жильцах он только смотрит на АХО, как тот с ЖЭКом заигрывает.

«Не знаю, — комментирует этот диалог автор письма, — понимали ли эти двое друг друга, но, видимо, каждый из них думал, что говорит на чистом русском языке... Если мы дружно не вступимся в защиту родного языка, то скоро, чего доброго,

все начнем говорить примерно следующим образом:

— Получено ВРУ разработать ПЛУТ для УУР, иначе — ОВ. Что в переводе означает: получено *важное* руководящее указание разработать простой, легкий, удобный транспортер для улучшения условий работы, иначе (дадут) очередной выговор. Только прямо скажем: НЭНН (нам это не нравится)».

Автор письма, конечно, несколько спущает краски, но сам факт увле-

чения аббревиатурами остается тревожным, о чем и говорят конкретные примеры из многочисленных писем наших читателей.

«БЕРЕГИТЕ РОДНОЙ ЯЗЫК!»

К кому этот призыв, повторяющийся буквально в каждом втором письме в редакцию? Ко всем говорящим по-русски. Ко всем, кто имеет непосредственное отношение к работе со словом. «К сожалению, иногда приходится наблюдать очень небрежное отношение к своему языку, — пишет москвичка, учительница А. А. Генкина. — Едешь в троллейбусе и слышишь: „Граждане, оплатите за проезд“. Употреблен лишний предлог *за*. Выражение это и ему подобные повторяются часто. Нельзя ли организовать краткосрочные курсы или просто провести бе-

седы с работниками транспорта? Искажения речи бывают и в радиопередачах. Особенно обидно встречать в газетах и книгах ломку предложений. Создавалось веками, а ломается быстро, и что хуже всего, без жалости и смысла. Некоторые „новаторы“ вместо нормальных сложноподчиненных предложений употребляют одни придаточные, например: „Он вышел. Потому что очень торопился“. Ломают язык, а воображают, что создали что-то новое, оригинальное».

И в каждом таком письме пример, со ссылкой на источники, порой, авторитетные органы печати, примеры, из устной речи, из прочитанной книги. «Правильна ли фраза, прочитанная мною в газете „Советская Абхазия“: „Административные здания колхоза будут отапливаться водяным отоплением“?» — спрашивает Е. Н. Калашникова из Сухуми. Фраза эта стилистически небрежная, тавтологическая. Можно было сказать лучше, грамотнее: «В административных зданиях колхоза будет установлено водяное отопление».

С. Т. Кирюхин из Саратовской области прочитал в «Труде» заголовок «Дело о покушении на убийство». «Правильно ли это?» — спрашивает он. Нет, неправильно. Покушаются на жизнь, а убийства совершаются. Есть среди вопросов подобного рода и отмеченные излишней придирчивостью. В том же письме С. Т. Кирюхин приводит пример из «Известий»: «Это даже не письмо, а открытка, рождественская открытка с двумя снежными бабами под зелеными деревцами и бегущей мимо вороной лошадкой». Автор письма настаивает, чтобы было непременно сказано «с изображением снежных баб и лошадки», хотя и написание иное допустимо. Думается, что из-

лишней «принципиальностью» проинкинуто и замечание в адрес «Русской речи», поместившей в № 5 за прошлый год объявление: «Новый телефон справочного бюро Института русского языка АН СССР: 202-59-70». Из Геленджика откликнулась на это объявление Р. Т.: «Может, вы хотели сказать: „Новый номер телефона“?».

Просьбы, предложения, уточнения бывают и более существенные в языковом отношении, более значимые для исследования того или иного вопроса.

Недавно впервые познакомившаяся с нашим журналом москвичка М. В. Шарманова предлагает редакции обратиться к читателям «Русской речи» с просьбой активнее пропагандировать журнал среди населения, потому что он — единственный научно-популярный журнал подобного рода и необходим каждой семье, каждой школе. М. В. Шарманова предлагает также организовать в школах кружки «Русской речи». Предложение, на наш взгляд, интересное. Такие кружки могли бы помочь воспитанию наших школьников, какой бы жизненный путь они для себя ни избрали в будущем: М. В. Шарманова в том же письме обращает внимание на ряд языковых явлений, которые не отличаются четкостью, свойственной русскому языку. Она пишет: «Широкое распространение получило выражение *патриот своей Родины*... А разве само слово *патриот* не исключает последующего дополнения так же, как например, *магазин* исключает *по скупке*?». Об этом спрашивает и москвич О. И. Жолондковский. Выражение *патриот своей Родины* в определенном контексте может быть и тавтологическим.

Что касается возмущения О. И.

Жолондковского существительным *настрой*, то, нам кажется, оно напрасно. Фраза «В коллективе была боевая обстановка, боевой настрой» вполне допустима и в грамматическом и стилистическом отношении.

«НЕ СОВСЕМ ТАК...»

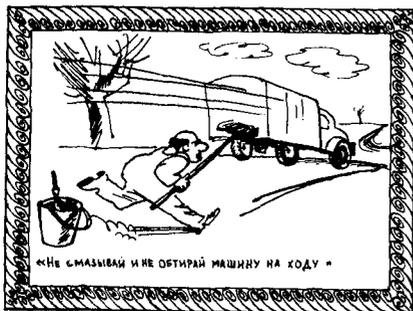
Многие письма начинаются этими словами. Как правило, в них можно найти разного рода уточнения и дополнения к языковедческим публикациям как в «Русской речи», так и в других изданиях. Приведем лишь два отклика на материалы нашего журнала. В № 4 за прошлый год была опубликована статья профессора А. Н. Кожина «Военное слово в речи В. И. Ленина». Вопрос этот еще мало исследован и, разумеется, в небольшой журнальной статье вряд ли можно решить его исчерпывающе. Как правило, на такие публикации откликаются специалисты и их-то уточнения, дополнения особенно важны и для исследуемого вопроса, и для авторов, и для журнала. В своем отклике на статью А. Н. Кожина полковник П. Д. Трифонов пишет о своих наблюдениях над речью военных как практик. А это особенно ценно.

С этой точки зрения несомненный интерес представляет и письмо С. В. Гедда из Воронежа. В нем речь идет о слове *стюардесса*, а точнее о заметке «Стюардесса-бортпроводница» («Русская речь», 1968, № 5). Автор письма долгое время работал сам в авиации. «Живая жизнь» слов *стюардесса* и *бортпроводница* проходила на его глазах. Он совершенно прав, когда говорит, что слово *стюардесса* появилось в русском языке давно. Но С. В. Гедда не принял во внимание одного об-

стоятельства: когда языковед говорит или пишет о судьбе того или иного слова, он прежде всего сосредоточивает внимание на том, когда, в каких печатных источниках оно появляется впервые, как часто употребляется в литературном, общепарадном языке.

ОБРАТИТЕ ВНИМАНИЕ...

Пожалуй, именно этими словами можно объединить письма-сигналы.

Они также не все идут в печать, но сотрудники редакции работают с ними: анализируют, звонят и пишут, наводят справки, советуются со специалистами, отвечают на письма индивидуально.

Люди, имеющие дело со словом — ученые-языковеды, писатели, журналисты, издатели, по праву пользуются уважением читателей. Вот почему в письмах в редакцию читатели адресуют работникам печати не только слова благодарности, слова признательности за их благородную деятельность, но и предъявляют очень высокие требования, не прощая ни равнодушия, ни небрежности в обращении с первоосновой литературы любого характера — в обращении с языком. Именно этим вызваны многочисленные «сигналы с мест», поступающие в редакцию «Русской

речи». Характер их, естественно, очень разнообразный, как разнообразны причины, заставившие человека взяться за перо, чтобы написать письмо в редакцию. Иногда это замечание по поводу неграмотного объявления, иногда возмущение небрежностью автора или редактора научной или художественной книги. Бывает то и другое вместе.

Г. И. Лупанов написал из Одессы о том, что ему пришлось встретиться с такими объявлениями: «Стол для грязных разнесов»; «В подъезде не трусить». Что это — одесский юмор или элементарная безграмотность? Случай, как говорится, частный, но автор приводит таких случаев немало, он наблюдает их нередко в рекламе. Одни из них несут в себе искажение информации, другие — свидетельствуют о графической небрежности, но те и другие по-своему действуют на людей, формируют их вкус к языку, влияют на развитие их культуры. Особенно волнует Г. И. Лупанова кинореклама, те многочисленные афиши, которые зачастую делаются людьми случайными. «Видимо, есть необходимость, — пишет автор письма, — издать для работников клубов и дворцов культуры специальное руководство, в котором наряду с рекомендациями указать на типичные ошибки, допускаемые в кинорекламе».

Много пишут читатели-рабочие, инженерно-технические работники о языке всякого рода инструкций, пособий, памяток, рекламных стендов, наглядной агитации. Приведем несколько цитат из писем, присланных в редакцию А. Матковским из Узловой Тульской области. Из памятки «Как надо работать».

При работе ищи удобного положения тела, наблюдай за своей установ-

кой, по возможности — садись; если стоишь, то ноги расставляй, чтобы была экономная опора.

Не берись за работу круто, входи в работу исподволь.

Если надо сильно приналечь, то сначала приладься, испробуй наполсилу, а потом берись вовсю.

Не работай до полной усталости, делай равномерные отдыхи.

Работай ровно; работа приступами сгоряча портит и работу и твой характер.

При удачном выполнении работы не старайся ее показать, хвалиться, лучше потерпи.

В случае полной неудачи легче смотри на дело, попробуй сдержаться и снова начать работу и т. д.

Комментировать здесь, собственно, нечего. В одном экземпляре такое появиться могло, хотя это и странно. Но вот А. Матковский приводит подобные перлы из инструкции, изданной Государственным издательством и немалым тиражом. Судите сами: *Не смазывай и не обтирай машину на ходу.*

Ротозей, не калечь друзей.

У машины игра не доводит до добра.

На затупленной фрезе не работай и т. д. и т. п. не менее грустное.

Нередко подобное можно встретить в методической литературе, предназначенной для студентов и преподавателей. Г. А. Солдатов из Пятигорска написал нам о некоторых «формулировках» из «Книги для учителя» (М., «Просвещение», 1968). Вот лишь несколько примеров: «Для закрепления вопросов и отрицательных ответов можно провести игру...»; «Учитель проводит фронтальный опрос слов и оборотов...». «Опрос пройденных слов и выражений...»; «Опрос алфавита...»; «Этот раздел содержит активную лексик у. Учитель может опро-

сить ее устно...»; «Учитель опрашивает лексику предыдущего урока, изолированно и в предложениях...» и т. д.

С замечаниями Г. А. Солдатова трудно не согласиться. Сокращения формулировок, какими бы соображениями ни были вызваны, недопустимы, если они ведут к искажению языка. Г. А. Солдатов резонно замечает: «Книга для учителя к учебнику немецкого языка для V класса» (авторы И. Л. Бим и В. М. Григорьева) имеет много положительного. И тем большее сожаление вызывает в ней наличие приведенных выше «формулировок». Может, мы все-таки будем повнимательнее относиться к своему родному языку и не станем... устно опрашивать лексику?».

НЕ ПОНЯТНО, ПОЧЕМУ?..

Сигналы идут отовсюду. Группа учителей из Подмоскovie просмотрела спектакль Театра имени М. Н. Ермоловой «Теория невероятности». А вскоре в редакцию пришло коллективное письмо, в котором учителя справедливо упрекают автора и постановщиков в отсутствии чувства меры в речевых характеристиках некоторых героев пьесы. «Непонятно, почему творческая интеллигенция: поэты, ученые, художники — разговаривают в пьесе на таком блатном жаргоне, — пишут учителя. — Здесь нередко можно услышать из уст сорокалетнего представителя науки, например, такое: „на фиг“, „на хрен“, „задница“. Профессор называет своего помощника „мамина дура“. Нас удивляет и возмущает, почему допускается пропаганда таких непотребных слов со сцены Театра имени М. Н. Ермоловой?». В конце письма возмущенные преподаватели просят передать их мнение авто-

рам спектакля. Мы это делаем. Публично.

Читать подобные письма и радостно и грустно. Радостно — потому, что видишь в них неравнодушные к родному слову, хозяйскую рачительность, живую заинтересованность судьбами родного языка. Грустно — таких писем много, а значит еще и много причин, заставляющих людей писать в редакцию именно об этом. Но письма-сигналы идут, идут...

В Калужской областной газете «Знамя» напечатана небольшая заметка фенолога А. Марина «Ожидание». Вот несколько фраз из этой небольшой заметки: огромное серое небо; матовые сереющие краски; дни стали серыми; посерело, заслезилось небо; розовато-серые свиристели... Не слишком ли много серости? — замечает автор письма Н. Л е с н я к о в. Именно замечает, а не спрашивает, потому что знает — много.

Наш читатель А. Х м е л е в с к и й из Уфы обращает внимание на чрезмерную эксплуатацию слова *золото*. Особенно в заголовках: Черное золото (уголь, нефть), Мягкое золото (пушнина, шерсть), Белое золото (хлопок), Голубое золото (газ), Красное золото Хазара (речь идет о породах красной рыбы), Зеленое золото (лес). Не без основания и иронии автор письма рекомендует еще и «коричневое золото» (торф), «серебристое золото» (рыба разная, особенно серебристый хек) и, наконец, «нутряное золото» (молчание во избежание перепроизводства золотосносных штампов).

Газета, особенно ее информационные отделы — это очень оперативные участки работы. Порою здесь даже нет времени для того, чтобы подумать над заголовком. И тем не менее штамп есть штамп. Он доходит до читателя, режет слух, притуп-

ляет интерес к материалу газеты, он обедняет язык, он, наконец, может стать характерной чертой данной газеты. Не надо думать, что газета живет один день — для читателя это не критерий, а для языка — тем более.

Человек прочитал в газете заголовок «Завод встал. Нет цемента». Увлеченный его эмоциональностью, он может, сразу возьмется за чтение материала. Другой задумается над правильностью не сущности материала, а заголовка. Почему *встал*, а не *стал*? Есть же разница между этими двумя глаголами? Несомненно, есть. Правильно здесь было бы употребить глагол *стал* и после него поставить не точку, а двоеточие. Разумеется, все это заметит не каждый читатель. П. П. С и п а ч е в из Киева обратил внимание на этот заголовок в молодой еще газете «Социалистическая индустрия» и как работник печати желает редакции внимательнее отнестись к редактированию заголовков, подписей под фотографиями и других «мелких» материалов, потому что в языке ничего не может быть мелкого — каждое слово важно, каждое читается миллионами людей.

Уже другой читатель, С. П. К и р ю х и н из Ростовской области, обратил внимание на стилистическую небрежность в статье Ю. Феофанова «Случай в горах» («Известия», 1 ноября 1969). Опытный журналист Ю. Феофанов употребил выражения *по северному хребту ущелья*; *по южному хребту ущелья*. Читатель прав, когда говорит, что хребет не является элементом рельефа ущелья. Может быть, журналист говорит об особом случае, но тогда необходимо оговорить это в статье, чтобы не вызывать недоумений подобной парадоксальностью.

В. А. М е д в е д е в из Тбилиси приводит множество примеров непра-

вильного улобления журналистами отдельных русских и иностранных слов. Эти наблюдения также очень любопытны. И некоторые из них мы приведем здесь. «И имя это напрочь приклеилось к нашему бухгалтеру» («Литературная газета», 1965, № 93); «Настораживал образ мышления собеседника, для которого давно и напрочь все решено» («Журналист», 1967, № 7). Напрочь — значит не накрепко, а совсем наоборот. «По старой морской традиции три зала из винтовки дал Буторин» («Комсомольская правда», 17 августа 1967). Залп — это одновременный выстрел из нескольких орудий. «Население его (селения Хыналыг АзССР) представляет собой маленькую этнографическую группу» («Комсомольская правда», 14 мая 1968). Очевидно, имеется в виду этническая группа. «...Как смертельный грех, обрекает человека на вечную „неприкосаемость”» («За рубежом», 1968, № 26). Грехи есть смертные, а не смертельные. «Налево — Тихий океан, направо — Атлантический. Вряд ли на земном шаре есть другая такая точка, откуда одновременно можно лицезреть два Мировых океана» («Известия», 28 января 1969). Как известно, Мировой океан один, так называется все водное пространство земного шара... «При полном аншлаге прошла на экранах нескольких кинотеатров...» («Известия», 6 сентября 1966). Аншлаг не зал, а объявление. Можно пройти с аншлагом. Или при полном зале. Слово *аншлаг* неверно употребляется довольно часто. Вот еще пример. В «Программах радио и телевидения» (1970, № 2) можно прочитать: «...спектакли с участием Миккульского всегда собирают аншлаг».

Итак, сигналы, сигналы... Тревожные, значительные, о небрежности,

неопытности в обращении со словом, о равнодушии к языку, — письма, отмеченные хозяйской заботой о нашем общем бесценном достоянии — о родном русском языке.

МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО ИНТЕРЕСНО...

В «Русской речи» (1969, № 3) со статьей «Институт русского языка теперь и в будущей пятилетке» выступил директор Института член-корреспондент АН СССР, член редколлегии журнала Ф. П. Филин.

«Русский язык изучается с давних пор,— писал Ф. П. Филин.— ...Многие поколения ученых-языковедов посвятили ему свои замечательные исследования. Казалось бы, все уже изучено, и нам остается только воспользоваться трудами своих предшественников, популяризировать их несомненно большие достижения и распространять среди населения. Однако это совсем не так. Русский язык в своем прошлом и настоящем — необозримый океан явлений, простых и очень сложных. В них проявляется бесконечное разнообразие постоянно развивающихся закономерностей. Неустанно обогащается русский язык, расширяется его применение в качестве средства общения. Русский язык стал одним из ведущих мировых языков, что выдвигает перед современным отечественным языкознанием новые нерешенные проблемы. Во многих отношениях изучение русского языка только начинается».

Для составления толковых, синонимических, идеологических, исторических, диалектных, этимологических словарей, вообще для описания словарного состава русского языка, начиная с древнейших письменных памятников до наших дней, необходимо расширять, обогащать существую-

ющие словарные картотеки. Рассказав об опубликованных и начатых работах Института русского языка, а также перспективных планах коллектива, Ф. П. Филин обратился в названной статье к читателям «Русской речи», ко всем любителям русского языка с призывом присылать «свои словарные наблюдения (записи местных слов, выписки из художественных произведений, журналов, газет и т. п.)» и вносить свои предложения, «какие книги по рус-

скому языку им хотелось бы иметь, какие проблемы, по их мнению, являются первоочередными».

На этот призыв откликнулись многие наши читатели. «Может быть, это интересно...» — такими словами чаще всего начинаются или заканчиваются их письма. «С некоторых пор я стал записывать слова, которые кажутся мне необычными, — пишет Б. А. Медведев. — Попадают они не часто, но все же встречаются. Возможно, что они только для меня необычны? Но я не нахожу их ни в 17-томном словаре, ни в орфографическом. Прочитав обращение к читателям Ф. П. Филина, я решил послать вам записанные мною слова — быть может, и пригодятся». И дальше следует целый список слов со ссылками на источники. Приведем их лишь несколько.

Гвоздимый — «ячистый бетон, материал такой; чем он легче, тем лучше. Лучше обеспечивается тепловая и звуковая изоляция. Лучше его возить, легче поднимать. Можно пилить, строгать. И еще одно качество, новоселами одобренное, — он „гвоздимый“» (А. Аграновский. Что хорошо, то хорошо. — «Известия», 21 августа 1969); *Вопрекизм* — «занимается, по существу, не творчеством, а „вопрекизмом“, его произведение не новаторское, а псевдоноваторское» (Г. Товстоногов. Вечно живая проблема. — «Советская культура», 25 декабря 1962).

Здесь же приводятся слова (со ссылками на литературные источники): гигантство, древастный, женщинская линия (о родстве), завхозничество, запрезирать, исподошвить, ленно, милота, работащесть, сволочизм, торопыжистый, уярчать, эха (мн. число от *эхо*), сексплуатационные (американские фильмы, эксплуатирующие секс), сподножной (по типу сподручной) и другие.

«Я живу на востоке Красноярского края, на реке Бирюсе, — пишет в редакцию учитель Ю. Д. Варюшин. — Часто бываю в поселках, разбросанных по побережью. В Бирюсе впадает множество речушек с названиями Хиндичет, Панакачет, Черчет, Толичет, Тенчет, Почет и др. Ребята, мои ученики, часто спрашивают, что обозначают эти названия, а я ничего не могу им ответить. Вообще топонимические названия по Бирюсе очень интересные и красивые. Что, например, общего в названиях Абан — наш районный центр; Арбан — мыс при слиянии рек Чуна и Бирюса; Турпан — название небольшого порога на Бирюсе? Или названия поселков Чигашет, Шигашет, Тибишет. Реку Бирюсу в ее низовьях называют Она. Недалеко протекает река Чуна (Уда). Так вот —

людей, живущих на побережье Чупы зовут чунарями, а нас, жителей Бирюсинских (Онских) поселков, оно-рями не называют. Жителей наших мест, условно конечно, еще с дореволюционного времени делят на чалдонов, лапотонов и скобарей. Каково происхождение этих названий — тоже неизвестно. И еще. В говоре старожилов нашего села есть интересное слово *шойник* (шпоник) — место, где в реку стекают талые и дождевые воды. В Словаре В. И. Даля я этого слова не нашел. Нельзя ли объяснить происхождение и этого слова?».

Мы специально привели это письмо почти полностью, потому что оно типичное. В словарях действительно нет многих слов. А люди хотят знать их значение и обращаются в редакцию. С такими письмами мы знакомим специалистов — этимологов, топонимистов. Просим ответить авторам лично, а иногда на страницах журнала.

Сейчас выходит (первые четыре выпуска уже вышли) «Словарь русских народных говоров». По количеству слов он будет значительно превышать знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля. Письма, подобные только что приведенному, оказывают большую помощь составителям нового словаря: все неизвестные слова записаны в специальные картотеки, являющиеся фактической базой словарей русского языка. Поэтому мы еще раз обращаемся ко всем любителям русского языка: пишите нам о своих словарных наблюдениях, о диалектных словах, выражениях, о их значении!

В начале обзора мы говорили, что есть во взаимоотношениях редакции с читателями своего рода «тяжба». Например, один из наших читателей

время от времени присылает нам письма со списками «новых» слов (последнее письмо содержит такие слова: космометр, марсовед, марсист, марсолог, марсология, марсолет, марсоход, марсонавты, марсенок — ребенок, родившийся на Марсе, марсята — то же, но во множественном числе и т. д.).

Товарищ хочет, чтобы мы непременно опубликовали (опубликовать-таки пришлось) и тем самым утвердили его первым автором данных слов. Но «тяжба» заключается не в этих притязаниях, а в том, что человек считает себя обкраденным, а редакцию обвиняет в плагиате. И пишет об этом в «Известиях», а может, уже и еще куда-нибудь. В общем борется за справедливость товарищ.

«А было это... тогда-то...» — это фраза из писем-напоминаний. Иногда они приходят вслед за письмом-вопросом. Нетерпеливость авторов понятна. К сожалению, не на каждое письмо редакция в состоянии ответить оперативно. И дело здесь не в обилии писем, а в сложности вопросов. С целью дать ответы исчерпывающие, точные, редакция часто обращается к специалистам. Иногда письма приходится пересылать в другие города страны. А читатели просят ответить быстрее: «У нас возник спор...», «Мы подготовили к печати рукопись, но вот возник вопрос...», «Я нахожусь в доме отдыха и хотел бы получить ответ сюда...» и т. д. и т. п. Но ведь спорят не только читатели. В поисках истины ведут исследования, спорят ученые. На многие вопросы читателей еще невозможно дать ответы определенные и точные. Не все проблемы в языке можно решить быстро, прибегнув к указанию или разъяснению, порицанию или поощрению.

Итак, из обширной редакционной почты мы более или менее подробно остановились лишь на нескольких десятках писем, стремясь по возможности представить в обзоре разные черты характера корреспонденции в целом. Разумеется, о ее разнообразии исчерпывающе рассказать невозможно ни в каком обзоре. «Живой, как жизнь» — этими тоголевскими словами о русском языке можно в определенной мере охарактеризовать и письма наших читателей, в которых так или иначе идет речь о «живой жизни» отдельного слова и всего языка. Кроме огромной их роли как источника информации, они являются и богатейшим источником жизни самого журнала. Редакция стремится использовать каждое интересное предложение читателей, ответить на страницах журнала на каждое

письмо, представляющее интерес общий.

Многие письма начинаются словами: «Извините, что отрываю у вас время...», «Может быть, я вас беспокою по пустякам...», «Долго думал, стоит ли обращаться с моим вопросом к вам...», «Не знаю, покажутся ли вам мои вопросы достаточно серьезными...» и т. д. Одной из целей этого обзора и является приглашение к еще более внимательному всенародному исследованию русского языка.

Пожалуйста, беспокойте, тревожьте, просите, требуйте, спрашивайте.

Русский язык — бесценное сокровище наше, родное. Не любить его нельзя, знать и чувствовать его необходимо.

Наше — для нас!

В. А. ЕРЕМИН